

ИСТОЧНИК
СВЕТЛЫЙ ИСТОЧНИК

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ КИТАЯ, КОРЕИ, ВЬЕТНАМА

2 руб.

СВЕТЛЫЙ
ИСТОЧНИК

СВЕТЛЫЙ ИСТОЧНИК

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ПОЭЗИЯ
КИТАЯ,
КОРЕИ,
ВЬЕТНАМА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1989

84. 5

С 24

Составление
Е. Дьяконовой

Послесловие и примечания
И. Смирнова

С $\frac{4703000000-1785}{080(02)-89}$ 1785—89

© Издательство «Правда», 1989.
Составление. Послесловие.
Примечания.

КИТАЙ

ВАН БО

(649—676)

ВО ДВОРЦЕ ТЭНСКОГО КНЯЗЯ

Палаты высокие тэнского князя
подходят к острову Цзяна,
Брелоки из яшмы звенели и пели;
им — и песням и танцам — конец.
На балках узорных — там утром летят
облака над южным затоном;
Завесы алеют — под вечер свернутся,
как дождь, среди западных гор.
Беспечные тучи — их блики в затоне
там целыми днями гуляют.
И все изменилось, и звезды сместились:
который раз осень здесь?
Здесь живший в палатах царевич, куда он
девался и где же теперь он?
Далёко река за решеткой дворцовой
стихийно, бесцельно течет.

ПРОВОЖАЮ ДУ, УЕЗЖАЮЩЕГО В ШУЧЖОУ
НА ДОЛЖНОСТЬ ШАОФУ —
ПОМОЩНИКА ПРАВИТЕЛЯ УЕЗДА

Чанъаньские башни —
Тройного Циня начало.
Сквозь ветер с туманом
те Пять Переправ я вижу.

Мой друг, нам с тобою
расстаться настало время:
Мы оба по службе
скитальцы, в странствиях частых.

Когда Меж Морями
нам кто-то душевно близок,
У края ли неба,
и то он как будто рядом.

И значит, не будем,
 прощаясь у поворота,
Как малые дети,
 платки поливать слезами!

ЛУ ЧЖАОЛИНЬ

(637?—680?)

ПРОВОЖАЮ ВТОРОГО СТАРШЕГО БРАТА УЕЗЖАЮЩЕГО В ШУ

С заставами горы
 ждут путника на дорогах.

В веселых забавах
 цветет государев город...

На проводах этих,
 как только разняли руки,

Глядим, расставаясь,—
 друг друга жалеем молча!

ЛО БИНЬВАН

(640?—684?)

ПРОВОЖАЮ НА РЕКЕ ИШУЙ

На этом же месте
 прощался он с Яньским Данем.

У храброго мужа
 ударили волосы в шапку...

Времен тех прошедших
 людей на земле не осталось.

Речная сегодня -
 вода холодна, как прежде!

В ТЮРЬМЕ ВОСПЕВАЮ ЦИКАДУ

Когда я в осеннее утро,
Узник с далекого юга,

Слушаю пенье цикады,—
Думы' меня терзают.

Цикада, скажи, зачем ты
Ко мне под окно прилетела?

Зачем ты напевом грустным
Тревожишь меня, седого?

Роса твои крылья смочила,
Они тяжелы для полета,

И сильный, пронзительный ветер
Твой голос легко заглушает.

Никто в этом мире грязном
В твою чистоту не поверит,

Хоть ты и поешь свои песни
От самого чистого сердца!

ЯН ЦЗЮН

(650—692?)

В ПОХОДЕ

Пламя сигналов
над западную столицей.
Сразу на сердце,
конечно, от них тревога.

Знак полководца
выносим из Врат Дворцовых.
Латников конных
ставим вокруг Стен Дракона.

В темени вьюжной
узоры знамен поблекли.
В ветре все время
слышен бой барабанов...

Все же в походе
командовать просто сотней
Лучше, чем дома
сидеть одному за книгой!

ЧЭНЬ ЦЗЫАН

(661—702)

ВЕЧЕРОМ ОСТАНАВЛИВАЮСЬ В ЛЭСЯНЕ

Родимый мой край не виден нигде вдали,
и к вечеру солнце, а я одиноко иду.
Рекою, долиною застлана старая родина,
путями-дорогами в город иду к рубежу.
На дикой границе рвутся поляны тумана,
в глубоких горах — в линию встали деревья.
Вот такова тоска в эти черные дни!
«Ау-ау» да «ау-ау» кричит в ночи обезьяна.

ПОТРЯСЕН ВСТРЕЧЕЙ

I

Чуть видная луна
 меркнет в западном море,
А солнца тусклый круг,
 быстро светлея, всходит.
Миг один — и восток
 круглым светом заполнен,
А темная душа
 утром уже застыла.
Да, великий предел
 твердь и землю рождает.
О, вероятно, в том
 сокрыта высшая тонкость...
Присущи началам трем
 расцвет и увяданье —
Ценность Трех и Пяти
 кто доказать сумеет?

II

Когда б и летом и зимой
 орхидеи всходили,
Едва ль бы нам их красота
 столь чаровала взоры.
Цветенье пышных орхидей
 все в лесу затмевает,
На фиолетовых стеблях
 красные листья никнут.
Медленно-медленно ползет
 в сумрак бледное солнце,
Гибко, едва коснувшись земли,
 взвился осенний ветер.

В расцвете лет — уже конец
трепета, опаданья...
Прекрасным замыслам когда ж
можно осуществиться?

III

Гордятся люди рынка
ловкостью и смекалкой,
Но жизни путь проходят,
словно в неведение детском:
К мошенничеству склонны
и мотовством кичатся,
Ни разу не помыслят,
чем жизнь их завершится.
Им бы Трактат постигнуть
об истине сокровенной,
Им бытие узреть бы
в яшмовом чайнике Дао
И в разочарованье
оставив небо и землю,
По правилам превращений
в беспредельности кануть!

ПЕСНЯ О ВОСХОЖДЕНИИ НА ЮЙЧЖОУСКУЮ БАШНЮ

Не вижу бывшего
достойных мужей.
Не вижу в грядущем
наследников им;
Постиг я безбрежность
небес и земли,
Скорблю одиноко,
и слезы текут.

ХЭ ЧЖИЧЖАН

(659—744)

ПИШУ НА ДАЧЕ

С хозяином дачи я лично совсем не знаком,
но рядом сижу с ним ради деревьев с потоком.
Вам не к чему, право, скорбеть, как купить вино:
в мошне у меня всегда были деньги на это.

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

Молодым я из отчего дома ушел,
воротился в него стариком.

Неизменным остался лишь говор родной,—
счет годов у меня на висках.

И на улице дети глядят на меня,—
все они не знакомы со мной,—

И смеются и просят, чтоб гость рассказал,
из каких он приехал краев.

ЧЖАН ЮЭ

(667—730)

ОПАЗДЫВАЮ НА ШУСКОЙ ДОРОГЕ

Гость в своем сердце
и дням знал и лунам счет,

До Шу и обратно
заранее вычислив путь.

Осенний же ветер
гостя не подождал

И первым ворваться
успел в столицу Лоян!

ЧЖАН ЦЗЮЛИН

(673—740)

ОТВЕЧАЮ ЛУ ЛИ

На хвое сосновой
настоянного вина

Весною прошедшей
ты много ль себе припас?

Ссылаться не стану
на горной дороги даль:

Я даже по снегу
пешком до тебя дойду!

МЭН ХАОЖАНЬ

(689—740)

ПРОВОЖУ НОЧЬ
В ГОРНОЙ КЕЛЬЕ УЧИТЕЛЯ Е.
ЖДУ ДИНА. ОН НЕ ПРИХОДИТ

Вечернее солнце
ушло на запад за гору.
Повсюду ущелья
внезапно укрылись тьмой.

Над соснами месяц
рождает ночную свежесть.
Под ветром источник
наполнил свободный слух.

Уже дровосеки
все скоро уйдут из леса,
И в сумраке птицы
находят себе приют.

А он, этот друг мой,
прийти обещался к ночи,
И цинь одиноко
все ждет на тропе в плющах.

ОСЕНЬЮ ПОДНИМАЮСЬ НА ЛАНЬШАНЬ.
ПОСЫЛАЮ ЧЖАНУ ПЯТОМУ

На Бэйшане
среди облаков белых
Старый отшельник
рад своему покою...

Высмотреть друга
я всхожу на вершину.
Сердце летит,
вслед за птицами исчезает.

Как-то грустно:
склонилось к закату солнце.
Но и радость:
возникли чистые дали.

Вот я вижу —
идущие в села люди
К берегу вышли,
у пристани отдыхают.

Близко от неба
деревья как мелкий кустарник.
На причале
лодка совсем как месяц.

Ты когда же
с вином ко мне прибудешь?
Нам напиться
надо в осенний праздник!

ЛЕТОМ В ЮЖНОЙ БЕСЕДКЕ ДУМАЮ О СИНЕ СТАРШЕМ

Вот свет над горою
внезапно упал на запад.
И в озере месяц
неспешно поплыл к востоку

Без шапки, свободно
дышу вечерней прохладой,
Окно растворяю,
лежу, откинув заботы.

От лотосов ветер
приносит душистый запах.
Роса на бамбуках
стекает с чистым звучаньем.

Невольно захочешь
по струнам циня ударить,
Но жаль, не услышит
знаток, кому это в радость...

При чувствах подобных
о друге старинном думы,
А полночь приходит —
и он в моих сновиденьях!

НОЧЬЮ ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЛУМЭНЬ

В горном храме колокол звонкий —
померк уходящий день...
У переправы перед затоном
за лодки горячий спор.

Люди идут песчаной дорогой
в селения за рекой.
С ними и я в лодку уселся,
чтоб ехать к себе в Лумэнь...

А в Лумэне месяц сияньем
деревья открыл во мгле.
Я незаметно дошел до места,
где жил в тишине Пан Гун.

В скалах проходы, меж сосен тропы
в веках берегут покой.
Только один лумэньский отшельник
придет и опять уйдет.

МОИ ЧУВСТВА В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ГОДА

И тяжел и далек
путь за три горных края Ба
По опасным тропам,
где идти десять тысяч ли.

Средь неравных вершин
на проталине снежной в ночь
С одинокой свечой
из иной страны человек.

Отдвигается вдаль
кость от кости, от плоти плоть,
И на месте родных
верный спутник — мальчик-слуга.

Где же силы терпеть
эту, в вечных скитаньях, жизнь?
С наступлением дня
начинается новый год.

ПОДНЯЛСЯ НА ВАНЬСУЙЛОУ — БАШНЮ ВЕЧНЫХ ЛЕТ

На башню Ваньсуй — Вечных Лет — взошел я,
чтоб родину увидеть.
И сразу меня о родине думы
охватывают сильней.

Гусей перелет под холодным небом
тревожит теперь до слез.
И крик обезьян при закатном солнце
мое оборвет нутро...

Приводят изгибы древней плотины
к студеной речной воде.
Поделены косо берег поодаль
и тополь сухой вблизи.

Сегодня нежданно мне повстречался
соратник мой, добрый друг,—
И радостно также домой отправить
письмом эти восемь строк!

НОЧУЮ НА РЕКЕ ЦЗЯНЬДЭ

Направили лодку
на остров, укрытый туманом.

Уже вечерет,—
чужбиною гость опечален...

Просторы бескрайни —
и снизилось небо к деревьям.

А воды прозрачны —
и месяц приблизился к людям.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Меня весной
не утро пробудило:

Я отовсюду
слышу крики птиц.

Ночь напролет
шумели дождь и ветер.

Цветов опавших
сколько — посмотри!

ПРОВОЖАЮ ЧЖУ СТАРШЕГО, УЕЗЖАЮЩЕГО В ЦИНЬ

Нынешний путник
в Улин — Пять Холмов — уедет,

Меч драгоценный
всю тысячу золотом стоит.

Руки разняли,
его я дарю на память —

Дней миновавших
одно неизменное чувство!

ПРОВОЖАЮ ДРУГА,
НАПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ В СТОЛИЦУ

Ты, поднимаясь,
к синей уходишь туче.

Я на дорогу
к синей горе вернулся.

Туче с горою,
видно, пора расстаться.

Залил слезами
платье свое отшельник.

ВАНУ ДЕВЯТОМУ

Солнце к закату,
а сельский твой дом далек.

С горным приютом
не медля все же простись.

Помни, что надо
пораньше в путь выходить:

«Милые детки
домой Тао Цяня ждут».

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ РЕКУ,
СПРАШИВАЮ У ЛОДОЧНИКА

Волна легла, река ровна —
нет ветра над водой.

Мы в легкой лодке по реке
с моим гребцом плывем.

Все время в нетерпенье я
смотрю на край небес:

«Которая из синих гор
вершина Юэчжун?»

НАЧАЛО ОСЕНИ

Еще незаметна осень в начале,
а ночи уже длинней.

Порывами ветер прохладный веет
и свежесть с собой несет.

И жаром пылавший зной отступает,
и в доме тишь и покой.

И листья осоки внизу у ступеней
от капель росы блестят.

ПРИХОДИЛ В ОБИТЕЛЬ ПРАВЕДНОГО ЖУНА

На горной вершине в келье монаха
одежды его висят.

А перед окошком в полном безлюдье
летают птицы с озер.

Пока еще сумерки не сгустились,
тропинкою вниз иду.

В пути я внимаю шороху сосен,
любуюсь гор бирюзой.

ПРОВОЖАЮ ДУ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО, УЕЗЖАЮЩЕГО В ЦЗЯННАНЬ

Там, на границе меж Цзином и У,
повсюду господство вод.

Ты уезжаешь, — весенней реки
безбрежно широк разлив...

Солнце заходит, а парус вдали
где обретет причал?

Только взгляну я на край небес —
и оборвется жизнь!

ЧЖАН ЦЮЙ

(VIII в.)

ПЛЫВУ В ЛОДКЕ ПО ЦИНСИ — ЧИСТОЙ РЕКЕ

Путник, в лодке плывущий,
направляется далеко.

Вот приблизился вечер,
затянули песню гребцы...

Я, смеясь, обнимаю
в водах Чистой Реки луну:

Мне сиянием чистым
любоваться не надоест!

ПЕРСИКОВЫЙ ПОТОК

Неотчетлив, неясен летящий мостик,
застилаем туманом с поля...

Где скалистого острова западный берег,
я окликну рыбачью лодку:

Целый день осыпался отцветший персик,
лепестки плывут по теченью,

И осталось мне только спросить: пещера
на какой стороне потока?

В ГОРАХ НЕ ОТПУСКАЮ ГОСТЯ

Свет гор и очарованье вещей
создают сиянье весны.

Зачем же при легкой тени уже
торопиться скорей домой?
Ведь даже и в самый погожий день,
без единой капли дождя,

Когда в облака глубоко войдешь,
все равно промокнешь насквозь.

ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА; В ОЖИДАНИИ ДОЖДЯ

Пора мне к беседке пойти и в ней
расставить чары с вином...

Над самой рекой облаков гряда —
и день в предвечерней мгле...

Восточный бы ветер я попросил
подуть и развеять дождь:

Хотя бы до завтра пусть погодит
врываться в расцветший сад!

ВЕСЕННЯЯ ТРАВА

Весенней травы там зелень и зелень
на тысячи ли вокруг,

Где в дальнем краю на закате солнца
я вижу странника дом

И знаю: за долгий, в морских скитаньях,
трехлетней разлуки срок

Не послан среди облаков ни разу
листочек один письма!

ИВА

Эти светлые, светлые в дымке ветви,
подметая землю, свисают...

У стены, рядом с домом высоким, ива
вся полна весеннею грустью.

Я хочу, чтобы вы взгляделись получше
в благородство ее и прелесть:

Их не меньше, чем в тех прославленных ивах,
Линхэдянь собой украшавших!

ВАН ВАНЬ

(693—751?)

ДОЕЗЖАЮ ДО ПОДНОЖИЯ
ГОРЫ БЭЙГУШАНЬ

Страннику путь
за зеленой горой пролег.
Лодка его
бирюзовой рекой плывет.

Ровен разлив —
и два берега далеки.
Ветер прямой —
и на глади парус один...

Солнце в морях
на исходе ночи взошло.
В водах весна
вдруг вторгается в старый год...

Письма родных
где в дороге меня найдут?
Стаи гусей,
возвращаясь, летят в Лоян!

ЦУЙ ХАО

(?—754)

НА БАШНЕ ЖЕЛТОГО АИСТА

Тот, что жил прежде, уже, взгромоздившись на белую тучу,
исчез...

В этой земле бесплодно осталась Желтого Аиста башня.
Желтый тот аист однажды исчез и более не возвратится;
белые тучи уж тысячу лет напрасно идут да идут.

Чистые струи одна за другою в ханьянских деревьях
видны;
травы пахучие густо растут здесь среди островка Попугая.
Солнце уж к вечеру... Стены родные — где они, где,
скажи?..

Волны в тумане на этой реке в грусть меня повергают.

ВАН ВЭЙ

(701—761)

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

ОТВЕЧАЮ ПЭЙ ДИ

Безбрежно широк
Разлив холодной воды.
Сумрак зеленый —
Осенний дождь проливной.
Ты вопрошаешь:
Где горы Чжуннаньской гряды?
Ведаю сердцем:
За облачной, белой стеной.

ИЗ СТИХОВ «ДОМ ХУАНФУ ЮЭ В ДОЛИНЕ ОБЛАКОВ»

1. ПОТОК, ГДЕ ПОЮТ ПТИЦЫ

Вкушаю покой.
Отцветает корица вокруг.
Затишная ночь.
Горы пустынно весной.
Явилась луна,
Всполошила дремных пичуг:
Поют — не смолкают
Над вешней влагой речной.

2. ЗАВОДЬ, ГДЕ ЦВЕТУТ ЛОТОСЫ

Плыву что ни день
По лотосы в утлом челне.
Остров велик.
Допоздна замедляю возврат.
Толкаюсь шестом,
Не плещу, скользя по волне:
Боюсь увлажнить
Цветов червлёный наряд.

3. ЗАТОН, ГДЕ ОХОТИТСЯ БАКЛАН

Юрко нырнул
Под красные лотосы вмиг.
Вынырнул, взмыл,
Над затоном набрал высоту.

Перья топорща,
Вновь одиноко возник.
В клюве рыбешка.
Замер на старом плоту.

4. ПРУД, ЗАРОСШИЙ РЯСКОЙ

Пруд обширен.
Челн веслом кормовым
Вот-вот причалит,
Колеблет влажную гладь.
Лениво-лениво
Сомкнется ряска за ним.
Плакучая ива
Разгонит ряску опять.

РЕКА ВАНЧУАНЬ

1. МЭНЧЭНСКАЯ ПАДЬ

Новый мой дом
У входа в Мэнчэнскую падь.
Дряхлые ивы —
Сада истлевшего след.
После меня
Кто станет впредь вспоминать
С немощной скорбью
О людях минувших лет?

2. ХОЛМ ХУАЦЗЫ

Не сосчитать
Улетающих птиц.
Осень опять
Расцветила хребты.
Гляну с холма,
Сойду с высоты —
Сызнова в сердце
Тоска без границ.

3. БЕСЕДКА ИЗ УЗОРНОГО АБРИКОСА

Древо на балки —
Узорный дал абрикос,
Из камыша
Душистую кровлю сплели.

Пряди тумана,
Что ветер в стропила занес,
Наверно, уйдут
И дождем прольются вдали.

4. БАМБУКОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Рослый бамбук
Отражен в пустынной реке,
Яхонт и яшму
Рябью колышет вода.
Взойди на Шаншань
От мирской тщеты вдалеке,
Дровосеки в лесу
Тебя не увидят тогда.

5. ОЛЕНЬЯ ЗАСЕКА

Горы пустынны.
Не видно души ни одной.
Лишь вдалеке
Голоса людские слышны.
Вечерний луч
Протянулся в сумрак лесной,
Зеленые мхи
Озарил, сверкнув с вышины.

6. ИЗГОРОДЬ ИЗ МАГНОЛИЙ

В закатных лучах
Осенние склоны хребта.
Птицы чредой
Летят над лесистой горой.
Вечерний туман
Кочует, меняет места.
Пестрая зелень
Становится ярче порой.

7. БЕРЕГ, ГДЕ РАСТЕТ КИЗИЛ

Всюду полно
Зеленых и красных плодов,—
Будто цветы
Опять расцвели в тишине.
Чарку вина
Поднести любому готов,
Кто погостить
Пожалует в горы ко мне.

8. ТРОПИНКА МЕЖДУ СОФОР

Между софор
Тропа шириной в полшага.
Заросли моха —
В плотных, длинных тенях.
Только для гостя
Тропу расчищает слуга:
Вдруг забредет
Какой-нибудь здешний монах!

9. БЕСЕДКА У ОЗЕРА

Гостя встречаю;
Почтенный в легком челне,
К берегу близясь,
Неспешно скользит по воде.
Два кубка вина
В беседке — и другу и мне,
И лотос окружный
Уже распустился везде.

10. ЮЖНЫЙ ХОЛМ

Лодка легка —
Южный холм за спиной,
Северный холм
Впереди, за гладью речной.
Вижу людей —
Стоят на том берегу,
Так далеко —
Лиц различить не могу.

11. ОЗЕРО И

На позднем закате
Другу молвил: «Прости».
На флейте играю,
Правлю на дальний брег.
Глянул назад,
Проплыв половину пути:
Зеленые горы
В облаке белом, как снег.

12. ВОЛНЫ ПОД ИВАМИ

Пышнолистые ивы
Склонились чредою двойной;
Ниспадают их тени,
Ныряют, играют с волной.

Здесь не то что в столице,
На Дворцовом канале весной,
Где тоску расставанья
Растравляет ветер озорной.

13. БЫСТРИНА У ДОМА В ДЕРЕВЬЯХ

Дождь осенний
Рождает докучливый звук.
Бурно вода
Бежит по камням напрямик.
Волны плещут,
Мечут брызги вокруг.
Белая цапля
В страхе взлетает на миг.

14. РУЧЕЙ С ЗОЛОТЫМИ ПЕСЧИНКАМИ

Золотинки в ручье,
Где я черпаю воду чуть свет.—
С лишком тысячу лет
Проживу, сомнения нет!
Там, где пестрый дракон
И зеленый феникс над ним,
К властелину из яшмы
Приду с бунчуком перьяным.

15. ОТМЕЛЬ У БЕЛЫХ КАМНЕЙ

Отмель у белых камней
Прозрачна, мелка.
Заросли тростника —
Рядом со мной.
На запад и на восток —
Река и река:
Волны моют песок
Под ясной луной.

16. СЕВЕРНЫЙ ХОЛМ

Северный холм
За озером спину взбугрил.
Зелень деревьев.
Киноварь ярких перил.
Блещет, петляет
Южный реки полоса
И пропадает,
В темные прячась леса.

17. БЕСЕДКА В БАМБУКОВОЙ РОЩЕ

В пустынной чаще бамбука
Свищу, пою.

На цине играю, тешу
Ночную тьму.

Безвестен людям отшельник
В лесном краю,

И только луна приходит
Светить ему.

18. ПРИГОРОК В МАГНОЛИЯХ

Мнится — лотос расцвел
В кронах густых.

Красным накрапом пестрят
Склоны хребтов.

Горный дом над ручьем,
Безлюден, притих.

Реют, опав, лепестки
Алых цветов.

19. САД ЛАКОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Не был честолюбив
Мыслитель древних времен;

От службы сам отошел,
Тщету мирскую презрев.

Но должности небольшой
Все ж удостоился он:

Жалкий досматривать сад
В несколько чахлых дерев.

20. САД ПЕРЕЧНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Детей государя
Привечу корицей в вине,
Травой благовонной —
Красавиц, его дочерей.

Настойку из перцев
подам на циновке быстрее,
Дабы низошел
Облаков Повелитель ко мне.

У ВЫСОКОЙ БАШНИ ПРОВОДИЛ ЧИНОВНИКА ЛИ

Простились у башни.
Пойма безбрежна на взгляд.
Закат изгорает,

Меркнет медленно свет.
В укромные гнезда
Птицы на ночь летят,
А путник шагает,—
Скитальцу отдыха нет.

ПРОЩАНИЕ

С другом простился.
Пустынные горы вокруг.
Солнце зашло.
Закрыта калитка моя.
В новом году
Травой покроется луг —
Встречу ли вас,
Вернетесь ли в наши края?

ПРОЩАЮСЬ С ВАНЧУАНЬСКИМ ДОМОМ

Нехотя, медленно
Тащит повозку гневной.
Горько грустя,
Выезжаю из чащи лиан.
Так трудно расстаться
С этой синей грядой!
А что же мне делать
С этой зеленой водой?

КОГДА ЦУЙ ДЕВЯТЫЙ ОТПРАВЛЯЛСЯ В ЮЖНЫЕ ГОРЫ, Я СОЧИНИЛ СТИХИ И ПОДАРИЛ ЕМУ НА ПРОЩАНИЕ

За предместьем расстались,
В душе и надежда и страх:
Мы сойдемся ли снова,
Или это разлука навек?
На коричневых деревьях
Цветы распустились в горах —
Так не ждите, чтоб землю
Лепестки устлали, как снег.

ВДОВА КНЯЗЯ СИ

Не приневолить
Милостью нынешних дней
К пренебреженью
Любовью минувших лет.

Глядит на цветы —
На ресницах слезы у ней.
Чускому князю
Слова не молвит в ответ.

ИЗ СТИХОВ «НАЛОЖНИЦА БАНЬ»

I

Жучки-светляки
Снуют в проеме окна.
В безлюдных покоях
Теперь царит тишина.
За пологом ждет.
Осенняя полночь темна.
Печально-печально
Мигает лампада одна.

II

У терема сникли
Метелки травы негустой.
Любовь государя
Отныне призрак пустой.
Терпения нет
Свирелям и флейтам внимать,
Коль мимо ворот
Несут паланкин золотой.

ПИШУ НА СЛЮДЯНОЙ ШИРМЕ ДРУГА

У ваших дверей
В проеме ширма-слюда;
Поставлена прямо,
Чиста, прозрачна насквозь.
Горный ручей
Сам забежал сюда:
На ширме он въявь,
Его рисовать не пришлось.

КРАСНЫЙ ПИОН

Мирно-спокоен
убор зеленый цветка.
Разных оттенков
Алого платья шелка.

Венчик в тоске :
Вот-вот разорваться готов...
Разве душа
Есть у вешних цветов?

ЛЕПЕСТКИ ГРУШЕВЫХ ЦВЕТОВ
У ЛЕВЫХ ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ

Нехотя слетают
На траву у крыльца,
Ветерок относит
Их легко от дверей.
Желтой иволге любо
Шалить без конца —
С лепестком впорхнула
В палаты дворца.

СОЧИНИЛ СТИХИ
И ПОКАЗАЛ ИХ ПЭЙ ДИ

Как разорвать
С мирскими тенетами связь,
Прах отряхнуть,
Отречься житейских забот?
Посох возьми
И возвратно, не торопясь,
Путь предприми
К роднику, где персик цветет.

ИЗ «СТИХОВ О РАЗНОМ»

I

Вы побывали
В моем селенье родном,
Знаете, верно,
Все события в нем.
Очень прошу,
Поведайте мне об одном:
Слива тогда
Цвела под узорным окном?

II

Видела я —
Слива цвела предо мной.
Слышала я —
Стонала кукушка вдали.

С грустью гляжу:
Проклюнулись травы весной,
Робкие стебли
К нефриту крыльца поползли.

ПОРТРЕТ ЦУЙ СИНЦЗУНА

Вас написал
В молодые ваши года,
Старость пришла,
Голова сегодня седа.
Пусть на портрете
Новые ваши друзья
Нынче увидят,
Каким вы были тогда.

ГОРНЫЙ КИЗИЛ

У подножья горы
Рдеют ягоды, нынче созрев,
Чистый их аромат
Лишь сильнее в ночи ледяной.
Мнится — это цветы
Благовонных коричных деревьев
Расцвели у окна
Под холодной, осенней луной.

ОПЛАКИВАЮ МЭН ХАОЖАНЯ

Мне старого друга
Не встретить уже наяву,
А воды Ханьшуя
Текут и текут на восток.
О старце сяньянском
Поведать кого призову?
Пустынный Цайчжоу,
Горы и пенный поток.

В СНЕГОПАД ВСПОМИНАЮ О ЛИ И

Все стежки-дорожки
Застлал-завалил снегопад,
И нечего ждать,
Что друг прибудет сюда.
Десять тысяч дверей
В Чанъани и тысяча врат.
Где шагает-бредет
Ваш конь — золотая узда?

ИЗ СТИХОВ
«РАДОСТИ ПОЛЕЙ И САДОВ»

I

Душиста и сочна весной
Густая трава.
В тени могучей сосны
Сбывает жара.
По улочкам сельским стада
Шагают в хлева.
Не видела знати вовек
У нас детвора.

II

Персик в цвету
Ночным окроплен дождем.
Вешний туман
Ивы обвил опять.
Летят лепестки —
Слуга подметет потом.
Иволга плачет,
А гость мой изволит спать.

III

Выпить вина пожелав,
Сидим над ручьем,
С цином стою под сосной,
Опираюсь плечом.
В южном саду поутру
Подсолнухи рвем,
Ночью в восточном логу
Просо толчем.

В ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ
ВСПОМИНАЮ О БРАТЬЯХ,
ОСТАВШИХСЯ К ВОСТОКУ ОТ ГОРЫ

Один, томлюсь на чужбине,
Чужак-старожил.
В осенний праздник на память
Приходит родня.
Чудится, братья в горах
Ломают кизил,
Дабы в волосы ветки воткнуть,
Но средь них нет меня.

В ШУТКУ ПИШУ НА ГЛАДКОМ КАМНЕ

Досадно, что камень лежит
Столь близко к ручью:
Ветвями ива смахнула
Чарку мою.
Скажут, досада моя
Ветра чужда,—
Зачем же горсть лепестков
Он привеял сюда?

ВМЕСТЕ С ЧИНОВНИКОМ ЛУ СЯНОМ ПОСЕТИЛ ЛЕСНУЮ ОБИТЕЛЬ ОТШЕЛЬНИКА ЦУЙ СИНЦЗУНА

Деревья поляну укрыли
Тенью сплошной.
Темные мхи загустели,
Травы чисты.
Простоволосый, ноги поджав,
Сидит под сосной,
Белками глядит на пришельцев
Из мира тщеты.

ПРОВОЖАЮ ЮАНЯ ВТОРОГО, ОТПРАВИВШЕГОСЯ В АНЬСИ

Утренний дождь.
Пыль стала сырой.
Двор постоялый.
Ивы ярче, свежей.
Очень прошу:
Выпьем по чарке второй.
Пройдя Янгуань,
Вам не встретить друзей.

ПРОВОЖАЮ ШЭНЬ ЦЗЫФУ, ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В ЦЗЯНДУН

Малолюдная переправа
Ивы и тополя.
Гонит лодку гребец, кормилом
Влагу деля.
Как весна — пойдет вслед за вами
Боль моей тоски.
По дорогам — на юг и на север
От Янцзы-реки.

ПИШУ В ДНИ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»
НА РЕКЕ СЫШУЙ

Под Гуанъучэном
Встретил исход весны.
Из Вэньяна вернулся,
Влажен платок от слез.
Лепестки опадают.
Птичьи стоны слышны.
В ивах и тополях
Люди и перевоз.

МЕНЯ, ПРЕБЫВАВШЕГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ
В ХРАМЕ ПУТИСЫ, НАВЕСТИЛ ПЭЙ ДИ
И ПОВЕДАЛ, ЧТО БУНТОВЩИКИ
УСТРОИЛИ ПИРШЕСТВО С МУЗЫКОЙ
НА БЕРЕГУ ПРУДА ЗАСТЫВШЕЙ ЛАЗУРИ;
АКТЕРЫ, ПРЕРВАВ ПЕНИЕ,
РАЗРАЗИЛИСЬ РЫДАНЬЯМИ.
Я СЛОЖИЛ СТИХИ И ПРОЧЕЛ ИХ ДРУГУ

В скорби десять тысяч домов,—
Пожарище, дым и чад.
Когда же узрит сотни вельмож
Владыки царственный взгляд?
Осенних акаций сухая листва
Шуршит средь пустынных палат,
А рядом с прудом Застывшей Лазури
Флейты и лютни звучат.

ОПЛАКИВАЮ ИНЬ ЯО

Мы вас погребли на высокой горе
Средь облаков.
Кипарисы и сосны густо-темны.
Пора по домам.
Кости закрыты в тучах седых
На веки веков.
И только этот живой ручей
Вы оставили нам.

ВЗДЫХАЮ О СЕДЫХ ВОЛОСАХ

Увял, обескровлен
Твой давний лик молодой.
Редеют седины,

Вот-вот их лишишься ты.
Изранено сердце
Мирской, жестокой тщетой.
И есть ли спасенье,
Помимо Врат Пустоты?

В ГОРАХ

Белые камни
В речке устлали дно.
Небо застыло.
Мало красной листвы.
На горной дороге
Дождь не падал давно.
Влажное платье
Небесной полно сиңевы.

ВЕСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

I

Вся всю ночь,
На рассвете ветер притих,
И расцвели
Абрикосовые сады.
Деревья, деревья
В бледных оттенках, в густых,
Отразились в волнах
Речной зеленой воды.

II

Деревьев бесчисленных
Полон дворцовый сад,
Цветы распускаются
Неторопливо на них.
Коляски душистые,
Щеголи в платьях цветных,—
Даже в безветрие
Пыль облаками клубят.

КРАСНЫЕ БОБЫ, ИЛИ ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Красных бобов
Много в южном краю.
Осень придет —
Новых побегов не счесть.

Очень прошу:
Рвите их в память мою,
Ибо они
О друге — лучшая весть.

ПРОВОЖАЯ ВЕСНУ

Мы дряхлей, что ни день,
Седина все ярче видна.
Возвращается вновь
С каждым новым годом весна.
Наша радость теперь:
В дружеских чашах — вино.
Так не будем грустить,
Что цветам облететь суждено.

ПИШУ С НАТУРЫ

Дождь моросит
На хмурой заре.
Вяло забрезжил
День на дворе.
Вижу лишайник
На старой стене:
Хочет вползти
На платье ко мне.

ПОХОД

За спиною колчаны —
В край порубежный пришли.
Дудки свищут на марше —
Идут средь Ганьсуской земли.
Значит, рядом граница,
Если желты облака.
И трава поседела —
Стало быть, осень близка.

ИЗ СТИХОВ «ЖЕНА ТОСКУЕТ О ДАЛЕКОМ МУЖЕ»

I

Наступила весна.
Сады поспешили расцвести.
Водоемы дворца
Отражают ивы опять.

Хочу передать
Ляоянскому страннику весть:
Облака ароматов . . .
Не станут нас ожидать! .

II

Славословья герою
С далеких границ не слышны.
А зеркало ранит
В пустынных покоях дворца.
Украсясь, глядит
На сады, на цветенье весны.
Немотствует. Слезы
Ручьями бегут, без конца.

III

Тело и тень, —
На заре расстались они,
Пар и волна, —
Меж ними тысячи ли.
В сторону ту,
Где я поджидаю, взгляни:
Лишь облака
Плывут неспешно вдали.

IV

В темной спальне блестит,
Словно иней, луна.
Светла, как шелка,
Ее белизна.
Озаряя жену,
Что тоскует одна,
До рассвета струит
Сиянье она.

ОСЕННЕЕ

I

Стоит на террасе. Холодный ветер
Платье колышет едва.
Стражу вновь возвестил барабан,
Водяные капают часы.
Небесную Реку луна перешла,
Свет — словно россыпь росы.
Сороки в осенних деревьях шуршат,
Ливнем летит листва.

II

Пруд дворцовый Тайи
Синей плещет волной.
Днями спадает зной.
Близкой осени жду.
До рассвета играл
Ряской ветер ночной.
Сплошь в жемчужной росе
Лотосы на пруду.

НАПЕВЫ ОСЕННЕЙ НОЧИ

I

Мерна капель водяных часов,
А ночи исхода нет.
Меж легких туч, устилающих твердь,
Пробивается лунный свет.
Осень торопит ночных цикад,
Звенят всю ночь напролет.
Еще не послала теплых одежд,—
Там снег, быть может, идет.

II

Луна едва рождена.
Осенних росинок пыльца.
Надо бы платье сменить,—
Похолодает потом.
Звенит на серебряном чжэне,—
Ночи не видно конца.
Боишься покоев пустых,
Не смеет вернуться в дом.

ЛИ БО

(701—762)

ДУМЫ В ТИХУЮ НОЧЬ

Перед постелью вижу сиянье луны.
Кажется — это здесь иней лежит на полу.
Голову поднял — взираю на горный я месяц;
Голову вниз — я в думе о крае родном.

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННЯЯ ЗАВОДЬ»

*

Вода — словно одна полоса шелка,
Земля эта — то же ровное небо.
Что, если бы, пользуясь светлой луною,
Взор — в цветы, сесть в ладью, где вино?

*

Холм Персиков — один лишь шаг земли...
Там четко-четко слышны речь и голос.
Безмолвно с горным я монахом здесь прощаюсь.
Склоняю голову; привет вам в белых тучах!

*

Белых волос тысячи три саженой!
Грусть ведь моя так бесконечно долга!
Я не пойму: в зеркале светлом и чистом
Где я добыл иней осенний висков?

ОСЕННИЕ ДУМЫ

У дерева Яньчжи желтые падают листья,
Приду, погляжу — сама поднимусь на башню.
Над морем далеким лазурные тучи прорвались,
От хана-шаньюя осенние краски идут.
Войска кочевые в песчаной границе скопились,
А ханьский посол вернулся из Яшмы-Заставы.
Ушедший в поход, не знаю, когда он вернется,
Напрасно грущу, что цветок орхидеи завянет.

ПРОВОЖАЮ ДРУГА

Зеленые горы торчат над северной частью,
А белые воды кружат возле восточных стен.
На этой земле мы как только с тобою простимся,
Пырей-сирота ты — за тысячи верст.
Плывущие тучи — вот твои мысли бродят.
Вечернее солнце — вот тебе друга душа.
Махнешь мне рукою — отсюда сейчас уйдешь ты,
И грустно, протяжно заржет разлученный конь.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕПРАВА В ХЭНЦЗЯН»

* * *

Морской бог прошел здесь — злой ветер кружит.
Волны бьют по Небесным Вратам — стены скал раздались.
Река Чжэ, в восьмой месяц зачем ты такая?
Волны похожи на горы сплошные, снегом плюющие в нас.
Перед Хэнцзянской будкой встречает пристав паромный
меня.
Мне говорит, указав на восток, где в море родились тучи:
— Сударь, сегодня ехать хотите ради какой нужды?
Если такие волны и ветер, ехать никак нельзя.

ПЕСНЬ О КУПЦЕ

Гость заморский ловит с неба ветер
И корабль далеко в страду тонит.
Словно сказать: птица среди облаков!
Раз улетит — нет ни следа, ни вестей.

ВАН ЛУНЮ

Ли Бо уже в лодке своей сидит,
отчалить ему пора.
Вдруг слышит, как кто-то на берегу
поет, отбивая шаг.
И Озера Персиковых Цветов —
бездонной пучины глубь —
Не мера для чувства, с каким Ван Лунь
меня провожает в путь!

ПОДНОСЯ ВИНО

Неужто вы не видите, друзья,
Как воды знаменитой Хуанхэ,
С небесной низвергаясь высоты,
Стремятся бурно в море,
Чтоб не вернуться больше?
Неужто вы не видите, друзья,

Как в царственных покоях зеркала
Скорбят о волосах,— они вчера
Чернее шелка были,
А ныне стали снегом?
Достигнув в жизни счастья,
Испей его до дна,
Пусть полон будет кубок
Под молодой луной.
Мне небом дар отпущен,
Чтоб расточать его.
Истраченным богатством
Я овладею вновь.
Быка зажарим, други,
Но для веселья нам
Сейчас же надо выпить
Заздравных триста чаш.
Учитель Цэнь
И ты, Даньцю,
Коль поднесут вино,
То пейте до конца,
А я вам песнь спою,
Ко мне склоните ухо:
Изысканные яства
Не следует ценить,
Хочу быть вечно пьяным,
А трезвым — не хочу.
Так повелось издревле —
Безмолвны мудрецы,
Лишь пьяницы стремятся
Прославиться в веках.
Князь Цао Чжи когда-то
Устроил пир в Пинлэ,
И десять тысяч доу
Там выпили шутя.
Напрасно наш хозяин
Сказал, что денег нет,
Вина еще мы купим,
Чтобы друзьям налить.
Вот быстрый конь,
Вот новый плащ,—
Пошлем слугу-мальчишку,
Пусть обменяет их,
И вновь, друзья, забудем
Мы о своих скорбях.

ПЕСНЯ О ВОСХОДЕ И ЗАХОДЕ СОЛНЦА

Из восточного залива солнце,
Как из недр земных, над миром всходит,
По небу пройдет и канет в море.

Где ж пещера для шести драконов?
В древности глубокой и поныне
Солнце никогда не отдыхало,
Человек без изначальной силы
Разве может вслед идти за солнцем?
Расцветая, травы полевые
Чувствуют ли к ветру благодарность?
Деревя, свою листву роняя,
На осеннее не ропщут небо.
Кто торопит, погоняя плетью,
Зиму, осень, и весну, и лето?
Угасанье и расцвет природы
Совершается своею волей.
О Сихэ, Сихэ, возница солнца,
Расскажи нам, отчего ты тонешь
В беспредельных и бездонных водах?
И какой таинственной силой
Обладал Лу Ян? Движенья солнца
Он остановил копьем воздетым.
Много их, идущих против неба,
Власть его присвоивших бесчинно.
Я хочу смешать с землею небо,
Слить всю необъятную природу
С первозданным хаосом навеки.

ЛУНА НАД ПОГРАНИЧНЫМИ ГОРАМИ

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла,
И без облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда, на заставу Юймынь.
С тех пор, как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины мрачно глядят за рубеж —
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

ПЕСНИ НА ГРАНИЦЕ

Быстрые кони,
Как ветер буйный,

Вынесли войско
За Вэйский мост.

С китайской луною
Бойцы простились,

Их черные стрелы
Разят гордецов.

Кончился бой.
Злые звезды померкли.

Лагерь пустеет,
Унесся туман...

Героев лики
На стенах башни —

Хо Пяояо
Прославлен там.

НА ЗАПАДНОЙ БАШНЕ
В ГОРОДЕ ЦЗИНЬЛИН
ЧИТАЮ СТИХИ ПОД ЛУНОЙ

В ночной тишине Цзиньлина
Проносится свежий ветер.
Один я всхожу на башню,
Смотрю на У и на Юэ.
Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грущу я
И долго не возвращаюсь.
Не часто дано увидеть,
Что древний поэт сказал.
О реке говорил Се Тяо:
«Прозрачней белого шелка», —
И этой строки довольно,
Чтоб запомнить его навек.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Флейты печальные звуки
Сон оборвали счастливый.
Циньской деве не спится
В башне, луной озаренной.
В башне, луной озаренной...

Год за годом проходит,
Вновь распускается ива,
И расставанье в Балине
Сердце томит влюбленной.

Ясная в Лэююане
Осень теперь воцарилась.
А на дороге к Сяньяну
Пыль под конем не клубится.
Пыль под конем не клубится..
Дует западный ветер,
Только что солнце скрылось
Там, где могил и храмов
Грустная вереница.

(Мелодия «Ицинъэ»)

* * *

Словно затканый в пряди тумана,
Лес вдали, различимый едва.
Бережит в моем сердце раны
Гор холодная синева.

Я на башню поднялся высоко,
Где скопился сумрак густой.
Там стою и стою одиноко
Со своею тоской.

И на мрамор белый ступеней
Устремляю свой взгляд.
Шум внезапно возник в отдаленье —
Это птицы в гнезда спешат.

А моя где нынче дорога,
Та, что к дому родному ведет?
И беседок еще как много
По дороге путника ждет?

(Мелодия «Пусамань»)

СМОТРЮ НА ВОДОПАД В ГОРАХ ЛУШАНЬ

За сизой дымкою вдали
Горит закат,

Гляжу на горные хребты,
На водопад.

Летит он с облачных высот —
Сквозь горный лес —

И кажется, то Млечный Путь
Упал с небес.

В ГОРАХ ЛУШАНЬ
СМОТРЮ НА ЮГО-ВОСТОК,
НА ПИК ПЯТИ СТАРИКОВ

Смотрю на пик Пяти Стариков,
На Лушань, на юго-восток.

Он поднимается в небеса,
Как золотой цветок.

С него я видел бы все кругом
И всем любоваться мог...

Вот тут бы жить и окончить мне
Последнюю из дорог.

СТРУЯЩИЕСЯ ВОДЫ

В струящейся воде
Осенняя луна.

На южном озере
Покой и тишина.

И лотос хочет мне
Сказать о чем-то грустном,

Чтоб грустью и моя
Душа была полна.

СОСНА У ЮЖНОЙ ВЕРАНДЫ

У южной веранды
Растет молодая сосна,

Крепки ее ветви
И хвоя густая пышна.

Вершина ее
Под летящим звенит ветерком,

Звенит непрерывно,
Как музыка, ночью и днем.

В тени, у корней,
Зеленеет, курчавится мох,

И цвет ее игл —
Словно темно-лиловый дымок.

Расти ей, красавице,
Годы расти и века,

Покамест вершиной
Она не пронзит облака.

СТИХИ О ЧИСТОЙ РЕКЕ

Очищается сердце мое
Здесь, на Чистой реке;

Цвет воды ее дивной —
Иной, чем у тысячи рек.

Разрешите спросить
Про Синьянь, что течет вдалеке:

Так ли камешек каждый
Там видит на дне человек?

Отраженья людей,
Словно в зеркале светлом, видны,

Отражения птиц —
Как на ширме рисунок цветной.

И лишь крик обезьян,
Вечерами, среди тишины,

Угнетает прохожих,
Бредущих под ясной луной.

РАНО УТРОМ ВЫЕЗЖАЮ ИЗ ГОРОДА БОДИ

Я покинул Боди,
Что стоит средь цветных облаков,

Проплывем по реке мы
До вечера тысячу ли.

Не успел отзвучать еще
Крик обезьян с берегов —

А уж челн миновал
Сотни гор, что темнели вдали.

ОСЕНЬЮ ПОДНИМАЮСЬ
НА СЕВЕРНУЮ БАШНЮ
СЕ ТЯО В СЮАНЬЧЭНЕ

Как на картине,
Громоздятся горы

И в небо лучезарное
Глядят.

И два потока
Окружают город,

И два моста,
Как радуги, висят.

Платан застыл,
От холода тоскуя,

Листва горит
Во всей своей красе.

Кто б ни взошел
На башню городскую —

Се Тяо вспомнят
Неизбежно все.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Вижу белую цаплю
На тихой осенней реке;

Словно иней, слетела
И плавает там, вдалеке.

Загрустила душа моя,
Сердце — в глубокой тоске.

Одиноко стою
На песчаном пустом острове.

ХРАМ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

На горной вершине
Ночую в покинутом храме.

К мерцающим звездам
Могу прикоснуться рукой.

Боюсь разговаривать громко:
Земными словами

Я жителей неба
Не смею тревожить покой.

ЛЕТНИМ ДНЕМ В ГОРАХ

Так жарко мне —
Лень веером взмахнуть.

Но дотяну до ночи
Как-нибудь.

Давно я сбросил
Все свои одежды —

Сосновый ветер
Льется мне на грудь.

О ТОМ, КАК ЮАНЬ ДАНЬЦЮ ЖИЛ ОТШЕЛЬНИКОМ В ГОРАХ

В восточных горах
Он выстроил дом

Крошечный —
Среди скал.

С весны он лежал
В лесу пустом

И даже днем
Не вставал.

И ручейка
Он слышал звон

И песенки
Ветерка.

Ни дразг и ни ссор
Не ведал он —

И жить бы ему
Века.

НАВЕЩАЮ ОТЩЕЛЬНИКА
НА ГОРЕ ДАЙТЯНЬ,
НО НЕ ЗАСТАЮ ЕГО

Собаки лают,
И шумит вода,

И персики
Дождем орошены.

В лесу
Оленей встретишь иногда,

А колокол
Не слышен с вышины.

За сизой дымкой
Высится бамбук,

И водопад
Повис среди вершин.

Кто скажет мне,
Куда ушел мой друг?

У старых сосен
Я стою один.

СЛУШАЮ, КАК МОНАХ
ЦЗЮНЬ ИЗ ШУ
ИГРАЕТ НА ЛЮТНЕ

С дивной лютней
Меня навещает мой друг,

Вот с вершины Эмэя
Спускается он.

И услышал я первый
Томительный звук —

Словно дальних деревьев
Таинственный стон.

И звенел,
По камням пробегаю, ручей,

И покрытые инеем
Колокола

Мне звучали
В тумане осенних ночей...

Я, старик, не заметил,
Как ночь подошла.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

И ясному солнцу,
И светлой луне

В мире
Покоя нет.

И люди
Не могут жить в тишине,

А жить им —
Немного лет.

Гора Пэнлай
Среди вод морских

Высится,
Говорят.

Там в рощах
Нефритовых и золотых

Плоды,
Как огонь, горят.

Съешь один —
И не будешь седым,

А молодым
Навек.

Хотел бы уйти я
В небесный дым,

Измученный
Человек.

ЗА ВИНОМ

Говорю я тебе:
От вина отказаться нельзя,—

Ветерок прилетел
И смеется над трезвым тобой.

Погляди, как деревья —
Давнишние наши друзья,—

Раскрывая цветы,
Наклонились над теплой травой.

А в кустарнике иволга
Песни лепечет свои,

В золотые бокалы
Глядит золотая луна.

Тем, кто только вчера
Малолетними были детьми,

Тем сегодня, мой друг,
Побелила виски седина.

И терновник растет
В знаменитых покоях дворца,

На Великой террасе
Олени резвятся весь день.

Где цари и вельможи?
Лишь время не знает конца,

И на пыльные стены
Вечерняя падает тень.

Все мы смертны. Ужели
Тебя не прельщает вино?

Вспомни, друг мой, о предках —
Их нету на свете давно.

ПРОВОЖУ НОЧЬ С ДРУГОМ

Забыли мы
Про старые печали —

Сто чарок
Жажду утолят едва ли.

Ночь благосклонна
К дружеским беседам,

А при такой луне
И сон неведом,

Пока нам не покажутся,
Усталым,

Земля — постелью,
Небо — одеялом.

ПОД ЛУНОЙ ОДИНОКО ПЬЮ

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной

И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

Но в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,

И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.

Но разве, спрашиваю я,
Умеет пить луна?

И тень, хотя всегда за мной
Последует она?

А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной

Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.

Я начинаю петь — и в такт
Колышется луна,

Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем.

А захмелели — разошлись,
Кто как — своим путем.

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести

До встречи — той, что между звезд,
У Млечного Пути.

С ВИНОМ В РУКЕ ВОПРОШАЮ ЛУНУ

С тех пор как явилась в небе луна —
Сколько прошло лет?

Отставив кубок, спрошу ее —
Может быть, даст ответ.

Никогда не взберешься ты на луну,
Что сияет во тьме ночной.

А луна — куда бы ты ни пошел —
Последует за тобой.

Как летящее зеркало, заблестит
У дворца Бессмертных она,

И сразу тогда исчезает мгла —
Туманная пелена.

Ты увидишь, как восходит луна
На закате, в вечерний час.

А придет рассвет — не заметишь ты,
Что уже ее свет погас.

Белый заяц на ней лекарство толчет.
И сменяет зиму весна.

И Чанъэ в одиночестве там живет —
И вечно так жить должна.

Мы не можем теперь увидеть, друзья,
Луну древнейших времен.

Но предкам нашим светила она,
Выплыв на небосклон. .

Умирают в мире люди всегда —
Бессмертных нет среди нас.

Но люди всегда любовались луной,
Как я люблюсь сейчас.

Я хочу, чтобы в эти часы, когда
Я слагаю стихи за вином,—

Отражался сияющий свет луны
В золоченом кубке моем.

ПРОВОЖАЮ ДРУГА,
ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ
В УЩЕЛЬЯ

Любуемся мы;
Как цветы озаряет рассвет,

И все же грустим:
Наступает разлука опять.

Здесь вместе с тобою
Немало мы прожили лет.

Но в разные стороны
Нам суждено уезжать.

Скитаясь в ущельях,
Услышишь ты крик обезьян,

Я стану в горах
Любоваться весенней луной.

Так выпьем по чарке —
Ты молод, мой друг, и не пьян:

Не зря я сравнил тебя
С вечнозеленой сосной.

ПРОВОЖАЮ ГОСТЯ,
ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В У

Тихий дождик окончился.
Выпито наше вино.

И под парусом лодка твоя
По реке полетела.

Много будет тебе на пути
Испытаний дано,

А вернешься домой —
Там слоняться ты станешь без дела.

Здесь, на острове нашем,
Уже расцветают цветы,

И плакучие ивы
Листву над рекою склонили.

Без тебя мне осталось
Сидеть одному у воды

На речном перекате,
Где вместе мы рыбу удили.

БЕСЕДКА ЛАОЛАО

Здесь душу ранит
Самое названье

И тем, кто провожает,
И гостям.

Но ветер,
Зная горечь расставанья,

Все не дает
Зазеленеть ветвям.

ПОСВЯЩАЮ МЭН ХАОЖАНЮ

Я учителя Мэна
Почитаю навек,

Будет жить его слава
Во веки веков.

С юных лет
Он карьеру презрел и отверг —

Среди сосен он спит
И среди облаков.

Он бывает
Божественно пьян под луной,

Не желая служить —
Заблудился в цветах.

Он — гора.
Мы склоняемся перед горой,

Перед ликом его —
Мы лишь пепел и прах.

ШУТЯ ПРЕПОДНОШУ МОЕМУ ДРУГУ ДУ ФУ

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,

В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.

Разрешите спросить:
Почему вы, мой друг, похудели, —

Неужели так трудно
Слагать за строфою строфу?

ПРОВОЖАЮ ДУ ФУ НА ВОСТОКЕ ОКРУГА ЛУ У ГОРЫ ШЫМЭНЬ

Мы перед разлукой
Хмельны уже несколько дней,

Не раз поднимались
По склонам до горных вершин.

Когда же мы встретимся
Снова, по воле своей,

И снова откупорим
Наш золоченый кувшин?

Осенние волны,
Печальная гонит река,

Гора бирюзовою
Кажется издалека.

Нам в разные стороны
Велено ехать судьбой —

Последние кубки
Сейчас осушаем с тобой.

ПОСЫЛАЮ ДУ ФУ ИЗ ШАЦЮ

В конце концов, для чего
Я прибыл, мой друг, сюда?

В безделье слоняюсь здесь,
И некому мне помочь.

Без друга и без семьи
Скучаю, как никогда,

А сосны скрипят, скрипят
По-зимнему, день и ночь.

Луское пью вино,
Но пей его хоть весь день —

Не опьяняет оно:
Слабое, милый друг.

И сердце полно тоской.
И, словно река Вэнь,

Безудержно, день и ночь,
Стремится к тебе — на юг.

ОПЛАКИВАЮ СЛАВНОГО СЮАНЬЧЭНСКОГО ВИНОДЕЛА, СТАРИКА ЦЗИ

Ты, старый друг,
Ушел в загробный мир,

Где, верно,
Гонишь ты вино опять.

Там — нет Ли Бо,
И кто устроит пир?

Кому вино
Ты станешь продавать?

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ В ЛОЯНЕ
СЛЫШУ ФЛЕЙТУ

Слышу: яшмовой флейты музыка,
Окруженная темнотой,

Пролетая, как ветры вешние,
Наполняет Лоян ночной.

Слышу «Сломанных ив» мелодию,
Светом полную и весной...

Как я чувствую в этой песенке
Нашу родину — сад родной!

В СЮАНЬЧЭНЕ ЛЮБУЮСЬ ЦВЕТАМИ

Как часто я слушал
Кукушек лесных кукованье,

Теперь — в Сюаньчэне —
Гляжу на «кукушкин цветок».

А вскрикнет кукушка —
И рвется душа от страданья,

Я трижды вздыхаю
И молча гляжу на восток.

НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА
ВСПОМИНАЮ ШАНЬЧЖУН

Дождь кончился,
И в дымке голубой

Открылось небо
Дивной чистоты.

Восточный ветер
Обнялся с весной

И раскрывает
Юные цветы.

Но опадут цветы —
Уйдет весна,

И человек
Начнет вздыхать опять.

Хотел бы я
Все испытать сполна

И философский камень
Отыскать.

ВСПОМИНАЮ ГОРЫ ВОСТОКА

В горах Востока
Не был я давно,

Там розовых цветов
Полным-полно.

Луна вдали
Плывет над облаками,

А в чье она
Опустится окно?

С ОСЕННЕГО БЕРЕГА ПОСЫЛАЮ ЖЕНЕ

Нету отдыха мне
Никогда и нигде —

Путь все дальше ведет
От родимого края.

Перебрался я в лодку,
Живу на воде,

И расстроился снова,
Письмо посылая.

Не дано нам с тобою
Скитаться вдвоем,

Ты на севере,
Я — на томительном юге.

С той поры
Как семью я покинул и дом,

Что я знаю — три года —
О милой супруге?

Побледнело лицо,
На висках седина —

Как вернуть бы
Твою молодую улыбку?

Гость однажды приехал,
Хмельной от вина,

И в руках он держал
«Пятицветную рыбку».

Прочитал я
Парчовые знаки твои,

И казалось,
Что иероглифы рыдают,

Сотни рек, сотни гор
Преградили пути,

Но желанья и мысли
У нас совпадают.

ПОДНЯВШИСЬ НА ФЕНИКСОВУЮ ТЕРРАСУ У ЦЗИНЬЛИНА

Когда-то бывали фениксы здесь,
Теперь — терраса пуста,

И только река, как прежде, течет,
Стремительна и чиста.

И возле дворца, что был знаменит,
Тропинка видна едва.

И там, где гремели всю ночь пиры, —
Курганы, цветы, трава.

И речной поток у подножья гор
Проносится, полный сил,

Здесь остров Белой Цапли его
Надвое разделил.

Я знаю, что солнце могут закрыть
Плывущие облака:

Давно уж Чанъани не вижу я —
И гложет меня тоска.

ПОСВЯЩАЮ СЫМА ПЭЮ

Цвет перьев зимородка —
Цвет наряда

Красавицы,
Что в зале танцевала.

Кого по красоте
Поставлю рядом?

Одну луну —
И не смущусь нимало.

За грацию,
За красоту такую

Ее все дамы
Дружно поносили —

И государь
Изгнал ее, тоскуя,

Он, клевете поверивший
В бессилье.

И вот красавица
Живет в унынье,

Совсем изнемогая
От печали.

К соседям
Не заглядывает ныне,

Сидит за прялкой
Целыми ночами.

Но пусть она
Работает напрасно

И не следит, как прежде,
За собою;—

И все-таки
Она еще прекрасна:

Таких немного встретишь
Под луною.

Вот так и я, мой государь,
В печали —

Боюсь:
Надежды сбудутся едва ли.

СРЕДИ ЧУЖИХ

Прекрасен крепкий аромат
Ланьлинского вина.

Им чаша яшмовая вновь,
Как янтарем, полна.

И если гостя напоит
Хозяин допьяна —

Не разберу: своя ли здесь,
Чужая ль сторона.

СУ У

Десять лет он у варваров
Прожил в жестоком плену,

Но сумел сохранить
Доверительный знак государев.

Белый гусь столько раз
Пролетал, возвещая весну,

Но письма не принес —
А скрывался, крылами ударив.

Пас овец он — Су У —
В чужедальнем и диком краю,

Там, в горах и степях,
Тосковал он о родине милой.

Ел он снег, проклиная
И голод и долю свою,

Пил он воду из ям,
Если летняя жажда томила.

А когда, получивший свободу,
Он тронулся в путь,

Обернулся на север —
И вспомнил снега и морозы,

Вспомнил нищенский пир,
Где склонился он другу на грудь

И заплакали оба —
И в кровь превращались слезы.

СОЛДАТЫ СРАЖАЮТСЯ К ЮГУ ОТ СТЕНЫ

Над полем боя
Солнца диск взошел,

Опять на смертный бой
Идут солдаты.

Здесь воздух
Неподвижен и тяжел,

И травы здесь
От крови лиловаты.

И птицы
Человечину клюют,

Так обжираются —
Взлететь не в силах.

Те, кто вчера
С врагами бились тут,

Сегодня под стеной
Лежат в могилах.

Но беззаветных воинов
Семья

Еще бесчисленна
В краю туманов...

...Далеких жен
Мужья и сыновья

Сражаются
Под грохот барабанов.

БОЙ ЮЖНЕЕ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

Мы не забыли
Прошлогодний бой,

Бой, отгремевший
За Саньган-рекой.

А ныне снова
В бой ушли полки,

Чтоб драться
В русле высохшей реки.

Уже бойцов
Омыл морской простор,

Пасутся кони
Средь Небесных гор,

Бойцы шагали
Десять тысяч ли

И все же — полумертвые —
Дошли.

Для гуннов бой —
Как пахарю пахать:

Белеют кости
На полях опять.

Давно ушли
Эпохи циньской дни,

А все горят
Сигнальные огни.

Всю ночь
Сигнальные огни горят,

И за отрядом
В бой идет отряд.

Но, как и раньше,
Кончен ратный труд,

И кони,
Сбросив мертвецов, бегут.

И коршуны
Пируют день и ночь —

Нет никого,
Чтобы прогнать их прочь.

Степные травы
Пыльные лежат.

А полководец —
Кто он, без солдат?

Лишь в крайности
Оружье надо брать, —

Так мудрецы
Нам говорят опять.

ДУМЫ О МУЖЕ, УШЕДШЕМ ВОЕВАТЬ ДАЛЕКО НА ГРАНИЦУ

Когда, господин мой,
Прощались мы в прошлом году —

То помнишь, как бабочки
В южном порхали саду...

А ныне гляжу,
Вспоминая тебя, господин,

На горы, на снег
Подпирающих небо вершин.

А до Юйгуани,
Наверно, три тысячи ли —

И как бы мне сделать,
Чтоб письма отсюда дошли?

ТОСКА О МУЖЕ

Уехал мой муж далеко, далеко
На белом своем коне,

И тучи песка обвевают его
В холодной чужой стране.

Как вынесу тяжкие времена?..
Мысли мои о нем,

Они все печальнее, все грустней
И горестней с каждым днем.

Летят осенние светлячки
У моего окна,

И терем от инея заблестел,
И тихо плывет луна.

Последние листья роняет утун —
Совсем обнажился сад.

И ветви под резким ветром в ночи
Качаются и трещат.

А я, одинокая, только о нем
Думаю ночи и дни.

И слезы льются из глаз моих —
Напрасно льются они.

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

У вас еще зеленеют едва
Побеги юной травы,

А у нас уже тополь ветви склонил,
Тяжелые от листвы.

Когда ты подумаешь, государь,
О дальнем ко мне пути,

У меня, наверное, в этот день
Разорвется сердце в груди.

Весенний ветер я не зову —
Он не знаком со мной, —

Зачем же в ночи проникает он
Под газовый полог мой?

ВЕТКА ИВЫ

Смотри, как ветви ивы
Гладят воду —

Они склоняются
Под ветерком.

Они свежи, как снег,
Среди природы

И, теплые,
Дрожат перед окном.

А там красавица
Сидит тоскливо,

Глядит на север,
На простор долин,

И вот —
Она срывает ветку ивы

И посылает — мысленно —
В Лунтин.

ГАО ШИ

(702—765)

ПРОВОЖАЮ МЛАДШЕГО ПРЕФЕКТА ЛИ,
ССЫЛАЕМОГО В УТЕСЫ СЯ, И ВАНА,
МЛАДШЕГО ПРЕФЕКТА, ССЫЛАЕМОГО В ЧАНШИ

Увы, государь мой, при этом прощанье,
что у меня на душе?
С коня я слезаю и с чаркой у губ
спрошу, где ты будешь в изгнанье?
В узких утесах кричит обезьяна...
Слезы рядами в глазах;
там на Хэнъяне возвратные гуси
сколько несут мне писем?
Река там есть Клена Зеленого,
небо в осенних далях над ней,
а там, у стены Белоцарского города,
редеем уж древний лес.
Династия Мудрая ныне как раз
дает много рос и дождя,
и мы кратковременно руки разнимем лишь...
Нечего в горе топтаться!

НОЧЬЮ ПРОЩАЮСЬ СО СТОЛОМ

В высоком подворье расставлены лампы и чисто, к тому же вино.
И колокол ночью... Луна на ущербе... Крик диких обратных гусей...
Сказано только, что птица поющая может искать себе пару.
Ветер весны — и что с ним поделать? — хочет тебя проводить.
В этих извивах Желтой реки песок берега образует;
Там рядом с бродом Белых Коней есть город Ивовых Стран.
Ты не горюй, что в чужой стороне временно будешь в разлуке;
Знаю наверно я: где бы ни был, будет тебе привет.

ЯНЬСКИЙ НАПЕВ

Б 26-й год Кайюань у меня гостил человек, вернувшийся из похода за пограничные укрепления, куда он сопровождал императорского цензора гуна Чжана. Он написал «Яньский напев», который показал мне Ши. Взмолванный делами пограничного похода, я вторил ему этими стихами.

Огонь и дым объяли Хань
на северо-востоке,
Из дома ханьский генерал
идет в поход далекий.
Должны мужчины быть в боях
упорны и тверды,
Таких оценит государь
и наградит высоко.
Гром барабана в Юйгуань,
металла слышен звон,
И выются меж теснин Цзешй̄
полотнища знамен.
Письмо полковника с пером
летит через Ханьхай:
Шаньюй охотится в горах,
его костер зажжен.
Все было тихо у границ
на реках и горах,
Как буря, все смешал набег
ватаги на конях.
Бойцы в отряде головном
в опасности смертельной,—
Но всё танцуют и поют
красавицы в шатрах.

Трава желтеет у границ,
в степях проходит осень.
В войсках у осажденных стен
ряды редуют к ночи.
Награды жаждет генерал
за этот бой с врагом.
Пусть сил уж нет,—но он в горах
осады снять не хочет.
В походе дальнем жизнь горька,
доспехи тяжелы,
В разлуке слезы у солдат
из глаз бегут рекой.
На юг от города — жена,
гнетет ее тоска:
На север Цзи ушел супруг,
покинув дом родной.
Кружатся вихри у границ,—
кто стерпит их порыв?
Пустой простор в чужом краю,—
где есть еще такой?
Клубятся тучи целый день,
злой ветер тело жжет,
И слышится холодный звук
котлов в тиши ночной.
Мечи сверкают с двух сторон;
смешавшись, кровь течет.
А в смертный час кому нужны
награды и почет!
И если вы с таким трудом
пустыню всю прошли,
Зачем доныне вспоминать
о полководце Ли?

ПРОВОЖАЮ ДУНА СТАРШЕГО

Желтые тучи на десять ли,
в сумерках белый день.

Северный ветер гонит гусей,
сыплется, вьется снег.

Ты не печалься, что в дальний путь
не едет с тобою друг:

Есть ли под нашим небом такой,
кто бы не знал тебя!

НАПИСАЛ В КАНУН НОВОГО ГОДА

Гостиница. Холодно. Перед свечой
сизжу один и не сплю.

Но в сердце у странника отчего
так невыносима боль?

О родине мне сегодня всю ночь
грустить от дома вдали:

Вискам, что под инеем, завтра к утру
еще один минет год!

ИНЧЖОУСКАЯ ПЕСНЯ

Юношей инских в этих краях
пленяет степная ширь.

В лисьих мохнатых шубах они
охотятся под Стеной...

Тысяча чжунов их луских вин
людей не сбивают с ног.

Местные отроки в десять лет
умело ездят верхом!

ЛЮЧАНЦИН

(709—780)

СНОВА ПРОВОЖАЮ ПЭЯ ИЗ ШТАТА МИНИСТРА, ССЫЛАЕМОГО В ОБЛАСТЬ ЦЗИЧЖОУ

Вой обезьяны... Гости ушли... Вечер сейчас над цзяном.
Люди, конечно, ранены в сердце; воды, конечно, текут.
Вместе мы оба чиновники в ссылке, — вы еще дальше,
чем я.
Синие горы на тысячи верст, и одна лишь лодка-сиротка.

В СНЕГ НОЧУЮ У ХОЗЯИНА ДОМА НА ГОРЕ ФУЖУНШАНЬ

День вечерет.
Синие горы вдали.

Пасмурно небо.
Беден невзрачный дом....

Ночью в воротах
слышу — собачий лай...

Ветер со снегом.
Вернувшийся человек!

РАДУЮСЬ ПРИХОДУ
САНОВНИКА ШИЮЯ ХУАНФУ
В МОЙ ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ У БИЦЗЯНЬ —
ЛАЗОРЕВОГО РУЧЬЯ

Глухая деревня
в лучах закатного солнца.
Опавшие листья,
кружась, ложатся на землю.

На древней дороге
нигде не заметен путник.
На склоне холодном
тебя одного и вижу.

Мост перед деревней
дождями полузатоплен.
Ручей из ущелья
по ближним полям разлился.

Когда б мы не знали
взаимного состраданья,
В ком силы нашлись бы
до белых туч подниматься!

ПРОВОЖАЮ СУДЬЮ ЛИ
В ЖУНЬЧЖОУСКИЙ
ПОХОДНЫЙ ЛАГЕРЬ

От мирного дома за тысячи ли
барабаны тебя зовут

К Цзиньлинской почтовой дороге вдаль
и на запад от Чуских туч...

Весна на реке не позволит себе
задержать человека в пути,

И цветом трава зелена-зелена,
провождает копыта коня!

К СЕВЕРУ ОТ МУЛИНСКОЙ ЗАСТАВЫ
ВСТРЕТИЛ ЧЕЛОВЕКА, ВОЗВРАЩАВШЕГОСЯ
В ЮЙЯН

Я встретил тебя
на Мулинской горной дороге
Верхом на коне,
направляющимся к Сангани...

Здесь, в Чуском краю,
как и прежде, синие горы.
В Ючжоу тебя
не согреть и белому солнцу:

В разбитых домах
после сотни боев жестоких
Хозяев белых
так ли много в живых осталось?

Повсюду вокруг
завладели землею травы.
Пришедший домой,
видя их, утирает слезы!

ЛУ ФУ

(712—770)

ПИШУ НАД ЖИЛИЩЕМ-СКИТОМ ГОСПОДИНА ЧЖАНА

В весенних горах мне спутника нет, один я тебя ищу.
Там дерево рубят: стук-стук да стук-стук, а горы еще
безлюдней.
Ложь потока все еще в стуже, иду по снегу и льду.
От каменных входов наклонное солнце доходит до леса
и взгорья.
Здесь жадничать нечего: ночью познаешь дух золота
и серебра;
Далеко от зла: здесь утром смотри лишь, как бродят олени
и лани.
Подъем вдохновенья,— и в мрачной дали там сомненья:
служить или нет;
Сижу пред тобою, и кажется мне, что я плаваю в лодке
пустой.

УСЕЧЕННЫЕ СТРОФЫ

Река бирюзова, и птица стала белее;
Гора зеленеет, цветам захотелось гореть.
Я нынче весну смотрю, а она ведь проходит!
В какой же мне день настанет пора домой?

* * *

Обман в словах
о радостях весенних:

Свирепый ветер
все в безумстве рвет.

Сдув лепестки,
погнав их по теченью,

Он опрокинул
лодку рыбака.

ВЗИРАЯ НА СВЯЩЕННУЮ ВЕРШИНУ

Великая горная цепь —
К острию острие!

От Ци и до Лу
Зеленеет Тайшань на просторе.

Как будто природа
Собрала искусство свое,

Чтоб север и юг
Разделить здесь на сумрак и зори.

Родившись на склонах,
Плывут облака без труда,

Завидую птицам
И в трепете дивном немею.

Но я на вершину взойду
И увижу тогда,

Как горы другие
Малы по сравнению с нею.

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ СОКОЛА

С белого шелка
Вздывается ветер и холод —

Так этот сокол
Искусной рукой нарисован.

Смотрит, насупившись,
Словно дикарь невеселый,

Плечи приподнял —
За птицей рвануться готов он.

Кажется, крикнешь,
Чтоб он полетел за добычей,

И отзовется
Тотчас же душа боевая.

Скоро ль он бросится
В битву на полчище птичье,

Кровью и перьями
Ровную степь покрывая?

ВЕСЕННИМ ДНЕМ ВСПОМИНАЮ ЛИ БО

О Ли Бо!
Совершенство твоих стихов

И свободную
Мысль твою

Я по стилю
С Юй Синем сравнить готов,

С Бао Чжао
Тебя сравню.

Я в столице гляжу,
Как цветет весна,

Ты на Юге,
Тоской томим.

Но когда ж мы опять
За кубком вина

О поэзии
Поговорим?

ВОСЕМЬ БЕССМЕРТНЫХ ЗА ВИНОМ

(Отрывок)

У поэта Ли Бо на доу вина —
Сто превосходных стихов.

В Чанъани на рынках знают его
Владельцы всех кабаков.

Сын Неба его пригласил к себе —
Он на ноги встать не смог.

«Бессмертным пьяницею» Ли Бо
Зовут на веки веков.

СТИХИ В ПЯТЬСОТ СЛОВ О ТОМ,
ЧТО У МЕНЯ БЫЛО НА ДУШЕ,
КОГДА Я ИЗ СТОЛИЦЫ
НАПРАВЛЯЛСЯ В ФЭНСЯН

В Дулине
Человек в пеньковом платье

Хоть постарел,
А недалек умом:

Как мог такую глупость
Совершать я,

Чтоб с Цзи и Се
Равнять себя тайком?

А просто
Во дворце я непригоден.

И надо мне
Безропотно уйти.

Умру — поймут,
Что о простом народе

Всегда я думал,
До конца пути.

И сердца жар,
Бредя тропой земною,

Я отдавал народу
Всею душой.

Пусть господа
Смеются надо мною,

Но в громких песнях
Слышен голос мой.

Не то чтоб не хотел
Уйти от шума

И жить, не зная
Горя и тревог,—

Но с государем,
Что подобен Шуню,

Расстаться добровольно
Я не мог.

Не смею утверждать,
Что ныне нету

Людей, способных
Управлять страной,

Но, как подсолнечник
Стремится к свету,

Так я стремился
Верным быть слугой.

Я думаю
О стае муравьиной,

Что прячется
В тиши спокойных нор.

А я хотел,
Как истинный мужчина,

На океанский
Вырваться простор.

Для этого
И жить на свете стоит,

А не искать вниманья
У вельмож.

Пусть пыль забвения
Меня покроет.

Но на льстецов
Не буду я похож.

Сюй Ю и Чао Фу
Не так страдали,

Стыжусь —
А измениться не могу.

Вином пытаюсь
Разогнать печали

И песнями —
Гнетущую тоску.

Теперь зима,
И листья облетели,

От ветра
Треснут, кажется, холмы.

Ночные небеса
Грозят метелью.

И я бреду
Среди угрюмой тьмы.

Окоченели пальцы —
Силы нету,

А пояс развязался,
Как на грех.

Но до Лишани
Доберусь к рассвету,

Где государь
Пирует без помех.

Колышутся знамена,
Как в столице,

В дозоре гвардия —
На склонах гор.

Над Яочи
Горячий пар клубится,

И блеск оружия .
Ослепляет взор.

Здесь государь
Проводит дни с гостями,

Я слышу —
Музыка звучит опять.

Те, кто в халатах
С длинными кистями,

Купаться могут здесь
И пировать.

Но шелк, сияющий
В дворцовом зале, —

Плод женского
Бессонного труда.

Потом мужчин
Кнутах избивали —

И подати
Доставили сюда.

И если
Государь наш горделивый,

Тот дивный шелк
Сановникам даря,

Хотел, чтоб власти
Были справедливы —

То не бросал ли он
Подарки зря?

Да, здесь чиновников
Полно повсюду,

А патриотам —
Не открыть сердца.

К тому ж, я слышал,
Золотые блюда

Увезены
Из алого дворца.

И три небесных фей
В тронном зале,

Окутав плечи
Нежной кисеей,

Под звуки флейт,
Исполненных печали,

С гостями веселятся
День-деньской.

И супом
Из верблюжьего копыта

Здесь потчуют
Сановных стариков,

Вина и мяса
Слышен запах сытый,

А на дороге —
Кости мертвецов.

От роскоши
До горя и бесправья —

Лишь шаг,
И нет упрека тяжелей.

Я колесницу
К северу направил,

Чтобы добраться
К рекам Цин и Вэй.

Тяжелый лед
На реках громоздится

Везде,
Куда ни взглянешь на пути.

Уж не с горы ль Кунтун
Он вдаль стремится,

Как бы грозя
Небесный Столб снести?

Плавучий мост
Еще не сломан; к счастью,

Лишь балки
Неуверенно скрипят,

И путники
Сквозь ветер и ненастье

Скорее перейти его
Спешат.

Моей семьи
Давно уж нет со мною,

И снег, и ветер
Разделили нас,

Я должен снова
Встретиться с семьею,

И вот ее
Увижу я сейчас.

Вхожу во двор —
Там стоны и рыдания:

От голода
Погиб сынишка мой.

И мне ль — отцу —
Скрывать свое страданье,

Когда соседи
Плачут за стеной?

И мне ль — отцу —
Не зарыдать от боли,

Что голод
Сына моего убил,

Когда все злаки
Созревали в поле,

А этот дом
Пустым и нищим был?

Всю жизнь
Я был свободен от налогов,

Меня не слали
В воинский поход.

И если так горька
Моя дорога,

То как же бедствовал
Простой народ?

Когда о нем
Помыслию поневоле

И о солдатах,
Павших на войне,—

Предела нет
Моей жестокой боли,

Ее вовеки
Не измерить мне!

ЛУННАЯ НОЧЬ

Сегодняшней ночью
В Фучжоу сияет луна.

Там в спальне печальной
Любуется ею жена.

По маленьким детям
Меня охватила тоска —

Они о Чанъани
И думать не могут пока.

Легка, словно облако
Ночью, прическа жены,

И руки, как яшма,
Застыли в сиянье луны.

Когда же к окну
Подойдем мы в полночный час

И в лунном сиянии
Высохнут слезы у нас?

ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Страна распадается с каждым днем.
Но природа — она жива:

И горы стоят, и реки текут,
И буйно растет трава.

Трагедией родины удручен,
Я слезы лью на цветы.

И вздрогнет душа — если птица вдруг
Крикнет из темноты.

Три месяца кряду горят в ночи
Сигнальных костров огни.

Я дал бы десять тысяч монет
За весточку от семьи.

Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть

И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.

ДЕРЕВНЯ ЦЯНЦУНЬ

I

Закат
В своем сиянье золотом

Поток лучей
Бросает на равнину.

Когда я гостем
Возвращаюсь в дом,

Меня встречает
Гомон воробьиный.

И домочадцы
Так изумлены,

Что я для них
Как бы окутан дымом:

Из бурь
Гражданской смуты и войны

Случайно я
Вернулся невредимым.

Соседи за стеной,
Сойдись в кружок,

Не устают
Судачить и толпиться.

Густеет мрак.
Но я свечу зажег,

Чтобы всю ночь
Родные видеть лица.

II

Когда — старик —
Домой вернулся я,

То не забыл
Вчерашнюю тревогу.

Сынишка
Не отходит от меня,

Боится:
Снова я уйду в дорогу.

Я помню —
Год всего тому назад.

Бродя в жару,
Мы с ним искали тени.

А ныне —
Ветры зимние свистят.

О чем ни думаешь —
Душа в смятенье.

Но если урожай
Хороший снят —

Под прессом
Влага побежит живая.

И, значит, в доме
Хватит урожая,

Чтобы вином
Украсить мой закат.

III

Куры
Подняли бесстыдный гам,

Петухам
Повоевать охота.

Только
Разогнав их по местам,

Я услышал
Стук в мои ворота.

Пять почтенных стариков
Пришли,

Пожелали
Странника проведать.

Чайники с собою
Принесли —

Просят
Их изделие отведать.

Извиняются
За вкус вина —

Некому теперь
Работать в поле,

Все еще
Не кончилась война —

И подарок
Скромнен поневоле.

«Разрешите мне
Из слабых сил

Спеть в ответ
На то, что вы сказали».

Спел я песню,
Спел и загрустил.

Поглядел —
И все полны печали.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

В синем небе кружит
Одинокaя хищная птица,

А под нею — две чайки
Плывут по реке не спеша.

Хищник может легко
За добычею вниз устремиться,

Но не знает тревоги
Беспечная чаек душа.

Надвигается вечер,
Росой покрывается поле,

А паук на ветвях
Паутину плетет и плетет.

И законы природы
Близки человеческой доле —

Одинокo стою
Среди тысячи дел и забот.

ПОСВЯЩАЮ ГАО ШИЯНЮ

Ты помнишь, как мы
Расставались с тобою?

Теперь постарели мы,
Друг дорогой.

Блестящей карьерой
И легкой судьбою

Не может похвастать
Ни тот, ни другой.

Друзей потеряв,
О стихах я не спорю,

Давно перестал
Навещать кабаки.

Но, встретив тебя,
Забываю о горе —

И кажется:
Дни вдохновенья близки.

ПОСВЯЩАЮ ВЭЙ БА,
ЖИВУЩЕМУ НА ПОКОЕ

В жизни нашей
Редки были встречи,

Мы как Шан и Шэнь
В кругу созвездий.

Но сегодняшний
Прекрасен вечер —

При свече сидим
С тобою вместе.

Молодость ушла
Бродить по свету,

Головы у нас
Седыми стали.

Спросишь о друзьях —
Иных уж нету —

И душа
Сгорает от печали.

Нужно было
Два десятилетия,

Чтоб я вновь вошел
В твои покои.

У тебя, гляжу,
Жена и дети.

И детей —
Не двое и не трое.

С уважением
Меня встречая,

О дороге
Спрашивают длинной.

Но, вопросы эти
Прерывая,

За вином
Ты посылаешь сына:

И велишь
Пырей нарезать свежий,

Рис варить,
С пшеном его мешая,

И за то,
Чтоб быть в разлуке реже,

Пьем,
За чаркой чарку осушая.

Десять чарок выпил —
Не хмелею,

Но я тронут
Дружбой неизменной...

Завтра ж нас разделят,
К сожаленью,

Горных кряжей
Каменные стены.

ЧИНОВНИК В СИНЬАНИ

Я брел по Синьани...
В деревне по крикам и шуму

Я понял: конечно,
Крестьян забирают в солдаты.

Спросил у чиновника —
Он мне ответил угрюмо,

Что взрослых мужчин
Уже нету, как было когда-то.

Однако из области
Прибыл приказ на рассвете,

Чтоб юношей здешних
Послать на защиту столицы.

Гляжу на юнцов —
Они выглядят просто как дети

И разве сумеют
С врагами жестокими биться?

Печальные матери,
Плача, детей провожают,

А бедные сироты —
Те побрели одиноко.

В горах еще слышно,
Как женщины скорбно рыдают,

И мутные реки
Текут по равнине к востоку.

Я женщин пытаюсь утешить
И так говорю им:

«Сдержите рыдания,
Не надо терзаться напрасно.

Вы только исчахнете,
Целыми днями горюя,

А небо не сжалится,
Небо — оно безучастно.

Пытались войска наши
Взять укрепления Ечэна,

И денно и ночью
Они воевали с врагами.

Но силы мятежников
Стали расти постепенно,

И мы отступили,
Как это вы знаете сами.

Войска Го Цзыи
Возвратились к своим поселениям,

Их сам генерал,
Обучает теперь у Лояна.

И ваших детей
Не отправят на штурм укреплений,

И только работать
Придется им там постоянно.

И армия наша
К тому ж справедливее стала,

И там, как я слышал,
Неплохо живется солдатам.

Не плачьте о детях —
Они попадут к генералу,

Которого войско
Отцом называет и братом».

ЧИНОВНИК В ШИХАО

В деревне Шихао
Я в сумерках остановился,

Чиновник орал там,
Крестьян забиравший в солдаты.

Хозяин — старик —
Перелез за ограду и скрылся,

Седая хозяйка
На улицу вышла из хаты.

О чем раскричался
Чиновник в деревне унылой,

Ругая старуху,
Что горькими плачет слезами?

Чиновнику долго —
Я слышал — она говорила:

«Три сына моих
У Ечэна сражались с врагами.

Один написал нам
В письме из далекого края,

Что двое погибли
В жестоких боях на границе.

Он жив еще, третий.
Но это недолго, я знаю,

С тремя сыновьями
Мне надо навеки проститься.

Нет больше мужчин здесь,
Все в доме пошло по-иному,

Мой внук еще мал —
Материнскою кормится грудью.

А матери юной
Нельзя даже выйти из дому —

Все платье в лохмотьях —
И стыдно, чтоб видели люди.

Слаба моя старость,
Но я потружуся с охотой,

Прошу, господин,
Не считайтесь, пожалуйста, с нею:

И если меня вы
Возьмете в Хэян на работу,

То утренний завтрак
Я там приготовить успею».

Глубокою ночью
Затихли стенания эти,

Потом я сквозь сон
Заглушенное слышал рыданье.

Когда же в дорогу
Отправился я на рассвете —

Один лишь старик
Пожелал мне добра на прощанье.

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА

Все еще мира
Нет на белом свете,

Я стар и слаб,
Но нет и мне покою.

Погибли внуки,
И погибли дети,

Зачем же я
Помилован судьбою?

Иду из дома,
Бросив посох грубый,

Пусть спутников
Ничто не беспокоит —

Мне повезло,
Что сохранились зубы,

И то́лько
Кости старческие ноют.

Начальника,
Как это подобает,

Приветствую,
Чтоб было все в порядке.

Жена-старуха
На ветру рыдает,

Ей холодно,
А платье без подкладки.

Не навсегда ли
Наше расставанье?

Но за нее
Душа моя в тревоге.

И, уходя,
Я слышу причитанья

О том, чтоб я
Берег себя в дороге.

Крепки в Чанъани
Крепостные стены,

Защищены
Речные переправы.

Теперь не то,
Что было под Ечэном,

Где погибали воины
Без славы.

Бывают в жизни
Встречи и разлуки,

Но самому для них
Как выбрать время?

Я вспоминаю юность
На досуге

И тягостно
Вздыхаю перед всеми.

По всей стране —
В тревоге гарнизоны.

В огнях сигнальных —
Горные вершины.

А трупы свалены
В траве зеленой,

И кровь солдат
Окрасила долины.

Теперь не сыщешь
Радости в Китае, —

Так неужели ж
Уклонюсь от долга?

Убогую лачугу
Покидая,

В тоске и горе
Ухожу надолго.

ПРОЩАНИЕ БЕЗДОМНОГО

Как пусто все
На родине моей:

Поля у хижин —
В зарослях полыни.

В деревне нашей
Было сто семей.

А ныне нет их
Даже и в помине.

От тех, кто живы,
Не слышать вестей,

Погибшие —
Гниют на поле боя.

А я
Из пограничных областей

Сюда вернулся
Старою тропою.

По улице
Иду я в тишине,

Скупое солнце
Еле золотится.

И попадаются
Навстречу мне

Лишь барсуки
Да тощие лисицы.

В деревне нету
Никого нигде,

Одна вдова
Живет в лачуге нищей.

Но если птица
Помнит о гнезде,

То мне ль не помнить
О своем жилище?

С мотыгой на плече
Весенним днем

Пошел я
В поле наше за рекою.

Но разузнал чиновник
Обо всем —

И снова барабан
Не даст покоя.

Но хоть служу я
Там, где отчий край,

Кому на помощь
Протяну я руки?

Теперь —
Куда угодно посылай:

Мне не придется
Думать о разлуке.

Нет у меня
Ни дома, ни семьи,

Готов служить и там,
Где мы служили.

Лишь мать печалит
Помыслы мои —

Пять лет она
Лежит в сырой могиле.

При жизни
Я не мог ей помогать:

Мы вместе плакали
О нашей жизни.

А тот, кто потерял
Семью и мать,—

Что думает
О матери-отчизне?

ПРОЩАНИЕ НОВОБРАЧНОЙ

У повилики
Усики весною

Совсем слабы.
Так вышло и со мною:

Когда в деревне
Женится солдат,

То радоваться рано,
Говорят.

Еще мое
Девическое тело

Согреть твою циновку
Не успело:

Мы поженились вечером —
И вот

Рассвет нас
За разлукой застает.

Меня ты покидаешь
Утром рано,

Чтоб защищать
Границу у Хэяна.

А я — жена твоя
Иль не жена —

С каким лицом
Остаться тут должна?

Когда отец и мать
Меня растили,

Они — я помню —
Часто говорили:

«Твой муж —
Он добрый будет человек,

И с ним
Ты не расстанешься навек».

А ныне ты
Идешь на поле боя,

Душа болит,
И сердцу нет покоя.

Хоть я немедленно —
Клянусь судьбой —

На жизнь и смерть
Пошла бы за тобой.

Но ты забудь,
Что дни разлуки долги,—

Ты помни
Только о военном долге:

Будь с вами жены
На такой войне —

Солдатам было б
Тяжелей вдвойне.

Мы бедняки.
Как я старалась долго

Одежды сшить
Из дорогого шелка!

Но я не наряжусь в них
Поутру,

И пудру и румяна
Я сотру.

Взгляни:
Летают парочками птицы —

Им хорошо,
Им можно веселиться.

А жизнь людей
Полна скорбей и мук —

Нам долго не увидеться,
Мой друг.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОСЕНИ

Луна — как и солнце:
Она остановки не знает.

Вчерашняя ночь
Разделила нам осень и лето.

Цикада в траве
Непрерывно звенеть продолжает,

А ласточка к югу
Уже улетела с рассвета.

Всю жизнь я стремился
Уйти в одиночество, в горы,

И вот уже стар —
А свое не исполнил желанье.

Давно бы я бросил
Служебные дразги и ссоры,

Лишь бедность мешает мне
Жить в добровольном изгнанье.

БОЛЬНОЙ КОНЬ

Я седлал тебя часто
На многих просторах земли,
Помнишь зимнюю пору
У северных дальних застав?
Ты, состарившись в странствиях,
Отдал все силы свои
И на старости лет
Заболел, от работы устав.
Ты, по сути, ничем
Не отличен от прочих коней,
Ты послушным и верным
Остался до этого дня.
Тварь,—как принято думать
Среди бессердечных людей,—
Ты болезнью своей
Глубоко огорчаешь меня.

СВЕРЧОК

Так неприметен он и мал,
Почти невидимый сверчок,
Но трогает сердца людей
Его печальный голосок.
Сверчок звенит среди травы,
А ночью, забираясь в дом,
Он заползает под кровать,
Чтоб человеку петь тайком.
И я, от родины вдали,
Не в силах слез своих сдержать:
Детей я вспомнил и жену—
Она всю ночь не спит опять.
Рыданье струн и флейты стон
Не могут так растрогать нас,
Как этот голосок живой,
Поющий людям в поздний час.

ВИЖУ ВО СНЕ ЛИ БО

Если б смерть разлучила нас —
Я бы смирился, поверь,

Но разлука живых
Для меня нестерпима теперь,

А Цзяннань — это место
Коварных и гиблых болот,

И оттуда изгнанник
Давно уже писем не шлет.

Закадычный мой друг,
Ты мне трижды являлся во сне,

Значит, ты еще жив,
Значит, думаешь ты обо мне.

Ну а что, если это
Покойного друга душа

Прилетела сюда —
В темноту моего шалаша?..

Прилетела она
Из болотистых южных равнин,

Улетит — и опять
Я останусь во мраке один.

Ты в сетях птицелова,
Где выхода, в сущности, нет,

Где могучие крылья
Не в силах расправить поэт,

Месяц тихим сияньем
Мое заливает крыльцо,

А мне кажется — это
Ли Бо осветилось лицо.

Там, где волны бушуют,
Непрочные лодки губя,

Верю я, что драконы
Не смогут осилить тебя.

НОЧЬЮ В ДЕРЕВНЕ

Погода стала
Ветреной, постылой,

Нет никого
На берегу реки.

Лишь мельница
Шумит себе уныло

Да у соседей
Светят огоньки.

Здесь мне пришлось
Надолго поселиться —

Как много горя
Бунты принесли!

Есть братья у меня —
Они в столице,

И между нами —
Десять тысяч ли.

ОТДАЮСЬ СВОИМ МЫСЛЯМ

На мокрой ветке
Иволга щебечет,

И чайки плавают
У островка.

Цветы совсем поникли
В этот вечер,

И стала беспокойною
Река.

Седой старик —
Варю вино из проса.

Стучится дождь
У моего окна.

Я на судьбу
Не взглядываю косо:

В уединенье
Слава не нужна.

БЕСЕДКА НА БЕРЕГУ РЕКИ

Лежа, греюсь на солнце
В беседке, у сонной реки,

И, стихи повторяя,
Гляжу я в далекую даль,

Облака проплывают
Спокойно, как мысли мои,

И усталому сердцу
Ушедших желаний не жаль.

А природа живет
Непрерывною жизнью своей.

А весенние дни
Так прозрачны теперь и тихи.

Не дано мне вернуться
На лоно родимых полей,

Чтоб развеять тоску —
Через силу слагаю стихи.

РАНО ВСТАЮ

Весной встаю пораньше,
С петухами,

Я многим занимаюсь
В эту пору:

Мне надо
Берег укрепить камнями,

Лес разредить,
Чтобы виднелись горы.

На ближний холм
Ведет меня тропинка,

Я медленно
Бреду к его вершине.

Через часок
Вернется мальчик с рынка

И принесет сюда
Вино в кувшине.

В ЕДИНЕНИИ С ПРИРОДОЙ

I

Скупое солнце
Дорожит лучом,

Речные струи —
В водяной пыли.

Все отмели
Покрыты камышом,

От дома к дому
Тропки пролегли.

Халат
Я лишь накидываю свой

И Тао Цяню
Следую во всем.

Нет пред глазами
Суеты мирской,

Хоть болен я —
А легок на подъем.

II

Встречаю я
Весеннюю зарю

Там, где цветы
Заполонили сад.

И с завистью теперь
На птиц смотрю.

А людям
Отвечаю невпопад.

Читая книги —
Пью вино за двух,

Где трудно —
Пропущу иероглиф.

Старик отшельник —
Мой хороший друг,

Он знает,
Что я истинно ленив.

ЦЭНЬ ШЭНЬ

(715—770)

НА ЗАПАДЕ, ПРОЕЗЖАЯ ВЭЙЧЖОУ,
УВИДЕЛ РЕКУ ВЭЙ
И ПОДУМАЛ О ЦИНЬЧУАНИ

Вэй-река от Вэйчжоу
на восток стремится свои волны.

За какое же время
достигают они Юнчжоу?..

И к волнам я добавил
слез пролившихся два потока

И послал их с водою
к моему родимому саду.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Кто может предвидеть,
как наступит расцвета вечер?

Сижу и смотрю я
на холодной листвы паденье...

А сам я не стану
и со сгнившей травой равняться:

В полях разлетаясь,
в светлячков она превратилась

МЭН ЮНЬЦИН

(VIII в.)

ПРАЗДНИК «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»

Весной, в этот месяц второй, в Цзяннани
цветы украшают ветви.

В иной стороне «холодная пища»
скорее признак печали.

В домах бедняков, как всегда, сегодня
огня в очаге не видно,

Но не потому, что им надо завтра
оплакать судьбу Цзытуя!

ЧЖАН ЦЗИ (ЧЖАН ИСУНЬ)

(VIII в.)

НОЧЬЮ ПРИЧАЛИЛ К ФЭНЦЯО — МОСТУ У КЛЕНОВ

И луна закатилась, и ворон кричит,—
даже небо иней покрыл.

Только клен у реки и рыбачий огонь,—
и печаль прогоняет сон...

В стороне от стены городской Гусу
храм Холодной Горы — Ханьшань.

Там в полуночный колокол бьют, и звук
долетает до челнока!

ЧЖАН ВЭЙ

(VIII в.)

РАННИЕ ЦВЕТЫ МЭЙХУА

Холодного дерева сливы мэйхуа
нефритово-белая ветвь

Вверху, на краю деревенской дороги,
где мост над ручьем навис...

Покажется, будто нападавший за зиму
еще не растаял снег!

ЦЯНЬ ЦИ

(722-780?)

ПОДНЯВШИСЬ В ДОЖДЬ
НА ЮЖНУЮ БАШНЮ ОБИТЕЛИ «ПЛОДЫ ПОБЕД»,
ОЖИДАЮ ЯНЯ ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Солнце вечернее
 светит сквозь дождь небольшой,
Горные цепи
 покрыты густой бирюзой.
Возле опушки
 на башню Сянсе я взойду,
Вверх поднимаюсь
 и гостя за тучами жду.
Легкий дымок
 над селом одиноким висит,
В белые дали
 река свои воды струит.
Я очарован
 текущей в долине рекой,
Вечер сошел
 незаметно над рвом и стеной.
Что мне еще,
 если вы, о ком думаю я,
Чистым сиянием
 в дом направляетесь мой?**

ДУХИ РЕКИ СЯН ИГРАЮТ НА СЭ

(Стихи, написанные на экзаменах в столице)

В искусных пальцах
звук с узорной
Таят в себе
мотивы духа-девы,
Хотя Пин И
от них кружился в танце,

Но гостю в Чу
не вынести напева.
От скорби станут
льдом металл и камень,
И звуки чистые
в ночной дали звучат:
Они пришли
в Цанью оплакать мужа,
Там ирис белый
льет свой аромат.
Меж берегов
струится тихо Сяо,
Печально ветер
веет на Дунтине.
Никто не видел
до конца напева,
Что потемнели
над рекой вершины.

ГУ КУАН

(727—815)

СЛУШАЮ РОГ ГОРНИСТА,
ДУМАЮ О ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

В саду моем милом желтые листья заполнили сизый мох.
Только проснулся, за стеной услышал утренний плач рожка.
Этою ночью, мне рвущую душу, мне не видать человека.
Встану, пойду в остатней луне; и, качаясь, шагает тень.

ДАЙ ШУЛУНЬ

(732—789)

НОЧЬЮ ВЫЕЗЖАЮ ИЗ РЕКИ ЮАНЬ
И ПИШУ ЭТИ СТРОКИ ЛИ ИЗ ИНЧУАНЬ
И ЧИНУ ИЗ ШТАТА МИНИСТЕРСТВА ЛЮ

В полночь ладью поворачиваю, въезжаю в Чускую землю.
Светит луна; и горы и воды сине-зеленые стали.
Одна обезьяна вдруг вскрикнет среди ночи в порывах
осеннего ветра,
И даже тому, кто совсем не грустит, она оборвет нутро.

ВЭЙ ИНЬУ

(737—790?)

ДАОСУ-ОТШЕЛЬНИКУ В ГОРАХ ЦЮАНЬЦЗЯО

Нынешним утром
холод в моем кабинете,—
Вспомнил я горы,
друг там живет дорогой.
Хворост колючий
он собирает в ущелье,
Белые камни
варит, вернувшись домой.
Как бы хотел я,
кубок с вином поднимая,
Друга утешить
в вечер ненастный, сырой.
Горы пустые
все в опадающих листьях...
Как же найти мне
след затерявшийся твой?

ПОДНЯЛСЯ НА БАШНЮ

Ван Цинь

Дома ли бродим, гуляем ли в роще —
хочется быть нам вдвоем.
В тучах над Чу и над морем лазурным
каждый в тоске о другом.
Несколько прачек белье выбивают
возле осенней горы,
Наша округа, заросшая терном,
вся под холодным дождем.

ГОРНАЯ РЕЧКА К ЗАПАДУ ОТ ЧУЧЖОУ

Как люблю я ростки этой нежной травы —
по ущелью пробилась она.
И еще я люблю, когда в чаще лесной
песня иволги желтой слышна.
В половодье весеннее дождь начался
и под вечер сильнее шумит,
На заброшенном брое не видно людей,
лишь колышется лодка одна.

УСЛЫШАЛ ГУСЕЙ

Когда я отчизну
глазами ищу вдали,
По ней в моих думах
вдруг тягостнее тоска,
И вот в Хуайнани
осеннею ночью в дождь
С высокого дома
я слышу прилет гусей!

В ЧАНЪАНИ ПОВСТРЕЧАЛ ФЭН ЧЖУ

Наверное, гость
с востока сюда пришел:
На платье его
остался балинский дождь.
У гостя спрошу —
зачем он сюда пришел.
«Рубить на горе,—
на то и топор купил...»
А здесь в тишине
как раз расцвели цветы
И птицы спуют:
у ласточек вновь птенцы..
Расстались вчера,
сегодня уже весна,
И как на висках
прибавилось седины!

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ ПОСЫЛАЮ САНОВНИКУ ЦЮ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ

Я в мыслях с тобою
в осеннюю эту ночь
Все время хожу,
о прохладе пою стихи..
Там горы пустынные,
земля в семенах сосны
И славный отшельник,
должно быть, еще не спит!

ПОСЫЛАЮ ЛИ ДАНЮ (ЛИ ЮАНЬСИ)

В прошлом году посреди цветов
с тобой расставались мы.
Нынешним днем расцвели цветы,—
значит, и год прошел...

В мире события темны-темны,
их трудно предусмотреть.
В грусти-печали весенней все,
и сплю только я один.

Тело мое болезни гнетут,
в мечтах — лишь земля и сад,
Столько скитальцев в моем краю,
что жалованья стыжусь...

Слышал — ты скоро приедешь вновь,
наведаясь ко мне.
С западной башни я лунный круг
вижу в который раз!

ГЛЯДЯ НА КРЕСТЬЯНИНА...

За дождиком первым
пробилась новая зелень.
За рокотом грома
в земле пробудились твари.

Крестьяне в деревне
и дня не живут без дела,—
И к пахоте с севом
они уже приступают.

Мужчины обычно
чуть свет на работе в поле.
Еще огороды
их ждут не дождутся тоже.

Домой возвратятся
они на закате солнца.
Напоят корову
водой из далекой речки.

Усталость и голод
они безропотно терпят.
В дожде милосердном
свою обретают радость.

В их ветхих амбарах
зерна не лежат запасы.

Повинностей тяжких
они вовек не отбудут...

Становится стыдно,
что сам не пашу я землю,
А мне содержание
приносит труд деревенский!

МЭН ЦЗЯО (751—814)

НА ДРЕВНИЙ МОТИВ РАЗЛУКИ

Готова расстаться... Тяну тебя, милый, за платье...
Нынче ты, милый, едешь в какие края?
Не упрекну я, если вернешься ты поздно:
Только не езди в этот, ты знаешь, Линьцюн.

ГУЛЯЮ В ГОРАХ ЧЖУННАНЬ

Южные горы
закрыли и небо и землю,
Солнце и месяц
выходят из этих камней.
Пик высочайший
и ночью зарю сохраняет,
В глуби ущелий
и днем не увидишь лучей.
Здесь поселились
прямые и честные люди,
Трудны дороги,
но мысли просты у людей.
Ветер протяжный
свистит в кипарисах и соснах,
С шумом несется,
сотни долин подметает...
В этих ущельях
мне жалко, что книги читал я,
Каждое утро
славы летучей желая!

ПУТНИК

У матери нежной
 иголка и нитка в руках:
Готовится путник
 одеться в дорожный халат.

Чем ближе к прощанью,
 тем чаще и чаще стежки,
И страшно: домой он
 не скоро, не скоро придет...

Кто может ручаться,
 что малой травинки душа
Всей мерой оплатит
 за теплую ласку весны!

ЛЮ ЦЗУНЬЮАНЬ

(773—819)

РАННЯЯ ВЕСНА В ЛИНЛИНЕ

Спрошу весну
 о том, когда она

Направится
отсюда в Цинъюань,

Чтоб с ней послать
 мои о доме сны —

Пусть хоть они
 войдут в родной мне сад.

ВЪЕЗЖАЯ В ХУАНЦИ, СЛУШАЮ ОБЕЗЬЯН

Путь проходит водою,
 извиваясь, тысячи ли,

Да еще обезьяны
 где-то так тоскливо кричат.

Но опальный чиновник
 свои слезы выплакал все,

И его не встревожит
 обрывающий сердце крик.

ЛЮ ЮЙСИ

(772—842)

ОСЕНЬ

I

С древности самой встречали осень
скукою и печалью.

Я же скажу, что осени время
лучше поры весенней.

Светлая даль, журавль одинокий
в небе над облаками

Могут поднять мое вдохновенье
прямо к лазурным высям.

II

Ясные горы, чистые воды,
с ночи лежащий иней.

В яркой листве краснота деревьев
тронута желтизною.

Если к тому же взойти на башню,
свежесть проникнет в кости.

· Это не то что дурман весенний
и от него безумье.

БО ЦЗЮЙИ

(772—846)

Я СМОТРЮ, КАК УБИРАЮТ ПШЕНИЦУ

Приносит заботы
крестьянину каждый месяц,
А пятый и вовсе
хлопот прибавляет вдвое.

Короткою ночью
поднимается южный ветер,
И стебли пшеницы
на землю ложатся, желтеют...

Крестьянские жены.
в корзинах еду проносят,
А малые дети
кувшины с водою тащат.

Одни за другими
идут по дороге к полю.
Мужчины-кормильцы
на южном холме, под солнцем.

Подошвы им ранит
дыханье земли горячей.
Им спины сжигает
огонь палящего неба.

В труде непрестанном,
как будто им зной не в тягость.
Вздохнут лишь порою,
что летние дни так долги...

Еще я вам должен
сказать о женщине бедной,
Что с маленьким сыном
стоит со жнецами рядом

И в правой ладони
зажала поднятый колос,
На левую руку
надела свою корзину.

Вам стоит подслушать
бесхитростную беседу —
Она отзовется
на сердце печалью тяжелой:

«Все дочиста с поля
ушло в уплату налога.
Зерно подбираю —
хоть так утолить бы голод».

А я за собою
какие знаю заслуги?
Ведь в жизни ни разу
я сам не пахал, не сеял.

А все ж получаю
казенные триста даней,
До нового года
зерно у меня в избытке.

Задумаюсь только,
и мне становится стыдно.
И после весь день я
не в силах забыть об этом.

Я ОСТАНОВИЛСЯ НА НОЧЬ
В ДЕРЕВНЕ НА СЕВЕРНОМ СКЛОНЕ
ГОРЫ ЦЗЫГЭ

С утра я бродил
по склонам горы Цзыгэ,
А вечером спать
к подножью в деревню сошел.

В деревне старик
встретил радушно меня.
Он для меня
открыл непочатый кувшин.

Мы подняли чарки,
еще не пригубили их,
Свирепой толпой
наемники в дом ворвались.

В лиловой одежде.
Топор или нож в руке.
Их сразу набилось
больше десяти человек.

Схватили они
с циновки все наше вино,
И взяли они
с блюда всю нашу еду.

Хозяину дома
осталось в сторонку встать
И руки сложить,
как будто он робкий гость.

В саду у него
было дерево редкой красы,
Что он посадил
тридцать весен тому назад.

Хозяину дома
жалко стало до слез,
Когда топором
под корень рубили ствол...

Они говорят,
что им велено строить дворец.
Они берегут
государев священный покой!

Хозяину дома
разумней всего молчать:
Начальник охраны
в большой при дворе чести.

СПРАШИВАЮ У ДРУГА

Посадил орхидею,
но полыни я не сажал.
Родилась орхидея,
рядом с ней родилась полынь.

Неокрепшие корни
так сплелись, что вместе растут.
Вот и стебли и листья
появились уже на свет.

И душистые стебли,
и пахучей травы листы
С каждым днем, с каждой ночью
набираются больше сил.

Мне бы выкороть зелье,—
орхидею боюсь задеть.
Мне б полить орхидею,—
напоить я боюсь полынь.

Так мою орхидею
не могу я полить водой.
Так траву эту злую
не могу я выдернуть вон.

Я в раздумье: мне трудно
одному решение найти.
Ты не знаешь ли, друг мой,
как в несчастье моем мне быть?

СОБИРАЮ ТРАВУ ДИХУАН

Все погибли хлеба:
не смочил их весенний дождь.
Все колосья легли:
рано иней осенний пал.

Вот и кончился год.
нет ни крошки во рту у нас.
Я хожу по полям,
собираю траву дихуан.

Собираю траву —
для чего она мне нужна?
Может быть, за нее
мне дадут немного еды.

Чуть забрезжит свет —
и с мотыгой своей иду.
Надвигается ночь —
а корзина все не полна.

Я ее отнесу
к красной двери в богатый двор
И продам траву
господину с белым лицом.

Господин возьмет —
и велит покормить скакуна,
Чтоб лоснились бока
и от блеска светилась земля.

Я хочу в обмен
от коня остатки зерна.
Пусть они спасут
мой голодный тощий живот.

Я ВПЕРВЫЕ НА ТАЙХАНСКОЙ ДОРОГЕ

Холодное небо.
Свет зимнего солнца тусклый.
Вершина Тайхана
теряется в синей мгле.

Когда-то я слышал
об этой опасной дороге.
Сегодня и я
проезжаю один по ней.

Копыта коня,
леденея, скользят на склонах:
По петлям тропинок
тяжел для него подъем.

Но если сравнить
с крутизною дороги жизни,
Покажется эта
ровней, чем моя ладонь.

В ЖЕСТОКУЮ СТУЖУ В ДЕРЕВНЕ

В год восьмой,
в двенадцатый, зимний месяц,
В пятый день
сыплет и сыплет снег.

Кипарис и бамбук
замерзают в садах и рощах.
Как же вытерпят стужу
те, кто раздет и бос?

Обернулся, гляжу —
в этой маленькой деревеньке
На каждый десяток
восемь-девять дворов в нужде.

А северный ветер,
как меч боевой, отточен,
И ни холст, ни вата
не прикроют озябших тел.

Только греются тем,
что жгут в лачугах репейник,
И печально сидят
всю ночь, дожидаясь дня.

Кто же не знает,
что в год, когда стужа злее,
У бедного пахаря
больше всего невзгод.

А взгляну на себя —
я в это самое время
В домике тихом
затворяю наглухо дверь.

Толстым халатом
накрываю шелк одеяла.
Сяду ли, лягу —
вволю теплом согрет.

К счастью, меня
 миновали мороз и голод.
Мне также неведом
 на пашне тяжелый труд.

Но вспомню о тех,
 и мне становится стыдно:
Могу ль я ответить —
 за что я счастливей их?

Я СШИЛ СЕБЕ ТЕПЛЫЙ ХАЛАТ

Холст из Гуэй
 бел, точно свежий снег.
Вата из У
 нежнее, чем облака.

И холст тяжелый,
 и ваты взят толстый слой.
Сшили халат мне —
 вот уж где теплота!

Утром надену —
 и так сижусь дотемна.
Ночью накроюсь —
 спокойно сплю до утра.

Я позабыл
 о зимних морозных днях:
Тело мое
 всегда в весеннем тепле.

Но как-то средь ночи
 меня испугала мысль.
Халат я нащупал,
 встал и заснуть не мог:

Достойного мужа
 заботит счастье других.
Разве он может
 любить одного себя?

Как бы добыть мне
 халат в десять тысяч ли,
Такой, чтоб укутать
 людей всех четырех сторон?

Тепло и покойно
 было бы всем, как мне,
Под нашим бы небом
 не мерз ни один бедняк!

ИЗ «ЦИНЬСКИХ НАПЕВОВ»

В годы Чжэньюань и Юаньхэ я жил в Чанъани. Среди слышанного и виденного мною было много печального. Я сочинил стихи об этом и назвал их «Циньские напевы».

В ТОНКИХ ОДЕЖДАХ НА СЫТЫХ КОНЯХ

Какая осанка —
 величием путь запружен.
Под седлами кони —
 их блеск озаряет пыль.

«Скажите на милость,
 откуда такие люди?»
И мне отвечают:
 «Они состоят при дворе.

С подвесками красными
 мчатся вельможи дафу;
С лиловыми — это
 спешат полководцы вслед.

Надменные, едут
 они на военный праздник.
Их борзые кони
 несутся, как облака...

В кувшинах и чашах
 вино девяти брожений.
И с моря и с суши
 там восемь отборных яств.

Лежат в изобилье
 дунтинские апельсины.
Тончайше нарезана
 рыба «Небесных вод».

Они наедятся —
 сердца их будут спокойны.
Они охмелеют —
 сильней распалится дух...»

Нынешним летом
 в Цзяннани случилась засуха.
В селах Цюйчжоу
 люди едят людей.

ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

К Циньской столице
приблизился вечер года.
Снегом глубоким
укрыт государев город.

В снежную мглу
вышли из зал дворцовых
В лиловом и красном
вельможи — гуны и хоу.

Для знатного есть
в ветре и в снеге радость.
Богатый не знает,
как стужа и голод тяжки.

В думах у них —
устроить свои хоромы.
Желанье одно —
безделье делить с друзьями.

У красных ворот
верхом и в колясках гости.
При ярких свечах
песни и пляски в доме.

Упившись вином,
теснее они садятся.
Пьяным тепло —
снимают тяжелое платье.

Блюститель законов
сегодня хозяин пира.
Тюремный начальник
среди приглашенных первый.

Средь белого дня
они за вином смеются
И ночью глубокой
прервать веселья не могут...

Что им до того,
что где-то в тюрьме в Вэньсяне
Лежат на земле
замерзших узников трупы!

ПОКУПАЕМ ЦВЕТЫ

На столичных путях
наступает закат весны.
Грохоча-стуча,
там коляски, кони спешат.

Говорят друзья,
что пионам пришла пора.
И один за другим
все идут покупать цветы.

Не равны цветы,
и цена цветам не одна:
Нам считают то,
сколько собрано вместе их.

Пламенеют огнем —
красных сто на одном кусте;
Чуть заметно мелькнут —
белых пять в небольшом пучке.

Их поверху закрыл
полотняный плотный навес.
Оградил с боков
из бамбука сплетенный забор.

Их смочили водой,
залепили корни землей.
Принесешь к себе —
расцветут, как в родном саду.

В каждом доме у нас
так цветы в обиход вошли,
Что любой человек
отдается им всей душой!

Как-то раз один
деревенский простой старик
По ошибке забрел
на роскошный рынок цветов.

Ничего не сказав,
испустил он глубокий вздох.
Этот тяжкий вздох
никого не привлек в толпе...

«За один пучок
темно-красных свежих цветов —
Десяти дворов
деревенских семей налог!»

ИЗ «НОВЫХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН»

*...Для описания государя, чиновников, народа, вещей и событий сделано
это, — не для литературной забавы.*

ДУЛИНСКИЙ СТАРИК

Страдания крестьянина

Дулинский старик, крестьянин,
живет за столицей в деревне.
Он нынче засеял тощее поле
площадью больше цина.

В третий месяц дождь не пролился,
поднялся засушливый ветер.
Всходы пшеницы не покрылись цветами,
много их, пожелтев, погибло.

В девятый месяц пал белый иней,
поторопился осенний холод.
Колосья зерном не успели налиться —
все они, не созрев, засохли.

Старший сборщик все это знает,
но не просит снизить поборы.
За податью рыщет, налоги тянет,
чтоб видали его старанье.

Заложены туты, продано поле,
внесена тяжелая подать.
Ну а дальше — одежду и пищу
где найдет разоренный крестьянин?

«С наших тел
сдирают последний лоскут!
Из наших ртов
вырывают последний кусок!

Терзают людей, отбирают добро
шакалы и злые волки!
Почему эти крючья-когти, почему эти пилы-зубы
пожирают людское мясо?»

И все же какой-то человек нашелся,
доложил обо всем государю.
В душе государя сострадание и жалость —
он узнал о муках народа.

На листе казенной белой бумаги
начертал он ответ свой добрый:
«В столичной округе вносить не надо
никому в этот год налоги».

И уже вчера деревенский чиновник
от ворот подходил к воротам
И, держа в руках указ государя,
объявлял деревенским людям.

Но на каждые десять дворов в деревне
с девяти уже все взыскали.
Ни к чему теперь для них оказалась
господина нашего милость!

СТАРЫЙ УГОЛЬЩИК

Против дворцовых «закупок»

Старый торговец углем
рубит дрова, обжигает уголь
в предместье у Южных гор.

Пыль и зола в его кожу въелись,
дым закоптил лицо.
От нитей седых виски его серы,
от сажи пальцы черны.

Деньги за проданный людям уголь
что старику дадут?
Простое платье на голое тело,
пищу в голодный рот.

Жалко его — на плечи накинута
рваный летний халат.
Он огорчен — дешевет уголь.
Скорей бы пришла зима!

Вот наконец за городом ночью
выпал глубокий снег.
Утром запряг он быка в телегу,
повел по скользкому льду.

Угольщик голоден, бык измучен,
а солнце уже высоко.
К югу от рынка, перед заставой,
встали они в грязи.

Кто эти двое всадников гордых,
что вскачь принеслись сюда?
В желтой одежде евнух дворцовый,
в белой — мальчик-слуга.

Держит чиновник в руке бумагу,
у него на устах приказ.
Воз повернули, быка погнажи,
на север к дворцу ведут.

Весом больше тысячи цзиней
угля тяжелый воз
В зимнее утро чиновник отнял —
ему бедняка не жаль.

Красного шелка один обрывок,
еще атласа кусок
К ярму быка привязал чиновник —
и тем заплатил за все!

ВО ДВОРЕ ПРОХЛАДНОЙ НОЧЬЮ

Роса на циновке —
и капли ее как жемчуг.

Мой полог под ветром —
и тень его словно волны.

Сижу я печальный —
с деревьев листва слетает.

В садовой беседке
так много луны сегодня.

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ НОЧЬЮ ОДИН

Утун у колодца
колышет прохладной листвою.

Валек у соседки
разносит осенние стуки.

Один направляюсь
я спать под нависшую кровлю.

Проснулся и вижу:
луны — половина постели.

В ЗАПРЕТНОМ ГОСУДАРЕВОМ ДВОРЦЕ

Вход воспрещен,—
недвижны все девять врат,

Окна тихи,—
свободна зала одна.

Лучше всего
воспитывать сердце здесь,

Незачем жить
вдали от людей, в горах!

СНЕЖНОЙ НОЧЬЮ В ДЕРЕВНЕ

Окно на юг —
сизжу спиною к лампе,

Под ветром хлопья
кружатся во тьме.

В тоске, в безмолвье
деревенской ночи

Отставший гусь
мне слышится сквозь снег.

В СЕВЕРНОЙ БЕСЕДКЕ ПРОВОЖУ НОЧЬ

В немой тишине
у прохладной стены кровать.

За шелком цветным
догорающая свеча...

И ночь настает,—
я один в беседке лежу,

А чудится мне,
что я в храме буддийском сплю.

ЗОВУ ВОСТОЧНОГО СОСЕДА

В малую чашу
будет вино налито,
На свежей циновке
можно постель устроить.
Ты не придешь ли
ночь скоротать в беседе?
Ведь скоро на берег
холод осенний ляжет.

ЦИНЬ

Мой цинь я поставил
на тонкий изогнутый столик.
Я ленью охвачен,
а чувства теснятся во мне.
Какая забота
мне струны тревожить рукою?
Их ветер ударит —
и сами они запоят.

МОИ ЧУВСТВА ПОСЛЕ ПРОЩАНИЯ С ЮАНЕМ ДЕВЯТЫМ

Горечь тоски
в дожде среди листьев туна.
Веет уныньем
ветер в отцветшем цзине.
О, как грустна
начальной осени дума,
Что возникает
в тихом уединенье.
Если еще
добавить разлуку с другом,
Тут уж и вовсе
нет на душе веселья...

Не говори:
 «Меня провожать не надо».
Сердце идет
 с тобой к городским воротам.

Разве друзей
 чем больше, тем они лучше?
Было бы только
 с ними во всем единство.

С сердцем моим
 один человек уходит.
Я ощущаю
 город Чанъань пустыней.

НА ДОРОГЕ ЗА СТАРОЙ ЗАСТАВОЙ

Горы и реки
 на этой Ханьгуской дороге.

Пылью покрыты
 у едущих путников лица.

Тягостно-грустно
 с родной стороной расставанье...

Ветер осенний
 поднялся из древней заставы.

СМОТРЮСЬ В ЗЕРКАЛО

Чист и блестящ
 круг бронзовый, зеркальный.

Рябят-пестрят
 виски от белых нитей.

Да можно ли
 упрятать глубже годы?

Моим летам
 ты, зеркало, не веришь!

ПЕРЕД НОЧНЫМ ДОЖДЕМ

Сверчок предра́ссветный
кричит и опять затихает.

Свеча, угасая,
то меркнет, то снова светлеет.

За окнами ночью
дождя узнаю приближение:

В банановых листьях
рождаются первые звуки.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Так листья шумят
и падают, словно дождь.

И светит луна,
как иней, совсем бела.

И ночь глубока,—
я только собрался лечь.

Найдется ли кто
смахнуть мне с кровати пыль?

ПРОВОЖАЮ ВЕСНУ

В третьем месяце года
на последний, тридцатый день
Нас весна покидает
и опять вечереет день.

Опечаленный этим,
я весенний ветер спросил:
«Значит, ветер, ты завтра
с нами больше не будешь жить?»

И, весну провожая
над Цюйцзяном на берегу,
Я с тоской и с любовью
мир оглядываю вокруг.

Но одно лишь я вижу —
как устлали воду цветы,
Как повсюду, повсюду
так их много, что их не счесть...

Человек в своей жизни
 словно странник в спешном пути.
Он идет шаг за шагом,
 забывая передохнуть.

Каждый день он шагает
 по дороге, что перед ним.
Перед ним же дорога
 как протянется далеко?

Беспорядки и войны,
 да и воду, да и огонь —
Те несчастья все можно
 побороть иль от них бежать.

От единственной только
 дряхлой старости, как придет,
В человеческом мире
 не укроешься никуда...

И, взволнованный мыслью,
 я задумался о себе,
Прислонившись в безлюдье
 молча к дереву у воды.

Это чувство, с которым
 проводил сегодня весну,
Это чувство — как будто
 я расстался с другом моим.

ИДУ НОЧЬЮ ПОД РЕДКИМ ДОЖДЕМ

Все небо укрыв,
 осенние тучи нашли.

Подкравшись во мгле,
 явился холод ночной.

Лишь чувствую, как
 халат на мне отсырел,

А капель дождя
 и шума их тоже нет.

НОЧНОЙ СНЕГ

Я вдруг просыпаюсь —
 постель холодна, как лед.

Глаза открываю —
 бумага окна светла.

Глубокая полночь...
Наверное, снег тяжел:

Я слышу порою —
ломаясь, хрустит бамбук.

ВМЕСТЕ С САНОВНИКОМ-ШИЛАНОМ ХАНЕМ
ГУЛЯЕМ НА ОЗЕРЕ СЕМЬИ ЧЖЭНОВ,
ПОЕМ СТИХИ, ПЬЕМ ВИНО

У берега лодка
всего на трех человек.
Вечерние воды
без плеска, тихо текут.

Мы неторопливо
за весла сели вдвоем.
Нам озеро словно
речной и морской простор.

Дождем накануне
прибило песок и пыль.
И ветер сегодня
развеял дым и туман.

Закатное солнце
горит высоко в ветвях,
И листья бамбука
блестят с последним лучом.

Мы, собственно, с Ханем
случайно сюда пришли,
Однако природа
как будто нас и ждала.

И белые чайки
в испуге не поднялись,
Зеленые травы
припали к нашим рукам...

Хотя не хватает
уже зубов и волос,
Пыл юности прежний
пока не покинул нас.

Поэзию встретить
и с чаркой вина побыть
Еще, не скудея,
в душе настроенье есть.

ЛУНА НА ЧУЖБИНЕ

Гость недавно
 пришел из Цзяннани к нам.
В ночь прихода
 месяц рождался вновь.

В странах дальних,
 где путник долго бродил,
Трижды видел он
 чистый и светлый круг.

Утром вслед
 за ущербной луною шел,
Ночью рядом
 с новым месяцем спал.

Чьи это сказки,
 что нет у луны души?
Тысячи ли
 разделяла невзгоды с ним!

Утром встанет
 на мост над рекою Вэй,
Ночью выйдет
 на старый Чанъаньский путь.

Разве скажешь,
 еще у кого в гостях
Этой ночью
 будет светить луна?

В ОСЕННИЙ ДОЖДЬ ДАРЮ ЮАНЮ ДЕВЯТОМУ

Я не вытерплю красных опавших листьев,
 почерневший мох на земле,

Да к тому еще долгий холодный ветер,
 нестихающий дождь с небес.

Удивляться не надо, в стихах услышав
 только горечь осенних дум:

По сравненью с тобой я все-таки ближе
 к ждущим нас годам седины.

В ХРАМЕ ХУАЯНГУАНЬ
ВО ВРЕМЯ ЦВЕТЕНИЯ ПЕРСИКА
ПРИГЛАШАЮ ЛИ ШЕСТОГО
ВЫПИТЬ ВИНА

В даосском храме Хуаянгуань
волшебный персик расцвел.

Возьмем вина, поглядим на цветы,
чтоб в сердце покой вселить.

Как можно во время цветенья нам
не выпить с тобой вдвоем?

Ведь завтра уже, послезавтра уже
все ветви будут пусты.

ВТОРЮ СТИХАМ ДРУГА
О ВЕСЕННИХ ЧУВСТВАХ В ЛОЯНЕ

Ты не печалься, когда в Цзиньгуском
саду стоишь под луной.

И ты не вздыхай, когда на Тяньцзиньском
мосту встречаешь весну:

Если ты множеством чувств охвачен
и полон о прошлом дум,

какой уголок в человеческом мире
не ранит твоей души!

РАССТАЮСЬ С ВЭЕМ,
ПРАВИТЕЛЕМ СУЧЖОУ

Наша сотня годов
миновала в печалах одних.

Десять тысяч всех чувств
к нам с тобой приходили в хмелю.

В безутешной тоске
расстаемся на запад от стен

И печальных бровей
никогда уже не разомкнем.

НОЧУЮ В ДОМЕ ЯНОВ

Оба брата, и старший и младший Яны,
опьянев, улеглись и спят.

Я накинул халат, и встаю с постели,
и по лестнице вниз иду.

И в глубокой ночной тишине безмолвно
я стою посреди двора,

Где сияет луна над цветами тэна,
надвигая тень на крыльцо.

СНОВА ПО СЛУЖЕБНЫМ ДЕЛАМ ПРИЕХАЛ НА СТАНЦИЮ ЛОКОУ

Вот приехал сюда я в этом году —
белы летние облака.

А когда приезжал в минувшем году,
был багряным осенний лес.

Оба раза в Локоу при виде гор
испытал я глубокий стыд:

Для одних государевых срочных дел
эти горы я посетил.

НАПИСАЛ ПРИ РАССТАВАНИИ О ТРАВЕ НА ДРЕВНЕЙ РАВНИНЕ

Повсюду сплошная
на древней равнине трава.
Достаточно года,
чтоб ей отцвести и ожить.

Степные пожары
дотла не сжигают ее.
Лишь ветер весенний
подул — и рождается вновь.

И запах из далей
до старой дороги достиг.
И зелень — под солнцем
приникла к развалинам стен...

Опять провожаем
мы знатного юношу в путь.
Травы этой буйством
печаль расставанья полна.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ЖИВУ БЕЗЗАБОТНО

Безлюдное место. Там спрятан мой дом.
В нем встречи и проводы редки.

Набросив халат, беззаботно сижу;
мне чувства отшельника близки.

Осенний мой двор подметать не хочу
и, в руку взяв тэновый посох,

Топчу беззаботно, гуляя в саду,
поблекшие листья утуна.

ЗА СЮЭ ТАЯ СКОРБЛЮ О СМЕРТИ ЕГО ЖЕНЫ

Я — полумертвый утуновый ствол,
старый, больной человек.

Вспомню о бьющих в могиле ключах —
душу мне ранят они.

За руку сына с собою ведя,
ночью вернулся домой.

Холоден месяц, и спальня пуста,
в доме не видно ее.

НОЧЬ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»

Не светит месяц, нет огня
здесь в ночь «холодной пищи».

Ночь глубока — я все стою
над темными цветами.

И вдруг, встречая новый день,
я лет своих пугаюсь.

До сорока сегодня мне
один лишь год остался.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ

Вот полночь уже.
Постель моя холодна.
Я сплю без него,
и нет даже сил привстать.

Душистый огонь
в курильнице отгорел,
И слезы в платке
застыли прозрачным льдом.

Боясь потерять
и тень, что всегда со мной,
Я всю эту ночь
не буду гасить фонарь.

ПИШУ В ВОСТОЧНОЙ БЕСЕДКЕ ЛИ ОДИННАДЦАТОГО

С мыслью о друге в вечер осенний
среди сосен я постою.

Пенье сверчка и звуки цикады
мне тут же наполнят слух.

Я огорчен, в восточной беседке
такие ветер с луной,

Сам же хозяин нынешней ночью
еще в Фучжоу гостит!

ДЕНЬ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ» В ПУТИ

С дороги во время «холодной пищи»
последний путник исчез,

И только один в весенней печали
у края дороги я.

Верхом на коне, с опущенной плетью,
печалюсь молча, без слов...

А ветер повеял,— всех трав душистых
донесся запах с полей.

ОСЕННИЕ ЦИКАДЫ

«Тье-тье» и «тье-тье»
во мраке под самым окном.

«Йя-йя» и «йя-йя»
в густой и глубокой траве...

Осенней порой
тоскующей сердце жены.

В дождливую ночь
печалью объятого слух.

ЦЗЯ ДАО

(779—843)

ИЩУ ОТШЕЛЬНИКА, НЕ ЗАСТАЮ

Под соснами где-то спрошу о нем ученика.
Он скажет: учитель ушел собирать снадобья.
Он здесь пребывает, на этой самой горе,
Но тучи глубоки, и где он — я так и не знаю.

ЛИ ШЭНЬ

(?—846)

ПЕЧАЛЮСЬ О КРЕСТЬЯНИНЕ

Весною посадит
он зернышки по одному,

А осень вернет их
обильнее в тысячи раз...

Где Моря Четыре,
земли невозделанной нет,

А все к земледельцу
приходит голодная смерть!

ДУ МУ (803—852)

К ДОРОГЕ

Я окно растворил —
и остыла моя постель.
Лежа, глаз не сомкну:
вспоминаю Сяо и Сян...

Видам горных вершин
не настанет время стареть,
А людские сердца
день-деньской в суете хлопот...

В соснах ветра порыв —
то ли поздний, полночный дождь.
За завесой луна —
то ли иней, наполнивший дом...

На коне одному
хорошо бы поехать домой:
Над рекою как раз
апельсинами пахнуть должно!

ЛИ ШАНЬИНЬ (813—858)

ЛЭЮЮАНЬ

День кончился, печаль в душе моей,
на Гуюань я еду меж ветвей...
Вечерняя заря прекрасна,
Но сумрак все становится черней.

НОЧЬЮ В ДОЖДЬ ПИШУ НА СЕВЕР

Спросила ты меня о том,
Когда вернусь к любимой в дом.
Не знаю сам. Пруды в горах
Ночным наполнились дождем...
Когда же вместе мы зажжем
Светильник на окне твоём,
О черной ночи говоря
И горном крае под дождем?

СЫКУН ТУ

(837—908)

ПОЭМА О ПОЭТЕ

1

Мощь, муть вековая
Великое Действие внешне нестойко;
А Истинно-сущным я полон внутри.
Обратно от полого к Мути иду я,
Коплю в себе силу, и в ней моя мощь!
Во мне вся природа — в своих миллионах!..
Я рвусь поперек Величайших Пустот.
Несметно-огромные жирные тучи...
Свободная, дикая, долгая буря.
Умчусь за пределы живого и формы,
Чтоб вдруг ухватить Середину Кольца.
Я *оное* буду хранить без усилий,
И к *оному* зов бесконечен во мне.

2

Пустотно простое и пресное нечто
Жизнь опростела в безмолвии полном,
Тайны Пружины постичь не дано.
Оное я напою Сверхгармонией...
Аист один — вот я с ним и лечу!
Оному образ дам доброго ветра;
Ласков и мил он в одежде моей.
Вижу, где звучен стал стройный бамбук мой...
Мыслю: красавец! Возьму... увезу!..
Оное я не встречаю всей глубию...
Ближе к нему, — все бледнее оно...
Пусть ему форму и сходство найду я,
Крепко схвачу... но оно убежит.

3

И тонко и пышно
Как пестра, вся в цветах протекает река!..
Как пышна, разрослась во все дали весна!
Как здесь скромно и мило в ущелье глубоком!
Иногда лишь здесь виден чудесный поэт.
Бирюзовые персики полнят деревья,
Здесь и ветер, и солнце, и берег реки.

Тени ивы в извивах дороги лежат,
Льются иволги, в близком соседстве совместном.
Подчиню себе *оное* — вовсе уйдет;
Распознаю я *оное* — к правде приближусь.
И как будто беру недоявленное,
Вместе с древним былым стану новым опять.

4

Погружен, устремлен
Зеленые ели и дом на безлюдье,
И солнце заходит, и воздух здесь чист.
Я шапку снимаю, шагаю один,
Порою я слышу какую-то птицу.
«Ни лебедь, ни гусь» сюда не долетают,
Ведь он, дорогой мой, далеко ушел!
Предмет моих дум, но далек от меня он,
Такой же, как он был сквозь всю мою жизнь.
В морском дуновенье лазурные тучки...
Над мелью ночью сияет луна.
Как будто прекрасное слово имею:
Большая река вдруг легла предо мной.

5

Высоко-старинное, древнее
Человек неземной силой Дао объят.
Он в руке своей держит цветок — неньюфар.
И плывет по безбрежным тем калпам времен;
В тьме и мраке глубин: след его — пустота.
Вот выходит луна от Ковша на восток,
Ветерок ей вослед так приятен и мил!
Величайший Хуа ночью весь в бирюзе,
Человек слышит звон чистых колоколов.
Сердце емкое в дух устремлю простоты,
И теперь прочь долой все границы-межи!
Хуан с Таном живут в одинокой душе,
Как особо-отдельный мой предок в веках.

6

Классически строго и тонко
В яшмовый чайник купил я «весны»,
Сел наслаждаться дождем в шалаше я...
В креслах кругом превосходные люди,
Слева и справа — высокий бамбук.
Белые тучи. Яснеет погода.
Скрытые птицы друг к дружке летят.
В тени зеленой дал лютне уснуть я.
Сверху над нею летит водопад.
Цвет опадает в безмолвии полном...

Пресен я, как хризантема пресна.
В сем опишу я цветенье природы:
Речь мою, что же, пожалуй, читай!

7

И мою и плавлю
Подобно породе, нам золото давшей,
Подобно свинцу, что дает серебро,
Душою пройду через плавильный горн я...
Мне очень милы эти камешки Цзы.
В сквозящем затоне весна налита,
И древнее зеркало дух отразило.
Освоив простое, и чистым богатый,
На лунном сиянье к святому иду.
И вот я гляжу на светила, созвездья;
И вот я пою про укрытых людей!
Текущие воды — то дни моей жизни;
Сиянье луны — предрожденная плоть.

8

Крепость и сила
Я свой гений веду, словно вкруг пустота;
И свой дух я веду — словно радуга он.
Горы У... В их ущельях на тысячи сюнъ
Тучи шествуют там, бури слиты в одно.
Пью святое в себе, крепость сильную ем
И, простое копя, середины держусь.
Я сравню эту мощь с «силу движущим», *им...*
И о ней говорю: «я храню в себе мощь».
С небом, вместе с землей, установлен, стою;
К превращеньям божественным я приобщен.
Ожидаю *его* я в том сущном ядре;
Им воспользуюсь я до конца своего.

9

Узорная прелесть
Гений хранит мой богатство и знатность,
Золотом желтым я пренебрегу.
Тучное кончится тощим, наверно;
Пресно-простое — в нем часто вся глубь.
Ключья тумана — где берег реки,
Рдеют, краснеют в лесах абрикосы.
Светом луны дом роскошный одет;
Мост расписной — весь в тенях он лазурных.
Кубки из золота полны вином,
Гость-сотрапезник бряцает на лютне.
Это приемлю я, самодовлея,
Думы прекрасные — полностью здесь!

Самосушное нечто
 Нагнусь, подберу — и как раз то, что надо!
 Не буду заимствоваться у других.
 Я с Дао совместно путь всюду направляю,
 Рукой прикасаясь, весну сотворю.
 Как будто встречаю раскрытие цветка я,
 Как будто смотрю в обновившийся год.
 В сверхистине данное не отберут,
 Усиьем добытое сразу нищает.
 Отшельник-поэт на пустынной горе
 Идет чрез воду и лилии рвет в ней.
 Вот так! Да, вот так прозреваю всем чувством.
 Вдали там, вдали там Небесный Станок!

Свобода героя
 Созерцаю жизнь мира без всяких запретов,
 Проглочу, изрыгну величайший простор.
 Я от Дао-начала верну к себе дух,
 И в неистовстве буду теперь пребывать я.
 Словно волны-валы ветер в небе взвивает,
 В синиве-бирюзе среди моря скала.
 Сверхъестественных сил полон весь, наводнен я...
 Миллионами тварь где-то сбоку живет.
 Пред себя призову три светила небесных,
 За собой увлеку птицу Фэн и Хуан.
 Поутру погоню всю шестерку чудовищ
 И помчусь ноги мыть под восточный Фусан.

То не выражено, что таится во мне
 Даже ни звука в строку не поставив,
 Дух *его*, волны исчерпать могу.
 Слово меня не касается вовсе;
 Выглядит, будто мне горя не снести!
 Значит, есть Истинный Некий Владыка,
 Вместе с которым — на дно и наверх.
 Словно цедить полносочные вина...
 В пору цветенья вдруг осень пришла!
 Долгая, долгая пыль в пустоте,
 Быстро-внезапная пена на море...
 Мелко ль, глубоко ли, копятся, тают ли:
 В сборе — миллионы, в распаде — одно!

В духовном ядре .
 Желая возврата *его* беспредельно:
 С моим ожиданием вместе придет!
 Вот светится рябь над бездонной водою,
 Вот чудный цветочек: в зародыше он.
 Зеленой весною таков попугай...
 Срежь ив громоздятся террасы и башни.
 В лазурные горы приходит поэт,
 И чистым вином наполняются чарки.
 Дух жизни уходит тогда далеко:
 Он мертвого пепла совсем не коснется.
 Чудесно творится тогда самосущность,
 И кто будет тот, кто был скроен с ней в лад?

Плотно-тончайшее
 Это значит, что есть сверхъестественный след,
 Но его нам как будто нельзя и дознаться.
 Уж готовы родиться и форма, и мысль,
 Но Создатель их Смен в непостижность ушел уж...
 Протекает вода, и цветы распустились,
 В чистых каплях роса не просохла еще.
 Так дороги влажны отдаленнейшие;
 Так в незримой стезе я медлительнее.
 В речи поэта прорыва нельзя допускать,
 Мысли тоже не надо упорно-наивной.
 Это как бы на фоне зеленом весны;
 Иль сиянье луны в час, снежащий зимою.

Небрежение всем, опрошенность во всем
 Только одно: чем в душе своей жив я!
 В истинном черпаю: удержу нет.
 Что подберу где, тем самобогат я,
 С тем, что естественно, я совпаду.
 Хижину строю себе под сосною,
 Шапку долой, пробегаю стихи.
 Только и знаю: вот утро, вот вечер,
 Но различать я не стану часов.
 Если все это — как раз то, что надо,
 Разве мне нужно роль в жизни играть?
 Если же речь о небесной свободе,
 В этом примерно достигну ее.

Чистейшее, чудное
 Как томны, как нежны стада этих сосен!
 Под ними течет и рябится вода.
 Прояснившим снегом полны стали мели,
 У берега речки — рыбацья ладья.
 Приемлемый мною — что ценная яшма.
 Бреду в деревьяшках, ищу, где он скрыт.
 Иду да иду или встану да встану...
 Пустынно в лазури: она без конца!
 Уходит мой дух к старине необычной.
 Преснеет... Я с ним не могу совладать.
 Подобно все это восходу светила,
 Подобно осеннему в воздухе то.

В изгибах-извивах
 Восхожу на тот самый Великий Тайхан.
 В бирюзе закружусь по Бараньим Кишкам,
 Там незримая мгла свою яшму струит,
 Долго-долго стоит там цветов аромат.
 Так с течением времени силы растут;
 Так звучит это в дудке у цян-дикаря.
 То как будто ушел, — глядь, обратно пришел,
 То как будто под спудом, — ан нет, не заглох!
 Так разводы в реке выются, резко крутятся;
 Птица Пэн мчит бураном и вихрем кружит.
 Дао-правда не будет себя оформлять:
 С *этим* вместе оно то в кругу, то в углах.

Подлинно-сущная статья
 Слово возьму я прямое весьма,
 Мысли задумаю не из глубоких.
 Вдруг мне навстречу отшельник-поэт;
 Как бы взираю в даосскую душу.
 Чистый ручей и извивы его.
 Тень от сосны изумрудно-зеленой.
 Гости: один мне приносит дрова,
 Слушает лютню другой в это время.
 То, что душою-нутром достижимо,
 Прямо чарует, себя не ища.
 Встречу *его* я от самого неба,
 Звук *его* — сверхредкий гудок.

В скорбном экстазе
 Большой ураган крутит воды речные,
 Лесные деревья ломаются им.
 Горька моя мысль, горька, словно смерть,
 Покой призываю — покой не приходит.
 Сто лет нашей жизни подобны струе,
 Богатство, почет — что пепел холодный!
 Великое дао все время уходит...
 Как быть человеку, в ком гений и мощь?
 И муж величавый — рука на мече —
 Исполнен печали без края, предела.
 Сё-сё да сё-сё — опадают деревья,
 И дождик стекает в сереющий мох.

Даю образ и лик
 Устремляюсь всецело в духовно-простое,
 Тотчас отойду к светло-истинному.
Это — вроде искания бликов в воде,
Это — как бы писать лучезарные вёсны.
 Так ветровые тучи меняют свой вид,
 И цветы, и трава — в жизнеполном ядре.
 Или это валы, волны, воды морей,
 И гряды, и хребты горной цепи вокруг.
Это все уподоблю Великому Дао,
 Я чарующе слит с ним, «простертым во прах»!
 От вещей отойти, их подобие взяв,
 Может он лишь, пожалуй, тот самый поэт!

Потустороннее проникновение
 Это — не чудо какого-то бога,
 Это — не тайна природы вещей.
 Это как будто на туче белейшей
 В ветре чистейшем с ней вместе уплыть.
 Издали к зову как будто приходит,
 Только приблизься к *нему* — уж не то.
 Есть во мне доля хоть малая Дао,
 С миром в конце концов я разобщусь.
 Хаос гористый... Гиганты-деревья...
 Мох бирюзовый в душистом луче.
 Громко воспеть *это* или помыслить, —
 Звук *его* редок — слабеет в ушах.

В лёте парю
 Отдельно, особо... Готов уходить я...
 Высоко и гордо... Не в стае других!

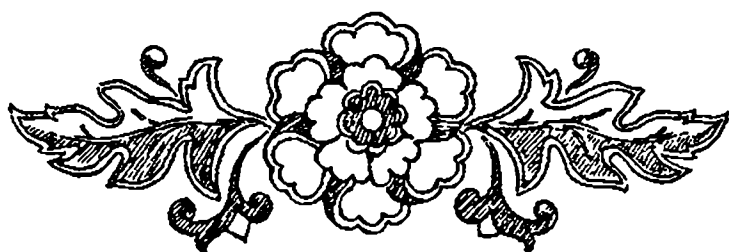
Журавль пребывает на Хоу-горе,
Иль туча Хуа, с его самой вершины...
Высокая личность видна на картине:
Прекрасно лицо и полно мировым.
Так едут на ветре осенние листья,
Плывут в безграничность куда-то туда.
И мнится: то будто *его* не ухватишь;
То будто сейчас будет слышно о нем.
Познавший вот это, *его* уже принял,
А ждать *его* значит все дальше отстать.

23

Широта достижений
Наша жизнь — это возраст на сто, скажем, лет;
Отстоят же края ее в общем насколько?
И веселье и радость, увы, коротки,
А печалей-скорбей — их воистину много!
Что сравнится, скажите мне, с чаркой вина
В ежедневной прогулке ко мглистым плющам?
Накрывают цветы мой пырейный шалаш...
Редкий дождик идет тут же мимо меня.
Наливанью вина раз наступит конец,
Опираясь на ствол ли, иду и пою.
Станем прошлым все мы, таков наш удел...
Горы Южные в выси, да — в выси ушли!

24

Текуче-подвижное
Словно берущие воду колеса;
Словно катящийся шариком перл.
Впрочем, как можно словами сказать это?
Форма наемная — глупым в удел.
Страшно огромная ось у земли!
Страшно далекий тот стержень небесный!
Что ж? Добиваться конца этой оси?
Или совпасть с частью стержня того?
Вверх, через все! К духам, светам небесным!
Вспять и обратно, — ко тьме и нулю!
Тысячи лет то туда, то назад:
Это вот я и подразумеваю!

ОУЯН ЧЮ

(1007—1072)

ИЗ «ПЯТНАДЦАТИ СТИХОТВОРЕНИЙ
НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ,
СОЗДАННЫХ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ
В ЛУНМЭНЕ»

1. ВЗБИРАЮСЬ НА ГОРУ

Взбираюсь-карабкаюсь
вверх, на вершину крутую,
Безмолвие бездны
приводит меня в восхищенье.
По тонкому запаху
в скалах источники чую.
За горными кряжами —
шири бескрайней свеченье...
Деревья меня обступили,
блуждаю в тревоге,
На звук лесорубовой песни
бреду без дороги.

2. СПУСКАЮСЬ С ГОРЫ

Иду, распевая,
сквозь ярко-зеленую чащу,
Дорога все вниз,
все отвесней становятся спуски,
И горные пики
круг солнца затмили блестящий,
Попрятались птицы,
спустившись к расселине узкой.
Темно, ни души.
из ущелья я выбрался ходко,
Дошел до Фунчжоу —
привязана к дереву лодка.

3. ПОРОГИ НА РЕКЕ

Один за другим
прохожу я речные пороги,
Но ветра порывы
движение мне затрудняют;
Скиталец бездомный,
уж целую вечность в дороге,
Взираю на горы —
все мимо они проплывают.
Прносятся белые чайки,
и, кажется, кстати
Пристанище-остров
заметен вдали, на закате.

СКВОЗЬ СОН...

Дыханьем ночи, звуками свирели
заполнено пространство под луной,
И мудрено не потерять дорогу:
вокруг — такое множество цветов!
Как поменять мне отношения с миром —
я не решу за шахматной игрой;
Не лучше ли всего за винной чаркой
мне, гостю, вспоминать родимый кров.

ВЕЧЕРОМ ПРОХОДИЛ ПО СЕВЕРНОМУ БЕРЕГУ РЕКИ

Подтаивал на речке снег,
но был еще недвижим лед;
Крошился, трескался, тончал,
пока не ожила река.
Все разошлись, один слежу,
как солнце на закат идет,
Как птицы, с отмели слетев,
обсели лодку рыбака.

НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА СИЖУ У ОКНА

На рассвете слышала:
птицы тревожно взлетели.
На закате увидела:
птицы вернулись опять.
Друг другу мы с цинем яшмовым,
видно, уже надоели.
Вновь про все сокровенное
некому мне рассказать.

Над ивами
 гремит весенний гром,
 От капель дождевых
 вскипает пруд,
 Высокий лотос
 никнет под дождем,
 И шелест мокрых листьев
 слышен тут.
 В беседку льется
 тонкий аромат,
 Дождь перестал,
 и туч на небе нет,
 Но маленькая
 башенка-квадрат
 От взора заслонила
 звездный свет.
 Хорошо у перил.
 Ночь темна. Тишина.
 Дожидаюсь —
 скорее взошла бы луна.
 Вот ласточка заблудшая
 кружит,
 Уселась
 на узорчатый карниз.
 Нет ветра,
 и циновка не дрожит.
 Поднявшись, месяц
 долго смотрит вниз.
 Под ним зеркальная
 застыла гладь
 Притихшего
 безмолвного пруда,
 Ни шороха,
 ни всплеска не слышать,
 Блестит
 кристально чистая вода.
 А месяц похож
 на изогнутый нож.
 Блестит на подушке
 забытая брошь...

ЧЖАН ШЭНУ

Меж разлукой нашей и встречей
 семь и десять весен промчалось.
 Вот и спрашиваем друг друга,
 как лысели да как старели.

Среди рек и озер скитаюсь,
и осесть еще не случилось,
Да и вы по дворам постоялым
мало ль трудностей претерпели!
Костью хрупок скакун под старость,
бьется сердце его спокойно;
Много лет сосне, а все так же
обновляет зелень она.
Трудно в горном глухом городишке
человека принять достойно...
Много-много раз бессловесно
осушаем чаши до дна.

В БАШНЕ БЕЗМЯТЕЖНОГО ОТДОХНОВЕНИЯ

Беседа чистая весь день
за чашей светлого вина —
Не хвастовство мошной иль тем,
чья знатность более знатна!
И горы есть, и реки есть,
чтоб гостя воодушевить,
Готовы ветер и луна
пленить его и опьянить!

РУЧЕЙ, БЕГУЩИЙ ИЗ ТЕМНОГО УЩЕЛЬЯ

Течет ручеек,
пробирается между камней,
Течет из ущелья,
где и холодней и темней;
А здесь, на свету,
густо-густо разросся бамбук.
Прибрежные стайки
бамбуковых хижин-лачуг.
Канавки с водой
далеко от ручья разбрелись,
Здесь вырастят просо
и вовремя высадят рис.
Вода долголетья.
Деревья теснятся к ручью.
И сами крестьяне
целебному рады питью.
Всегда здесь тепло,
и рассаду не бьют холода,
Веселую песню
ручей напевает всегда.
Скажу о себе:
пусть давно я немолод и сед —
Ручей навестить
собираюсь на старости лет.

Опять и опять
рад увидеть все те же края
И вновь услышать
несмолкающий голос ручья.

ДВА БЛАГОРОДНЫХ ДЕРЕВА ВОЗЛЕ ДОМА

Два дерева выросли около дома,
тенисты и стройны;
Одно постоянно кивает другому,
друг друга достойны.
Поднимется ветер иль выпадет иней —
их зелень не режет;
В холодное время все вянет и стынет,
а листья — все свежи!
О, сколько деревья желанной прохлады
в жару навевают,
От стужи туманов их купы-громады
в ночи укрывают.
Чуть персикам, грушам пора наливаться —
тут малый и старый
Верхом и в повозках скорее стремятся
к воротам базара.
А я — в одиночестве... Не покидаю
привычные стены,
Печали отдавшись, все так же вздыхаю,
томлюсь неизменно
И мыслю: ко времени ль ныне такое
вокруг оживленье? —
Нет, благо провижу я только в покое
и в уединенье.
Всегда в постоянстве своем укрепляться
достойным приятно,
А низкие склонны менять да меняться —
и неоднократно.

ВАН АНЬШИ

(1021—1086)

НАЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Хлопушки взрываются над головой,
погоняя созревший год.
Весенний ветер приносит тепло,
проникающее в вино.

На десять тысяч ворот и дворов
 расплескался небесный блеск.
На месте старого на дверях
 новогодний висит амулет.

ПЕСНЬ О МИН-ФЭЙ

Когда ослепительная Мин-фэй
 прощалась с Ханьским дворцом,
Весенний ветер слезы ее
 отнес до самых висков.
Понутив голову, пряча лицо,
 Оглядывалась на тень.
Не верится, что император мог
 несчастную не пожалеть.
Постигший красный и синий цвет
 плохой портрет написал.
А в жизни такие красавцы нам
 встречаются сколько раз?
На лучшей картине не передашь
 осанку ее и лицо.
Напрасно властитель велел казнить
 художника Мао Янь-шоу.
Ушла, и сердце ей говорит:
 вернуться назад нельзя.
Увы, ветшают в дальней глуши
 одежды большого дворца.
Пошлет письмо, мечтает узнать
 про жизнь на юг от застав.
Приходит, уходит за годом год,
 а гуси все не летят.
Родным за десяток тысяч ли
 всегда сообщит одно:
Над войлочным городом тишина,
 и мне совсем хорошо.
И ты не видишь,
Как здесь, во дворце Длинных Ворот,
 А-цяо навек замкнут.
Несчастье за человеком идет,
 равняя север и юг.

НЕЛЬЗЯ НА ТЕБЯ ПОЛОЖИТЬСЯ

Утром роза в саду зацветет,
 а вечером облетает.
Я, наложница, от цветка
 судьбою не отличаюсь.
Помню, встретились первый раз.

Как молоды были оба —
Спорили, все не могли решить,
кто превосходит любовью.
Чувство глубокое оценив,
пошла за тобою следом.
Все заботы брала на себя,
для дома сил не жалела.
Многообразны пути людей —
возможно ли их предвидеть?
Злые речи едва услышал,
и сразу же удалился.
Свадебный мой расшитый наряд
теперь бы надеть постыдилась.
Только теперь узнала тебя:
нельзя на тебя положиться.
Нельзя на тебя положиться.
Несчастной наложнице не забыть
клятвы твои былые.

МЭЙХУА

В углу стены
безлиственная мэйхуа.
Стоит в цвету,
хотя еще холода.
Легко узнаю —
не снег на ветвях лежит:
От них ко мне
доносится аромат.

СУ ШИ

(1037—1101)

С ЛОДКИ СМОТРЮ НА ГОРЫ

С лодки на горы смотрю — они
как резвые жеребцы.
Быстро мимо лодки летит
во сто голов табун.
Впереди — отчетливо предстают
скал исполинских зубцы,
Позади — испуганно мчатся прочь
бесчисленные беглецы.
Выше смотрю — крутая тропа,
склон каменист, высок.
Неспешно идет по тропе человек,
едва приметный вдали.

Машу рукой, окликнуть хочу,
но уносит меня поток.
Как вольная птица, летит на юг
мой одинокий челнок.

ВТОРЮ СТИХАМ ЦЗЫ-Ю «ГУЛЯНИЕ ПО ЗЕЛЕНИ»

Мелкую пыль клубит ветерок —
это пришла весна.
Радостно путнику, что день
столь светел и столь погож.
Хорошо на обочину присесть,
выпить чашу вина.
Всходы пшеницы еще малы —
колесами не сомнешь.
За стены города горожан
Зовет молодая трава.
На рассвете в поля выходят они,
оставляя работу свою.
От песен, кажется, горы дрожат,
качаются деревья.
В корзинках съестное, в тыквах питье;
объедки пойдут воронью.
Что это за человек в толпе
посреди дороги стоит?
Продавец талисманов, толстый монах, —
он вещает, и хмур, и строг:
«Шелковичные коконы примут у вас
кувшиноподобный вид!
Станет каждый баран крупней,
чем самый большой козерог!»
Не особенно верит прохожий люд
подобным речам наперед.
Разве что изредка из толпы
подходят купить талисман.
Немного денег монах соберет,
в винную лавку пойдет.
«Я — бог талисманов!» — твердить начнет,
когда окажется пьян.

ВТОРЮ СТИХАМ ЦЗЫ-Ю О ЯРМАРКЕ ШЕЛКА

Сычуаньцам одежда и пропитанье
стоят немало труда.
Сычуаньцы веселье и шумный пир
устроить готовы всегда.
Тысячи добывают в полях
десяткам тысяч еду.

Упорно работают до весны —
отдыхают лишь раз в году.
Открывают торговлю в весенние дни,
распродают шелка.
О работе можно нынче забыть —
радость людей велика.
Осенью прошлой рубили тростник —
вполне оправдался труд:
Этой весной шелковичным червям
его в кормушки кладут.
В шелкоделии тыквы-горлянки нужны,
глина тоже нужна —
Не только на тонкий шелк и металл
все время растет цена.
Часто о детских косичках своих
мне вспоминать суждено, —
Как, забросивши книги, на рынок смотреть
мы ходили давным-давно.
Хвалили купцы лежалый товар,
не смущаясь при этом ничуть.
Крестьян удивленных торговец любой
всегда умел обмануть.
Снова и снова твои стихи
перечитывать я готов:
Не жаль родных покинутых мест,
жаль ушедших годов.

ВТОРУЮ СТИХАМ ЯН БАО «РАННЯЯ ВЕСНА»

В бедных проулках бушуют вовсю
ветер и снегопад,
Однако полон примет весны
ваш превосходный сад.
Я бы не прочь на тощем коне
проехать сквозь бурю и снег,
Пенье красавиц в вашем саду
был бы послушать рад.
Досаду развеять очень легко —
надо прибегнуть к вину.
Мы постарели, — что толку роптать
на солнце и на луну?
Веселое дело и день счастливый
трудно соединить.
Белые волосы, синее платье, —
заново песню начну.
Хотелось бы поле засеять мне —
давней мечты держусь.
Сети повесил бы вместо ворот —
бедности не стыжусь.

Службу оставить на три дня
свыше позволено мне.
Выспался сладко, проснулся и вот —
не ведаю, где нахожусь.

НОЧУЮ В ХРАМЕ ХАЙХУЭЙ

В плетеных носилках третий день
путешествую по горам.
Прекрасен путь, но крут чересчур
и недостаточно прям.
Вниз — до Желтых Ключей дойдешь,
вверх — дойдешь до небес.
С обезьяной сравнится в ловкости тот,
кто пройдет по этим буграм.
Вкруг пагоды — пропасти и ручьи,
не подойти напрямик.
Усталость моя весьма велика,
и голод весьма велик.
Ведущий на север висячий мост
под ногами глухо гудит.
Сотню шагов прошел до стены,
врат монастырских достиг.
Встречая путников, гулко ударил
колокол в тишине.
Главный покой засовов лишен,
но для отдыха годен вполне.
Из древней бадьи по желобу вниз
тонкая струйка течет.
Беспорочным служит эта вода,
но пригодилась и мне.
Прилег, захрапел — соседям на страх,
проспал почти до утра.
Как будто пятаю стражу бьют —
светлеть небесам пора.
К трапезе колотушка зовет, —
значит, уже рассвело.
Безмолвие, только шорох подошв
доносится со двора.

НАПИСАНО К ОСЕННЕМУ ПЕЙЗАЖУ ЛИ ШИ-НАНЯ

Мощный изгиб древесных стволов,
ил темнеет речной;
Обнаженные корни редких дерев
иней покрыл ночной.

Правит веслом гребец в челноке —
куда возвращается он?
Домой, в деревню Желтой листвы,
на юг, на берег родной.

НАПИСАНО НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ ДЭНМАЙ,
В ПАВИЛЬОНЕ ДОСТИГАЮЩЕГО ПРИЛИВА

В хайнаньской деревне остаток дней
дожить хотел в тишине,
Но владыка, душу мою призывая,
У-ян направил ко мне.
За проливом, куда пролегают пути
исчезающих птичьих стай,
Синие горы еле видны —
там настоящий Китай!

ВТОРЮ РИФМАМ ЦЗЯН ХУЭЙ-ШУ

На берегу южном
барабаны и колокола.
Возвращаться пора,
словно закончился сон.
Бегут облака,
меняются в мире дела.
Луна в небесах,
словно радость моя, светла.
Снова дождем
вся земля залита.
Снова стихи
на бумагу потоком бегут.
Две реки провожают
меня в родные места.
Там, за деревьями,
вижу полоску моста.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Тысячи слитков золота стоит
ночь в начале весны.
Чистый и сильный запах цветов,
ясная тень луны.
Вверху, на башне — песня, свирель,
тоненький-тоненький звук.
Внизу — качелей немолчный скрип,
аллеи темны-темны.

* * *

Листья джута на солнце блестят,
летят семена конопли.
Из чьей шелковарни по всей округе
запахи потекли?
Девушки за веретена взялись,
слышны голоса вдали.
Седые волосы, пьяный взор,
одеждой не скрыть худобы.
Зерно незрелое трет в руках,
от голода руки слабы.
Вопрошает: скоро ли в здешних краях
созреют бобы?

* * *

Ветер в одежде свистит, цветы
оппадают и там и тут.
Деревня слева, деревня справа,
в шелковарнях нити поют.
На ивах мох, и желтые тыквы
здесь продают.
Испил вина, но дорога длинна,
мечтаю только о сне.
От полдневного солнца, от мысли о чае
жажда сильнее вдвойне.
В дверь постучусь — в крестьянском доме
напиться позволят мне.

* * *

Обновлены прошедшим дождем,
стали травы нежней.
Дорога песчаная не пылит,
еду верхом по ней.
Землю в поте лица пахать —
желания нет сильней.
Полдневное солнце печет вовсю,
свежи конопля и тут.
Благовонные запахи горькой полыни
в теплом ветре плывут.
Государев посланник, надо признать,
настоящий хозяин тут!

* * *

На склоне Восточном пил, трезвел,
пил почти до утра.
Приблизительно в третью стражу решил:
домой вернуться пора.
Слуга молодой за дверью спит,
оглушительный слышу храп.
В дверь стучу,
но стук, вероятно, слаб.
Послушать рокот реки
пошел со двора.
К старости нет у меня ничего,
увы, к моему стыду.
Когда наконец от всех забот
желанный отдых найду?
К рассвету ветер утих,
изгладилась рябь на реке.
Уеду отсюда
в маленьком челноке.
Остаток дней
я на реке проведу.

* * *

Лес расступился, горы видны,
у ограды растет бамбук.
Желтые травы, маленький пруд,
цикады поют вокруг.
В воздухе белая птица висит —
взора не отведу.
Красные лотосы льют аромат,
отражаясь в тихом пруду.
За деревней
Вдоль насыпи древней
Следом за солнцем бреду на закат,
старый посох со мной.
В третью стражу вчера, во тьме,
усердствовал дождь ночной.
Благо мне в суетной жизни дано —
сегодня смирился зной.

ВОСТОЧНЫЙ СКЛОН

Дождь перестал,
луною пронизана тьма.
Горожане ушли,
бредут поселяне в дома.

Не стоит роптать,
что путь чересчур каменист:
Стук палок дорожных
слуху приятен весьма.

ВИД НА ТЕРРАСУ

У соседа восточного
возле дома растут тополя.
Шуму дождя
внимаю всю ночь, не дремля.
Возле окна
одинокое сижу до утра.
Осенние мошки
летят к огоньку фитиля.

ПИШУ В ОБИТЕЛИ ДВУХ БАМБУКОВ, В КЕЛЬЕ НАСТАВНИКА ЧЖАНЯ

Издали колокол и барабан
попеременно звучат.
Закрыта дверь, одиноко ложе,
светильник подслеповат.
Слой пепла белого пронизав,
мерцает красный огонь.
Лежу и слушаю: капли дождя
с шумом в окно стучат.

ВТОРЮ СТИХАМ ЦЗЫ-Ю «ПОСЕТИВ ОБИТЕЛЬ В УЕЗДЕ МИНЬЧИ, ВСПОМИНАЮ О ПРОШЛОМ»

Живет человек — кто знает, на что
уходят его года?
Кажется, лебедь прервал полет,
ступает по кромке льда.
И вот — остались на мокром снегу
следы лебединых лап,
А лебедь крылья раскрыл и умчал —
попробуй пойми, куда.
Умер монах, и в башенке малой
дарован ему приют.
Прежнюю надпись прочесть на стене
ныне — великий труд.
Помнишь, как было нам нелегко
сюда добираться вдвоем?
Длинна дорога, путник устал,
ослы хромые ревут.

ПРОВОДЫ

Цвета перьев утиных — волны в реке,
словно краска — темны, густы.
Плывут подобьем розовых лиц
персиковые цветы.
Провожает гостя дряхлый старик —
прибрежный путь недалек.
Черные шляпы качаются в такт,
льнет к копытам песок.
Старик вопрошает гостя, когда
встречи придет пора?
Гость отвечает — когда листву
разметут по земле ветра.
У моста привязали коней к тополям,
смеются и говорят,
что непременно осенней порой
вместе посмотрят закат.

В ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПЕРВОЙ ЛУНЫ
ОТПРАВИЛСЯ В ЦИТИН;
ПАНЬ, ГУ И ГО, ЗДЕШНИЕ МОИ ДРУЗЬЯ,
УСТРОИЛИ МНЕ ПРОВОДЫ В МОНАСТЫРЕ
К ВОСТОКУ ОТ НЮЙВАНЧЭНА

Десять дней не пускали из дома меня
весенние холода.
Не ведал, что зеленью шелестят
ивы над здешней рекой.
Чуть слышно в холодной ложбине по дну
журчит ручьевая вода.
Вовсю разрослась молодая трава,
пожогов нет и следа.
Запущенный сад; сожалеют друзья,
что наша разлука близка.
Разогрели в кувшине остаток вина
мутного — для меня.
Прошлогоднюю вспоминаю весну:
низкие облака,
Цветущие сливы у горной тропы,
и на душе тоска.

В ЛУННУЮ НОЧЬ ПЬЮ С ДРУЗЬЯМИ
ПОД АБРИКОСОВЫМИ ДЕРЕВЬЯМИ

К занавеске летит абрикосовый цвет,
облаченье роняет весна.
В двери глядит, наружу зовет
всплывшая в небе луна.

Осторожно идем по теням цветов,
края одежд подобрав.
Словно влагой, напитана светом луны
зелень листьев и трав.
Ставим вино посреди цветов,
манящих на каждом шагу.
Руками касаемся длинных ветвей,—
тяжких, в душистом снегу.
Горские вина не слишком хмелят,
Нам опьянеть мудрено —
Так давайте отведаем, друзья,
луны, упавшей в вино!
Пусть поет свирель, пока озарен
луною ночной окоем.
Потом, сожалея, проводим луну,
чаши свои допьем.
Близится утро, весенний вихрь
пронестись по саду готов:
В зеленой листве увидишь одни
обрывки алых цветов.

БОДРСТВУЮ В ЛОДКЕ НОЧЬЮ

Веет прохладой ветерок,
камышами шуршит легко.
Выглянул, не начался ли дождь —
луною полно озерко.
Птица на водах и лодочник внемлют
одному и тому же сну.
Словно от нечисти, рыба спешит
спрятаться в глубину.
Предметы и люди друг другу сейчас
безразличны во тьме, в тишине.
Только моя одинокая тень
товарищем служит мне.
Накатила на отмель ночная волна,
подняла озябших червей.
Пауком в паутине луна висит
меж ивняковых ветвей.
Стремительна проходящая жизнь,
полна печалей, забот.
Картина, радостная очам,
лишь изредка промелькнет.
Крик петуха, колокольный удар,
птицы мчат в небеса.
На лодке мерно бьют в барабан
и подают голоса.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ ПРИШЕЛ НА РЫБНЫЙ ПРУД,
ЧТО ПОНИЖЕ БЕСЕДКИ;
ЗАТЕМ ПОСЕТИЛ ОБИТЕЛЬ НЕБЕСНОГО СВЕТА
И ВЕРНУЛСЯ НА ВОСТОЧНЫЙ ХОЛМ

I

Дождь перестал,
ряска сошлась на воде.
Слышен теперь
гам лягушачий везде.
Цветенье бегоний
было подобно сну.
Новые сливы
скоро вкушать начну.
Взял овощей,
опираясь на посох, иду.
Качели пусты,
нет никого на виду.
Нынче пионы
цветут, куда ни взгляни.
Прощанье с весной
возвещают они одни.

II

Обветшала беседка,
берег под нею крут.
Хозяева рыбу
давно запустили в пруд.
Краски заката
на тысячах гор лежат.
В ветре весеннем —
сотен трав аромат.
На торговом мосту
ни души не вижу вокруг
У древней обители —
зелен и свеж бамбук.
В закатное время
аисты и журавли
Шумом заполнили
небо на многие ли!

* * *

Лишь добрался до этого края —
Ветер дунул и дождь закапал.
Одинокий скиталец — найду ли
Я пристанище в мире большом?

Мне достать бы облако с неба
И надеть бы его, как шляпу.
Мне б укутать себя землею,
Как простым дорожным плащом!

В ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ОДИННАДЦАТОЙ ЛУНЫ
ГОДА СИНЬ-ЧОУ РАСПРОЩАЛСЯ С ЦЗЫ-Ю
У ЗАПАДНЫХ ВОРОТ ЧЖЭНЬЧЖОУ.
В ПУТИ НАПИСАЛ И ПОСЛАЛ ЕМУ ЭТИ СТРОКИ

Голову вскружило не вино,
И не от него моя печаль.
Хорошо бы повернуть коня
И галопом поскакать назад.
Ты один остался из мужчин
В доме за хозяйство отвечать,
Как же одиночество твое
Мог бы скрасить я, о младший брат?
Поглядел с вершины — сколько гор!
Ни дорог, ни троп в них, ни путей...
Ты еще заметен вдалеке,
Вижу черной шапки силуэт.
Думаю, в такой мороз тебе
Надо бы одеться потеплей,
А мой конь бредет — и на горе
Словно топчет бледный лунный свет.
Гости постоянного двора
Веселы и радостно поют,
Удивился паренек-слуга:
Отчего я мрачен-удручен?
Знаю, без разлук не проживешь,
Чередой они всю жизнь идут,
Но неужто век скитаться мне
Далеко от дома, где рожден?
Думаю при тусклом фонаре,
Вспоминаю юные года,
Брат и я — мы при дожде ночном
Словно вместе — не разлучены...
Так уговорились в детстве мы,
Не нарушим слова никогда,
Наш союз не в силах подорвать
Слава иль высокие чины!

У ОКНА

У соседей восточных в саду
Много белых растет тополей.
Ночью дождь начался, — при дожде
Шум листвы все сильнее и сильнее.

Мне не спится, сижу у окна,
И совсем бы я был одинок,
Если б стайки ночных мотыльков
Не летели на мой огонек...

НОЧУЮ НА ГОРЕ ДЕВЯТИ СВЯТЫХ

Из мудрых мудрейшим считался Ван Се,
И дух его ныне живет.
Хотя миновало с кончины его,
Мне кажется, весен пятьсот...
Из яшмы и золота высится храм,
Он ханьских светил пережил,
Нет циньской державы, а персик цветет,
И речка, как прежде, бежит...
Лежу я, вдыхая цветов аромат,
Я в небытие погружен,
Вдруг скалы-утесы сошлись надо мной,
Надвинулись с разных сторон...
Когда же средь ночи меня разбудил
Заботливый старый монах,
Смотрел я на небо, где лодка-луна
Плыла в облаках — как во льдах!

ВТОРЮ СТИХОТВОРЕНИЮ В ШЕСТЬ СЛОВ ХЭ ЧЖАНГУАНЯ

Так внезапно и чистый ветер
Заиграл на земле-свирели.
И луна украсила небо
Нарисованной ею рекой.
Если беден, то как для гостя
Я смогу устроить веселье?
А вот так: ухвачусь за ветер
И луну поглажу рукой

ПРОВОЖАЮ ВАН ЦЗЫЛИ У ИСТОЧНИКА БОДХИСАТТВ, ЧТО В УЧАНЕ

В путь без вина провожаю тебя,
Уходишь с пустой сумой.
Прошу из источника бодхисаттв
Чистой воды испить.

Не надо голову опускать
Потом, расставшись со мной,—
Где бы ты ни был, небо в воде
Будет, как прежде, плыть..

ЗА ГОРОДОМ
ПРОВОДИЛ ГОСТЯ
И НЕТОРОПЛИВО ПРОГУЛИВАЮСЬ
У РЕКИ

Расстался с гостем —
он уже в пути.
Искал цветы —
расцветших не нашел.
Но в город
мне не хочется идти,
На берегу реки
так хорошо!
Ко мне подходит
старый человек:
«Что, господин,
пророчит нам весна?»
Ответствую:
«Был добрым дождь и снег —
Говорю будет
урожай зерна!»

ВЗДЫХАЮ, ДУМАЯ О ПЛОДАХ ЛИЧЖИ

Десять ли прошли, но нет харчевни,
Лишь зола да ветер беспокойный.
Шли еще пять ли — и снова пепел
Там, где прежде был приют убогий.
Доставляли с юга фрукты личжи,
Для двора везли и «глаз драконий»,
Кто расскажет, сколько тел недвижимых
Коченеет в ямах у дороги!
Но как ветер — над горами мчались,
Над водой — летели, словно птицы,
Потому и стебли и листочки
Привезли в Лоян с живой росой,
И, довольна, во дворце красotka
На себя глядит не наглядится,—
Что ей до того, что соки фруктов
С кровью перемешаны людскою?
В годы Юн-юань правленья Ханей
Личжи с юга Цзяо привозили,
В годы Сюань-цзуна дома Танов
Через Фу в Лоян их доставляли.

И поныне злобу и жестокость
Танского Линь-фу мы не забыли,
Но Бо-ю почтенного советы
Разве помнит кто-нибудь? Едва ли!
О, услышь, Небесный повелитель,
Как живется тягостно крестьянам!
Разве прихоть Ян Гуй-фэй важнее
Мук народа, всех его страданий?
Пусть хлеба взойдут при теплом ветре,
Дождь пройдет не поздно и не рано,
Пусть не мерзнут и не чахнут люди —
Нет щедрей таких благодетелей!
...А знаете ли вы, что в Уишане
Открыли чай — «Дракон большой и малый»?
И вновь обозы на дорогах южных,
Как будто прежних бедствий не бывало!
От перевозок наживаться могут
Лишь те, кто родовиты и богаты,
Кто о своем печется рте и теле, —
А не они ль потворники разврата?
Но у меня или у вас, скажите,
Есть недостаток в этом ли товаре?
Конечно, были честные в Лояне
И преданные слуги государя,
Но я скорблю:
Цветы таохуана
Везут в столицу,
Как везли при Танах!

ТЕНИ

Ползут, поднимаясь на Яшмовый храм
Слоями: на слой надвигается слой.
Не раз уж говорено было слуге
Сметать их, как явится, тут же метлой!
Вот солнце, поднявшись и мир осветив,
Сгребло их в охапку и бросило вон.
Но кончился день, а с луною опять
Они возвращаются с разных сторон...

В ДОЖДЬ НАВЕЩАЮ ХРАМ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГУАНЬИНЬ НА ГОРЕ ТЯНЬЧЖУ

Стареет кокон, и хлеба
желты уже наполовину,
А за горой и под горой
упрямый дождь все льет и льет,

Крестьянин руки опустил,
крестьянка бросила корзину,
В высоком храме Белый Бог
один не ведает забот!

В ДАНЬЭР (II)

Постарел Дун-по, неуклюжим стал.
Что ни день — то новый недуг.
Борода жидка, голова бела, —
То не иней, а седина.
«Не дивитесь, что щеки мои горят, —
Я румян, но не так, как внук;
И когда смеюсь, то грущу, смеясь,
Потому что хлебнул вина!»

ВТОРЮ СТИХАМ ТАО ЮАНЬМИНА «ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНЕМУ»

Гость нежданный явился
И в ворота ко мне стучится.
Вот коня привязал он
К растущей у дома иве.
Во дворе моем пусто,
Разлетелись куда-то птицы,
И ворота закрыты,
И гость стоит сиротливо.
А хозяин за книгой
Заснул, на подушке лежа...
Мне во сне повстречался
Мой старинный, близкий приятель,
Только стук непрерывный
Наконец-то меня встревожил,
Как от выпитой чарки —
Не осталось от сна ни капли!
Одеяло отбросив,
Вскочил, чтобы гостя встретить,
Стоя друг перед другом,
Смущены мы сначала были,
А потом за беседой
О былом и нынешнем свете
Я и мой собеседник,
Мы про знатность-чины забыли...
Он спросил: «Как случилось,
Что в этом живете крае?»
И ответил я гостю,
Что причины и сам не знаю!

ВТОРОЮ СТИХОТВОРЕНИЮ
ТАО ЮАНЬМИНА «ДОВОЛЬНО ВИНА!»*

В год дин-чоу я был отправлен в ссылку на Хайнань, а брат Цзы-ю — в Лэйчжоу; в одиннадцатый день пятой луны встретились мы и вместе добрались до места его поселения, а в одиннадцатый день шестой луны расстались на берегу моря. Я в это время чувствовал себя больным, вздыхал и стонал, и Цзы-ю не спал по ночам. И вот я продекламировал стихотворение Тао Юаньмина «Довольно вина!», а затем и сам написал, вторя поэту, строки в дар Цзы-ю на прощание, а также в знак решения не пить вина.

Видно, время приходит —
Ведь ничто в этом мире не вечно!
Век бывает и длинным,
Но ему все же будет предел.
Мы с тобою, о брат мой,
Шли одною стезей человеческой
И в глуши, на чужбине,
В стороне оказались от дел...
И опять — как печально! —
Разлучает нас эта коляска,
Я умчусь в ней надолго,
Я и этот подросток — мой сын.
Рад, что в доме твоём
Есть супруга — забота и ласка,
Под моею же крышей
Будет светочем Будда один.
Мы в долине среди гор
Повстречались — и вновь расставанье!
Провели неразлучно
Последнюю нашу луну,
Мне еще предстоит
Пробираться на север Хайнаня,
Как-нибудь эту жизнь
Там, на острове, и дотяну...
Но себя убеждаю
Идти по стопам Юаньмина,
Сил, конечно, немного —
И все же пора прекратить...
Я от хмеля больной,
Мне во вред веселящие вина,
Но здоровье поправлю,
Если брошу немедленно пить!
Я стремился к Пути,
И похоже, что близок, знаком он,
И его я увижу,
Отогнав от очей пелену,
Но отныне в обители
Старца с Восточного склона
Не заставит Ду Кан
Поклоняться, как прежде, вину!

* * *

Написано в Праздник середины осени.

В голубизне растворилось
Облако на закате.
Сковано все прохладой,
Всюду прозрачность такая.
По небу скользит бесшумно
Круглый сосуд из яшмы,
К востоку перемещаясь,
Млечный Путь рассекая.
В жизни моей, вспоминаю,
Не всегда выдавались
Радостные мгновенья
В этот праздничный вечер.
Новое полнолуние
В новом году грядущем
В далях такого края,
Вечно скитаясь, встречу.

ПОКИДАЯ ЦЗИНКОУ

Тонкий слой облаков.
В них укрылась луна.
Где-то в стражу вторую,
Протрезвев, я оставил причал.
За кормою все дальше уходит стена,
И во мгле городок всё трудней различать.
Дни веселья с друзьями
Я в сердце храню,
И о днях возвращения
Мысли гоню.
С головы моей
Набок повязка сползла.
Веер выпал,
Беззвучно скользнул на кровать.
Я заснул. И во сне
Жизнь иная была,
А проснулся —
И некому рассказать.
И когда, наконец, я не буду в пути,
Словно вихрем подхвачен,
Вдали от родных!..
Юго-запад
Их, к счастью, давно приютил,
Я на Юго-востоке.

* * *

*Это стихотворение написано
в Динхуэйюане, что в Хуанчжоу.*

Ущербный месяц. Редкие утунь.
Часы звенеть капелью перестали.
Все спит. Лишь кто-то,
Погруженный в думы,
Бредет один
Видением угрюмым,
Как лебедь,
Оторвавшийся от стаи.
Вдруг встрепенулся, повернулся круто,
Во взоре скорбь, но кто про это знает!
Все ветви перебрал,
Но почему-то
Нигде
Не отыскал себе приюта...
Студеная Уцзян.
И клен листву роняет.

ХУАН ТИНЦЗЯНЬ

(1045—1105)

ПОД ДОЖДЕМ ГЛЯЖУ НА ГОРУ
ЦЗЮНШАНЬ
ИЗ БЕСЕДКИ ЮЭЯН

Был сослан на десять тысяч смертей,
седым возвращаюсь домой.
Живым пробрался через Цюйтан
и сквозь заставу Яньюй.
Уже я весельем полон, хотя
в Цзяннань еще не попал.
С высокой беседки Юэян
гляжу на гору Цзюншань.
Стою у перил напротив горы,
над озером ветер и дождь.
Закручены волосы феи Сян Э
в двенадцать тугих узлов.
Увы, двенадцать уступов скал
вздымаются из воды.
Колеблются горы из серебра
вокруг голубой горы.

ПОДНЯВШИСЬ В БЕСЕДКУ КУАЙГЭ

Опять смешной глупец отложил
правительственные дела.
Любуюсь под вечер из Куайгэ
закатом после дождя.
Листва опадает на сотнях гор,
уходят вдаль небеса.
Во всей спокойно текущей Чэн
уже отразилась луна.
Оплакал друга славный Бо Я
и красные струны порвал.
Темнели от счастья глаза Жуань Цзи,
отведавшего вина.
Вернулись из дальних стран корабли,
на пристани флейты поют.
Как белая чайка, на высоте
готов крылами взмахнуть.

ВПЕРВЫЕ ВЗГЛЯНУЛ НА ГОРЫ У РЕКИ ХУАЙ

Под шубой ветер, на шапке снег —
прощался с домом у леса.
Зеленая иволга, серый стриж —
пришло глубокое лето.
Мне нужно всего три котла зерна —
хочу зарабатывать деньги.
С надеждой сердце матери ждет
весь год моего возвращения.
Живу в заботах, ночью в корчмах,
не знаю дня передышки.
Больными глазами на горы взглянуть —
и то не хватает силы.
О, если б вечернее солнце мне
увидеть на трех тропинках,
Когда умолкает гомон цикад
и ивы темны и тенисты...

ЧЖУ ДУНЬЖУ

(ок. 1080—ок. 1175)

СТРОФЫ О РЫБАКЕ

От суеты мирской
Ушел, не страшась молвы.
То трезв, а то пьян опять,—
Случается когда как.

В бамбуковой шляпе своей,
В зеленом плаще из травы
Иней да снег привык
Смело встречать рыбака.
Ветер утихнет едва —
С удочкой вечером он.
И наверху и внизу —
Месяца волшебство.
Что небо и что река —
Мир в синеву погружен,
Где разве что гусь порой
Возникнет — и нет его!

* * *

Из объятий садов
Убежав на простор,
Здесь, над звонким ручьем,
Мэйхуа расцвела...
Нет, ее не страшит
Холод в горной глуши,
Ей как будто бы встреча
С весной не мила.
Кто узнает, о чем
Загрустила она,
Сокровенные кто
С ней разделит мечты?
Ароматная, нежная,
И — одна!
Разве месяц взойдет,
Чтоб взглянуть с высоты.

ЛИ ЦИНЧЖАО

(1084—1155)

* * *

Вижу снова простор голубой,
Над беседкою тихий закат.
Мы совсем захмелели с тобой,
Мы забыли дорогу назад.
Было счастье — и кончилось вдруг!..
В путь обратный пора нам грести,
Только лотос разросся вокруг,
Всюду лотос на нашем пути.
Мы на весла
Дружней налегли,

Мы гребем,
Выбиваясь из сил.
...И в смятении чайки вдали
Улетают с песчаной косы.

* * *

Весны приметы ярче с каждым днем.
Уютный дворик. Тихое окно.
Еще не поднят занавес на нем,
Но пали тени синие давно.
В молчанье с башни устремляю взгляд,
И струны цитры яшмовой молчат,
Над горною вершиной облака —
Они торопят сумерек приход.
Зыбь по траве прошла от ветерка,
Кропит дождем померкший небосвод.
Цветущей груше холода страшны,
Боюсь, цветам не пережить весны.

* * *

Весна тревожней стала и грустней,
И День поминовенья недалек...
Курильница из яшмы. А над ней,
Редая, извивается дымок.
Не в силах встать — лежу во власти грез,
И не нужны заколки для волос.
Прошла пора цветенья нежных слив,
Речные склоны поросли травой.
Плывет пушок с ветвей плакучих ив,
А ласточка все не летит домой.
И сумерки. И дождик без конца.
И мокрые качели у крыльца.

* * *

Слабый луч. Ветерок несмелый.
То вступает весна на порог.
Я весеннее платье надела,
На душе ни забот, ни тревог.
Я с постели только что встала,
Охватил меня холодок.
В волосах запутался алый
Майхуа опавший цветок.
Где ты, край, мне навеки милый?..
Нам в разлуке жить суждено.

Нет, забыть я тебя не в силах,
Не поможет тут и вино!
Свет курильницы тускло мерцает,
Словно омут, манит постель...
Догорает свеча и тает,
Но еще не проходит хмель.

* * *

Крик залетного гуся слышу,
Вижу яшмовой тучи следы.
Снова снег осыпает крыши,
Из курильницы тянется дым.
Птица-феникс — заколка резная,
И на ней отражение свечи.
Отчего — я сама не знаю, —
Радость в сердце ко мне стучит.
Где-то звуки рожка на рассвете
Ускоряют утра приход.
Ковш с Тельцом в час урочный встретить
На востоке заря встает.
Ни цветочка нигде не видно,
Только знаю: весна в пути.
Ветер западный — так обидно —
Холодам не дает уйти.

УТУНЫ

Гор молчаливые толпы
Вижу я с башни высокой.
И на безлюдной равнине
Стелется дымка седая,
Стелется дымка седая...
Угомонились вороны —
Спят, прилетев издалёка,
Ярким закатом любуюсь,
Голосу рога внимая.
Свечи давно не курятся,
И опустели бокалы.
Грустно мне так и тревожно,
А отчего — я не знаю.
Не оттого ль, что с утунов
Листьев так много опало,
Листьев так много опало...
Осень, глубокая осень,
Тихая и глухая.

БАНАНОВАЯ ПАЛЬМА

Не знаю кем посаженная пальма
Так разрослась с годами под окном...
Она весь двор
Закрыла черной тенью,
Она весь двор
Закрыла черной тенью.
Листы ее
При ветра дуновенье
Все шепчутся
О чем-то о своем.
Лежу одна, печальная, в постели,
До третьей стражи — дождик за стеной,
За каплей капля
Проникает в душу,
За каплей капля
Проникает в душу.
Мне больше не по силам
Шум их слушать
И ночь в разлуке
Коротать одной.

* * *

Грусть в сердце. И смятение дум,
Тревожит каждый звук.
Холодный мир вокруг угрюм,
И пусто все вокруг.
Луч обласкал — и вновь темно,
И холодно опять.
С ненастным ветром и вино
Не может совладать:
Печальный голос слышен мне:
«Наш старый друг, прощай!»
То гуси где-то в вышине
Летят в далекий край.
Здесь было много хризантем,
Цвели — и отцвели.
О них кто вспомнит и зачем?
Валяются в пыли.
Я у окна чего-то жду,
И скорбь меня гнетет.
А тут еще, как на беду,
Дождь льет, и льет, и льет.
Утун, промокший до корней,
И сумеречный свет,
И в небе, как в душе моей,
Просвета нет и нет.

Расплавленное золото заката
 И яшма лучезарных облаков...
 Не вместе ты со мною, как когда-то,
 Ты в этот вечер где-то далеко.
 Дымятся ветки опушенной ивы,
 И звуки флейты грустные слышны,
 Поет она про увяданье сливы,—
 О, таинства извечные весны!
 Удался Юаньсяо тих и светел,—
 Принес он радость первого тепла,
 Но разве не подует снова ветер
 И не нависнет дождевая мгла?
 Друзья по песням и вину гурьбою
 Пришли за мной. Коляска ждет давно.
 Хочу я быть
 Наедине с собою,
 Мне не нужны
 Ни песни, ни вино.
 А в мыслях — процветающий Чжуңчжоу,—
 Чреда ничем не омраченных дней.
 Мне праздники весны под отчим кровом
 С годами все дороже, все родней.
 Усыпанные жемчугом уборы,
 И камни изумрудные в косе,
 И золотые на шелках узоры,
 И состязанье в блеске и красе.
 Но все прошло. И вот краса увяла.
 От бури жизни — иней на висках.
 И не манит уж больше, как бывало,
 В ночных прогулках радости искать.
 Мне лучше в стороне,
 Вдали от всех,
 За занавеской слышать
 Чей-то смех!

ЛУ Ю

(1125—1210)

У ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ ЦЗЯЧУАНЬПУ
 ПОПАЛ В МЕЛКИЙ ДОЖДЬ;
 ВОКРУГ СТАЛО УДИВИТЕЛЬНО КРАСИВО

Вешний ветер, дорожная пыль
 докучали с утра в пути.
 Быстрый дождь пробежал по горам —
 и веселей идти.

В опасном ущелье узкий мосток
над синей кручей повис.
Цветы опадают — скользят лепестки
по зеленым утесам вниз.
Облако прямо перед глазами
одинокой птицей парит.
Внизу, под ногами, горный поток
далекой грозой гремит.
Смеху подобно, — ученый муж,
я жизнью не дорожу:
Сам выбираю опасные тропы,
долго по ним брожу.

ВЗДЫХАЮ

Вздыхаю, вздыхаю,
тоски не могу унять.
Конца не видно —
скитаюсь который год.
Иней пал —
скоро зима опять.
Птицы кричат —
солнце скоро зайдет.
Вальков стукотня —
жены стирают мужьям:
Солдаток много и здесь,
на краю земли.
Листвой завален
ветхий почтовый ям,
И я, одинокий,
от родины в тысячах ли
Средь барсов и тигров
свой доживаю век.
Кровь на траве,
кровь по терновым кустам —
Здесь, у дороги,
съеден был человек.
А я от рожденья
духом и тверд и прям.
Служил государству
и даже семьей пренебрег.
Я и теперь
не боюсь девяти смертей.
Но чем же семье помочь?
Давно на равнине
смута и стук мечей.
Муж отважный
слез не смог превозмочь.

Мне рано в отставку —
 послужит еще книгочей:
Коня оседлает,
 и разбойников — прочь!

ДЕЛЮСЬ ЧУВСТВАМИ,
МНОЮ ВЛАДЕВШИМИ В ХОЛОДНУЮ НОЧЬ

Сижу перед полной чаркой —
 не пью.
Печальные мысли
 пьянят сильнее, чем хмель.
Многое видел,
 побывал не в одном краю —
Тоску схоронить не смог
 ни в одной из земель.
В столицу приехал,
 помню, то было давно.
Конь на бегу
 гривой густою тряс.
На синей башне
 ночью пили вино.
Веселая песня
 в небесную даль неслась.
Вернуть невозможно
 счастья минувших дней.
До шеи свисают
 длинные пряди седин.
Прекрасна в окне
 луна над горами Эмэй:
Осень пришла, грущу
 с луною один на один.
Под утро луна
 озаряет пустую кровать:
Глаз не смыкал —
 цикады пели окрест.
Понял давно:
 от печали нельзя сбежать —
Чего же ради
 уйду из родимых мест.

НЕЧАЯННО НАПИСАЛ
В БЕСЕДКЕ У ПРУДА

Сижу, беспечный, в тени беседки,
 свищу на яшмовой флейте.
На незаконную грусть о прошлом
 зря потратил десятилетье.

Старое древо упало в поток —
кто же вспомнит о нем?
Сама не знает сухая полынь,
куда ее катит ветер.
Платан у резного колодца в полдень
тень рождает и тишину.
Рябью подернулся синий пруд —
чуть колыхнется тина.
Людам присуще радость искать —
так было и в старину.
Закон известный — его толковать
разве необходимо?

ПАВИЛЬОН ЦУЙПИНГЭ НА ЗАПАДНОМ УТЕСЕ

В далекой беседке полдня провел
с чаркой один на один.
Своими глазами видел осенний
вид Хэшаньских вершин.
Знаю — красоты здешних мест
словами трудно изобразить.
Рад — беззаботно брожу по горам,
сам себе господин.
Орлы слетают с высоких скал,
клеочут весь день.
В глубокой пади на водопое
вечерами трубит олень.
Живущий свободно, как сердцу угодно,
радость найдет в пути.
Жизнь просидевший в богатом доме
подобен узнику взаперти.

МАЛЕНЬКИЙ САД

Что южный, что северный край деревни —
горлиц слышу вдали.
Проростки риса торчат из воды —
полей неогладна гладь.
Не раз бывал на краю земли,
отсюда в тысячах ли.
А ныне сам у сельчан учусь
вешнюю землю пахать.

ПРИ ЛУНЕ

Луна светла; двор пуст;
тени дерев наискосок.
В темных кустах шорох, возня:
не спит семейство сорок.
Старый ученый, ныне учусь
у несмышленных детей —
Пытаюсь поймать жука-светляка —
халат от росы намок.

НОЧЬЮ СИЖУ. КОНЧИЛОСЬ МАСЛО В ЛАМПЕ: В ШУТКУ НАПИСАЛ СТИХИ

Книгу хотел дочитать, но вдруг
в светильнике фитиль погас.
Жаль, темно, не могу разобрать
последних несколько фраз.
Разве не глупо всю жизнь
потратить лишь на бумагу!
Засмеялся; окно распахнул, сию,
с луны не свожу глаз.

СИНЬ ЦИЦЗИ

(1140—1207)

СОВЕРШАЮ ПРОГУЛКУ НА ОЗЕРО ЭХУ И, ВЫПИВ ВИНА, ПИШУ СТИХИ НА СТЕНЕ ТРАКТИРА

Весна осела прочно на равнине —
Пастушья сумка всюду зацветает.
На борозды распаханного поля
Ворон крикливых опустилась стая.
Я стар и сед, а в сердце чувства зреют.
Кому и как их изольешь весною?
В лучах заката вывеска трактира.
Там, верно, отпускают в долг хмельное.
Живу в тиши,
Природой наслаждаюсь,
И в праздности
Проходят дни за днями.
Вот скотный двор. Кунжут и шелковица
У западной стены сплелись ветвями.
В зеленой юбке, в кофте белоснежной
Выходит незнакомка за ограду.
Она спешит родителей проведать
Теперь, когда окрепли шелкопряды.

ПИШУ РАДИ ЗАБАВЫ
НА СТЕНЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ ХИЖИНЫ

Уж вечереет. Но еще в деревне
Повсюду кур и уток гомон слышен.
Как разрослись тутовник с коноплею —
Их ветки возвышаются над крышей.
Тот счастлив, кто довольствуется малым,
Ему всегда завидую невольно.
В конце концов что требовать от жизни?
Наелся вдоволь — и с тебя довольно.
Я вижу
Молодую поросль ивы,
И отмели
Уже не те, что были.
Вот здесь когда-то ручеек струился,
Теперь его течение изменили.
Когда на свет рождается ребенок,
Здесь чуда от него не ждут большого
И говорят: «Вот и невеста Юям!»
Или: «А вот и зять для дома Чжоу!»

ЧИТАЛ СТИХИ ТАО ЮАНЬМИНА
И НЕ МОГ ОТ НИХ ОТОРВАТЬСЯ.
РАЗВЛЕКАЯСЬ, НАПИСАЛ И ПОСВЯТИЛ ЕМУ
НЕБОЛЬШОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На склоне лет он сам ходил за плугом,
На трудности не сетовал в беседе.
Вина есть доу, есть к вину цыпленок —
И можно приглашать к себе соседей!
Что для него история династий?
И Цзинь и Сун — тщета больного века!
Фу-си считал он образцом для смертных
И был иного мира человеком.
Тысячелетье
В вечность отлетело,
А все живут
Бессмертные творенья!
И каждый знак, написанный поэтом,
В себе содержит ясное значенье.
Я размышляю: если б и поныне
Все здравствовали Се и жили Вань —
Все их дела не стоили бы больше,
Чем прах с полей священного Чайсана!

ПРОВОЖАЯ ДРУГА

Давно умолкла «Песня о разлуке»,
Но на глазах слеза блеснет порою.
Нам много ль надо? Только б чашку риса,
А слава — дело для мужей второе!
Лазурь воды слилась с лазурью неба,
Их только разделяет кромка леса.
Вдруг опустилась туча дождевая
К подножию горы сплошной завесой.
Как в старину,
Так и теперь разлука
Вселяет в сердце
Горечь и досаду.
Затем ли, чтоб узнать и скорбь и радость,
Нам расставаться и встречаться надо?
Поднимется ли шторм в пути — не знаю,
Да и гадать не стоит понапрасну.
Одно я знаю, что дорога жизни
Трудна для человека и опасна!

* * *

Я один за судьбу отвечаю мою,
Небо спрашивать я ни о чем не желаю!
Одиноко
На башне высокой стою,
И в душе моей скорбь
Без конца и без края.
В неурочный вы час повстречались со мной:
Сон меня одолел, сердце отдыха просит...
Вам бы лучше, пожалуй,
Вернуться домой,
Вам бы лучше, пожалуй,
Вернуться домой...
И пускай ветер западный
Осень приносит!

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ ПРИСЛУЖИВАЛА ГОСТЯМ НА ПИРУ У ЯН ЦЗИВЭНЯ

Совсем, совсем еще девочка —
Пятнадцать ей лет от рожденья.
И с нею за шелковым пологом
Один только ласковый ветер.
Как рад я: ее не заметил
Никто, в ком живет вожделенье.

Я слышал: она очень робкая
И быстро приходит в смущенье.
Едва вас завидит, как личико
Зальется под пудрою краской.
На вас разве только украдкой
Задержит свой взгляд на мгновенье.
У озера прошлой ночью
Сгустились холодные тени,
Она в окруженье подружек
От дома вдали загулялась.
Цветком она слабым казалась
Иль ивой, поникшей в томленье.
Она еще так неумело
Гостям подает угощенья,
Вино наливает — и мнится:
Вот-вот его на пол расплещет...
Ей петь — и в прическе трепещет
Цветок, выдавая волненье.

ОДИН ПРОВЕЛ НОЧЬ В ГОРАХ

Ничтожны века моего свершенья,
Все — от начала до конца — ничтожны.
Вокруг надолго утвердилась осень,
И тишиною насладиться можно.
Не спится мне. И слух мой жадно ловит
Все шорохи и звуки поздней ночи.
Бурлит, шумит ручей неугомонный —
На что он вечно сердится и ропщет?
Сerp месяца, и бледный и холодный,
Навеял грусть. И грусти нет предела.
Далеко где-то петухи проснулись —
Ко мне их перекличка долетела.
Здесь мир иной. Здесь слава и нажива
Еще собой не заслонили света.
Но почему так рано встали люди
И трудятся задолго до рассвета?

ГУАНЬ ХАНЬЦИН

(1240—1310)

ВЕСНА

Плачет кукушка вдали.
Годы в разлуке прошли.
Вот и весна опять возвратилась,
а встретиться мы не смогли.
Столько минуло дней,
а тоска все сильней и сильней.
Вьется-летит ивовый пух,
кружится у земли.
Гуси снова вернулись домой,
весточки не принесли.
Ласточек пару увидела в небе —
слезы вдруг потекли.

ЛЕТО

Милый обидчик мой
Сейчас в стороне чужой.
Неужели останется там навсегда,
коня не направит домой?
Истомилась совсем,
в южное глядя окно;
Ветер прохладный веет,
думать о милом век суждено.
К чему теперь подрисовывать брови,
а поблекли они давно.
Стыдно, что телом стала худая,
но цветами граната украшенный пояс
мне не носить все равно.

ОСЕНЬ

Ветер воет-свистит,
Дождь осенний летит —
Разбудили даже Чэнь-бо — отшельника,

вечно спящего старика.
В сердечных сетях
рыбою бьется тоска,
Течет из глаз бесконечная
слез река.
Холод. Цикады умолкли,
только слышен порой
стрекот сверчка.
Дождь все сильнее льет.
По широким листьям банана
шумно колотит-бьет.

ЗИМА

От снега — белым-бело.
Ворота все замело.
Не видно людей,
на душе тяжело.
Увяли-пожухли
розы над быстрой рекой —
Это, верно, Циньцзян,
а там и речное село.
Не с кем слово сказать —
опустел ароматный покой.
Только кто-то один,
опершись на перила, стоит,
объятый глубокой тоской.

* * *

В глухой деревушке
к закату ночлег отыскал,
но в тоске не до сна:
С другом расстался, вот и печалюсь.
На перилах — луна.
Полная нынче она.
Когда же и мне
отпустится счастье сполна?
В тереме южном
не ждет меня
красавица у окна.

* * *

Фениксам встречи не суждены,
Ласточка с иволгой разлучены.
Рядом пристань речная,

но плыть до тебя далеко...
Просто расстаться —
встретиться вновь нелегко.

* * *

Год многолик,
но прекрасней всего — весна!
Мир огромен, но что
лучше веселья, вина?
Чиста и прозрачна
потока голубизна,
С красотою цветов не сравнится
вышивка ни одна.

* * *

Висит в вышине
нефритовый заяц-луна.
Вечной тоскою
душа полна.
Только одно желание
иногда оживает во мне:
Яшмовой плетью —
чтобы мчался быстрее —
Гнать-торопить
доброго скакуна...
Нет, уже никогда
туда, где красавица ждет одна,
мне не примчаться на быстром коне.

* * *

Как опостылел мне,
Как опостылел мне
пышный дворцовый покой!

Нас разлучили с тобой,
Нас разлучили с тобой,
но как прежде тебя люблю.

Небу мольбу пошлю,
Небу мольбу пошлю,
упрошу отпустить домой.

* * *

Поздней осени дни.
У тропинок в тени
Цветы роняют желтый наряд,
золотом лепестки горят.
Весною росу на нежных цветах
увиджу и буду рад.
Подниму золотую чашу вина,
выпью один.
Развеселюсь, войду
в «Ветр и поток»,
как Пяти ив господин
много столетий назад.

* * *

Выпил вина —
грустью душа полна,
почему все печаль одна?
Редкий бамбук шумит-шелестит,
западный ветер свистит.
Как годы,
Как годы длинны,
ночи мои и дни.
Сумеркам ранним радуюсь я,
окутали сад они.

* * *

Скорее вернуться домой хочу,
здесь тоска да печаль.
Одиночество. Лампа в ночи.
Друга со мною нет.
На башне высокой поет свирель.
Грустно гляжу вдаль.
Деревья мэй озаряет луна,
скоро уже рассвет.

* * *

Мы были с тобою
небом обручены.
Точно два лотоса,
ныне разлучены.
Грустною думой объят,
сиджу перед чашей вина —
Такая судьба
от неба нам суждена.

Но пред глазами
 по-прежнему образ твой,
И в сердце я сохранил
 милый образ твой,
И ночью часто, во сне.
 ты рядом со мной.

* * *

Протянулась печаль моя
 на тысячи ли.
Все время молчу,
А когда-то луна на подушке лежала,
 о любви песни текли.
Нынче тоскую —
 за Янгуань мой любимый,
 в дальней дали.

* * *

Благовонные запахи
 источает треножник резной.
Садовой оградой
 маленький терем скрыт.
Высоко над деревьями
 ранний месяц висит.
Влюбленные встретятся
 под покровом дымки ночной.

* * *

В тенистом саду
 птичьи трели слышны.
Стоит человек
 у белой-белой стены.
Весенние думы,
 как нити пряжи, длинны,
Печальные очи
 слезами увлажнены.

* * *

Любуюсь цветами,
 торопливо схожу с коня,
Под ивой у берега
 дожидается лодка меня.

На глади озерной
 множество челноков,
Кони по берегу
 гордых мчат седоков.

* * *

Солнце-ворон и заяц-луна
 торопятся, как всегда:
Закаты, восходы —
 дней и ночей череда.
В жизни земной
 не избежать разлук,
Седеют виски —
 редеет дружеский круг.
Быстро — не остановишь —
 несутся-летят года,
Время умчится, как жеребенок,
 вырвавший повод из рук...
Не будьте глупцом,
 мой друг!
Зачем добиваться
 высоких постов?
Лучше вино
 посвятить досуг —
Осушая чашу за чашей,
 пьянеть средь цветов.

* * *

Облетев, укрыли двор лепестки —
 опять вернулась весна.
Любуюсь природой —
 как совершенна она!
Пыль на дороге
 от повозок и лошадей:
Люди, как муравьи,
 куда-то спешат допоздна...
А я отыщу себе
 тихий приют,
 заживу вдали от людей.

* * *

Не огорчайся,
 не хмурь чело,
Время печали
 еще не пришло.

Прошу тебя,
 не будь чудаком,
Не надо стыдиться
 старческого лица —
Минули годы,
 стал и ты стариком.
Но каждому следует
 познать до конца
Совершенство мудрого
 и пороки глупца,
В достатке пожить
 и недолго побыть бедняком.

* * *

Каждую ночь кутил бы, гулял,
 будто под Новый год.
Каждое утро бы пировал,
 веселился день напролет.
К одиночеству бы привык,
 а то и влюбиться мог...
Жаль только, в мире известен я —
 словно в узде слава держит меня
 или как крепкий замок.

* * *

Слышно с улицы: в доме
 веселье, шум, беготня;
Запах еды доносится,
 прохожих маня.
На праздник съехалась
 многочисленная родня.
Чашу уже в воротах подносят,
 поят вином меня...
Устал, как от тяжких трудов,
 возвращаюсь, не тороплю коня.

* * *

Кончилось старое вино,
Молодое поспеет вот-вот.
У пустого кувшина сидим вдвоем,
 хохочем во весь рот —
Горный монах и крестьянин-старик.

радует нас одно:
Пара цыплят —
доля его,
Я предлагаю
гуся одного.
То-то веселье пойдет.

ДЕВИЧЬЯ ПЕЧАЛЬ

I

К рассвету дождь перестал.
Прекрасны горы вдали.
На реке половодье —
острова под воду ушли.
Облокотясь на перила,
вдаль устремляю, взгляд,
Спускаюсь с башни высокой.
Становится с каждым днем все печальней
осенней природы закат.

II

Осени поздней пора.
Западный ветер
срывает с утунов листы.
Давно отошла жара.
Последние пахнут цветы.
На крючках из нефрита
занавески от ветра дрожат.
Таинственен, пуст в ясный день
маленький сад.
Я одиночеству рада.
Слышу: с высокой ивы
доносится пенье цикад.

III

Отчего так грустна?
Отчего печали полна?
Давно любимый покинул меня,
бледнею с тех пор красотой.
На яшмовом столике зеркало
покрылось пылью густой.
Сижу за шторой зеленой одна,
узор вышиваю простой.
Как узнаешь ты, что запястье из яшмы
сломано, снято с руки?
Как узнаешь ты, что хмурю теперь
бровей моих лепестки?

IV

Где он сейчас?
Чьи руки в своих
 он держит теперь?
Маленький флигель —
 за ширмой серебряной
 песни, веселье, вино...
Не проклиная — мне все равно.
Воспоминанья о прошлом
 исчезли давно.

V

Рукавом заслоняюсь —
 тошно, тоскливо мне.
Горесть мою
 потопить невозможно в вине.
Уныло рисую
 узор на замшелой стене.
Ткать не берусь —
 стали трудны дела,
А когда-то прилежна была...
Так случилось: любовь
Незаметно пришла,
 потом незаметно ушла.

* * *

Расстались с тобой.
Потеряло сердце покой.
Воспоминаниям о былом
 не исчезнуть вовек.
Рукавом сметаю с перил
 тополиный снег.
Потока стремительный бег,
Тот же горный хребет...
А тебя уже нет.

ЧЖАН КЭЦЗЮ

(1275—1345?)

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

Цветы водяного ореха
 разбросаны без числа.
На яшмовой лютне я
 четыре струны порвала.

Любовь ушла,
тоска на смену пришла.
Под облаком желтым гусь одинокий.
Где заколка моя для волос?
За веером
прячу жемчужины слез.
Прилетают ласточки каждый год.
Тоска постепенно пройдет.
Возле храма на озере Сиху
с надеждою гляну на небосвод.
Тихо в свою
Сяду ладью —
В воду взгляну на свое лицо,
грусть затаю.

* * *

Словно облако, сон уплыл.
Поблекли следы белил.
Возлюбленному благородному
в сердце укор таю:
Десять лет уже добрых вестей
не шлет в усадьбу мою.
Зеленью берег зарос.
Травую покрылся плес.
В деревне зацвел абрикос.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Когда прилетают ласточки,
пью немало вина.
Расцветают пионы в саду —
душа стихами полна.
Сумрак окутал дворцовый сад.
Кончился дождь. Тишина.
Отраженная в зеркале,
спокойно светит луна.
Цитру беру, —
как льдинка, звенит она.
Чашу наполнил —
весенняя ночь длинна.

ОСЕННИЕ ЧУВСТВА

Западный ветер письмо принес
от тех, кто в родной стороне:
Вопрошают, когда возвратиться
будет позволено мне?

Крики гусей.
Алые кружат листья.
Захмелел человек.
Желтые вянут цветы.
Дождь в бананах шумит.
Все — как в осеннем сне.

БО ПУ (1226—1310)

ПЕСНЯ О РЫБАКЕ

У берега — желтые камыши,
ряска в стоячей воде.
На плотине зеленые ивы,
водоросли везде.
Великих богатств
у человека нет,
Но старой дружбе
не страшно течение лет.
Точками по осенней реке
журавли и нырки.
Не может гордец,
чьи знакомства весьма высоки,
Старца окликнуть, ловящего рыбу
в водах туманной реки.

* * *

После попойки
можно ли браться за труд?
Разве в нетрезвую голову
мудрые мысли придут?
В вино погрузившись,
забудешь славу и честь,
Деяний великих, смытых вином,
не перечести.
Пьяный загубит
стремленья, великие, как небосклон.
Однако трезвеннику Цюй Юаню —
упреки со всех сторон,
Тогда как любитель вина Тао Цянь
людьми высоко превознесен!

ЧЖАН ЯНХАО

(1269—1329)

* * *

Был оклеветан.
Вернулся домой.
О высоких стремленьях
уже позабыл.
Как безрассуден
оказался юности пыл!
Смотрю на разливы рек,
на вершины гор.
Свободны
разум и взор.
Тридцатилетье надежд и трудов
именно так завершил...
Горы вокруг —
Покажется вдруг —
Словно знают: в праздности я
жизнь доживать решил.

ГУАНЬ ЮНЬШИ

(1286—1324)

* * *

За полог из темноты
Долетают порой голоса —
продают цветы.
После ночного дождя
ступени дворца чисты.
Маленький сад, деревья, кусты.
Легкий холод
в рукава проник.
По тропинке миную тростник.
На перила беседки
облокотился в тиши.
От цветов абрикоса слабая тень.
Придорожные ивы. Обновление души.

ВАН ЮНЬ

(1287—1359)

* * *

Лотосы рвут — слышны голоса
сквозь дымку, издалека.
Раскинулась шелковой гладью река.
Руку протянешь —
в воздухе ни ветерка.
Я одинок, как всегда.
На лодке плыву расписной —
весенний воздух, вода...
От этих прекрасных гор и рек
Рвется на родину человек —
Когда наконец
смогу вернуться туда?

БАЙ БЭНЬ

(XIII в.)

* * *

На острове Серого Попугая
дом поставил давно.
«Безымянный рыбак» —
прозвище мне дано.
Лодка моя,
как листок, поплыла.
Засыпаю у берега.
С юга — ветер и мгла.
Просыпаюсь — долго гляжу
на гор далеких гряды.
Отряхнул травяную накидку,
к дому иду.
Я неправо роптал на Владыку Небес —
вижу теперь со стыдом:
В каком прекрасном краю
он велел мне поставить дом!

СЮЭ АНфу

(ок. 1300)

* * *

Расцветают цветы —
 радостны взоры людей.
Опадают цветы —
 пьянеешь, как от вина.
Хмельною весной
 внезапно станешь трезвей —
Радость для человека
 с возрастом все трудней.
В весенней реке
 вода бурлива, мутна:
Тысячи точек —
 облетает пух с тополей.
Кто уверяет,
 что уносит пушинки волна?
Это путника взор
 застлала слез пелена.
Объятый печалью глянул назад —
 ветер над ширью полей,
Небесный простор
 безбрежен, необозрим.
Приходит печаль
 вместе с приливом морским.
Море уходит —
 печаль не уходит с ним.
Как же вынести мне тоску
 ветреных этих ночей?

ЖЭНЬ ЮЙ

(XIII в.)

* * *

Эти горы и реки
 мечтал увидеть всегда.
Торопливо проходит
 лун и лет череда.
На восток вернулся — домой,
Сосед мой опять хмельной.

Слышу: рыбак с дровосеком, как прежде,
о прошлом ведут разговор.
Я снова простой крестьянин —
незатейлив мой дом и двор.
Не мечтаю больше о том, чтоб одежду
украшал придворный узор.

МА ЧЖИЮАНЬ (1250—1323)

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Дремлют вороны,
сухие шуршат тростники.
Маленький мост.
Хижина возле реки.
Лошадь бредет
по старой дороге, в пыли.
Вечернее солнце
заходит вдали.
Охватила печаль
человека у края земли.

* * *

Снова, как в старину,
Рыбы куплю к вину,
На горы далекие, на облака
взором спокойным взгляну.
Чистому ветру, ясной луне
долг стихотворный верну.
Я — человек беззаботный,
ленивый, прямой.
Никаким особенным даром
путь не отмечен мой.
Прощаюсь — пора домой.

* * *

Облачась в одеянье
из простого холста,
Для вопроса героям —
отворяю уста:
Рвались к высочайшей власти князя,

нынче — труха трухой.
Во дворцах шести величайших родов
лес да ковыль сухой.
Где были могилы чиновничьи в ряд —
крестьянин идет за сохой.
Все это — сон плохой.

ОСЕНЬ

I

Как сон мотылька,
 незаметно пройдут сто лет.
Обернусь, поступки свои оценю —
 им оправдания нет.
Нынче немало
 весенних примет —
Осыплется утром
 с деревьев цвет.
Чарку допил, светильник задул,
едва забрезжил рассвет.

II

Размышляю: где циньского дома
 дворцы,
 где ханьского дома врата?
Столицы их в упадок пришли,
 над ними трава густа.
Не знает о них ни рыбак речной,
 ни дровосек лесной.
Кладбище предо мной:
Могилы обхожу стороной.
Где добрый лежит человек?
 Где дурной?

III

В деянья древние — в заячью нору
 по лисьим следам иду.
Героев много в каждом роду.
Прочны треножников ножки,
 но из них не цел ни один.
Где Вэй? Где Цин?

IV

Богатство небом тебе дано.
Роскоши да не послужит оно.
Недолги прекрасные ночи и дни,
уразумей.
Дети богатых семей
Обратили в железо
свои сердца.
Ни один из них не достоин
своего расписного дворца.

V

Багряное солнце съезжает вниз,
на запад, туда, где тьма —
Будто повозка
спешит в долину с холма.
В зеркало глянешь — не сожалея,
увидав на висках седину.
Обувь снимай,
отходя ко сну.
Горлице, вьющей гнездо, не тверди,
что непрочна ее витье.
Лишь неразумному не дано
скрыть неразумство свое.

VI

Более нет забот.
Отринуты слава, почет.
Не клубится отныне красная пыль
у закрытых моих ворот.
Свежей листвою дом осенен,
хороши деревья вокруг.
Созерцаю зеленый холм вдалеке,
вкушаю тихий досуг.
Смогу ли в хижине бедной жить,
где оградой служит бамбук?

ЯН Г'О

(XIII в.)

СРЫВАЮ ЛОТОСЫ

С лодки на озере лотос рву,
приятен путь для гребца.
Плыву домой,

хрустальна гладь озерца.
Едва заслышу, степной напев —
горькие слезы из глаз.
Встречи настанет ли час?
Распустились мальвы и отцвели,
нет известий от вас.
Холода пришли.
Утки и журавли
Улетают прочь, —
не встретят ли вас вдали?

ХУ ЧЖИЮЙ

(неизв.)

ОСЕНЬ

Зеленых лотосов нет почти,
хризантемам желтеть пора.
Красные листья с утунов летят,
на стволах темнеет кора.
Одеяло тепла почти не дает:
похолодало вчера.
Осень пришла,
иней с утра.
Стужу несут
западные ветра.

ЯО СУЙ

(1239—1314)

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Густа-густа трава.
Чиста-чиста синева.
Девушки с юношами весной
гуляют у всех на виду.
В дворцовых покоях скользит ветерок,
ласточка мчит ко гнезду.
Неразлучницы-утки
дремлют в теплом пруду.
Благодатно цветы
расцветают в зеленом саду.

ГАО КЭГУН

(ок. 1280)

ПРОЕЗЖАЯ ПО ОКРУГУ СИНЬЧЖОУ

На две тысячи ли вокруг
прекрасны земли на вид.
Вдоль дороги чиновничьей весь откос
бегониями увит.
Прошлогодние листья ветер метет,
поторапливает коня.
Еще усердней, чем человек,
весенний ветер спешит.

ЧЖАО МЭНФУ

(1254—1344)

МОГИЛА ПОЛКОВОДЦА ЮЭ ФЭЯ

Травой зарос могильный курган.
Здесь лежит великий герой.
Безлюдно. Только каменный лев
охраняет его покой.
Сановники, даже сам государь,
трусливо бежали на юг.
На севере разве что старики
о свободе вздохнут с тоской.
Однако давно убит Юэ Фэй —
нет печальным вздохам числа.
Захватили Север чужие войска,
и на Юге плохи дела.
Не стоит над озером Сиху
грустную песню петь —
Красота пленительных гор и рек
развеять скорбь не смогла.

ЦЗЕ СИСЫ

(1274—1344)

СВИТОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПЕЙЗАЖА

Чуть приметно деревья
колышутся в дымке седой.
Светит луна
над неровной горной грядой.

У дальнего берега
 обратная лодка видна.
Слева и справа
 утесы стоят над водой.
Является мысль
 от мирских соблазнов уйти,
С дровосеками и рыбаками
 дружбу отныне вести.
Обширное озеро,
 синие горы вдали.
В эту страну,
 увы, не знаю пути.

ХУАН ЦЗИНЬ

(1277—1357)

ЛЕНИВО НАПИСАЛ В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Курильница возле подушки стоит,
 поправляю палочки в ней.
Птицы поют под самым окном,
 становятся тени длинней.
Дождь прошумел в бирюзовых горах,
 чист небесный простор.
Не шелохнутся ветви дерев,
 к вечеру все холодней.
Молодость от человека ушла,
 подходит старости срок.
Сновиденьям конец, начало стихам —
 словно вступают в поток.
Сегодня ни Цю, ни Ян не пришли
 в мой позабытый дом.
Ворота закрыл, стихи записал,
 на жесткое ложе лег.

ХУАН ЧЖЭНЬЧЭН

(1288?—1362?)

ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ МНОЮ К ЗАПАДУ ОТ ГОРОДА

Потеплело. В раздумье
 стою у открытых ворот.
Устремился за город,

в деревню на запад пошел.
Тревожусь о веке:
 пережито немало невзгод,
Как изменился
 некогда славный народ.
Не вижу деревьев,
 ожиданьям своим вопреки.
Развалины храма,—
 сохранилась только стена.
На месте беседки
 ныне растут сорняки,
Где стояли дома—
 овощей молодые ростки.
Так слонялся без цели,
 по дорогам окрестным пыля,—
Случайно услышал
 крестьянина грустный рассказ:
«Рисовая рассада
 не высажена в поля,
Зеленых побегов
 никак не дождется земля.
Крестьян молодых
 угнали, не внемля мольбе.
Назначили день,—
 их чиновник в управе ждал.
Буйвола нет —
 паши на самом себе...
Всего не расскажешь
 о горькой нашей судьбе!»
На сердце печаль
 навевала грустная весть.
Чем же помочь
 беднякам несчастным смогу?
Стар я, себя
 не смогу к землепашцам причесть,—
Как же теперь
 осмелюсь досыта есть?!

КЭ ЦЗЮСЫ

(1290?—1343?)

МОСТИК

По лепесткам, как по снегу, еду верхом.
 Аромат опавших цветов.
Близко, в кронах редких деревьев,
 иволги скорбный зов.

К мостику малому подошел.
Голубые тени весной.
Длинные ветви плакучих ив
залиты светлой водой.

НИ ЦЗАНЬ
(1301?—1374?)

СЛУЧАЙНО НАПИСАЛ В ПЯТЫЙ ДЕНЬ
ШЕСТОГО МЕСЯЦА

Сижу и смотрю, как зеленый мох
ко мне на халат ползет.
Весенней водою наполнен пруд,
светел и чист небосвод.
Ни повозки, ни всадника в нашем краю
не встретишь за целый день.
Лишь случайное облачко порой
вслед журавлю проплывет.

СА ДУЦЫ
(1308—?)

УТРОМ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ
ПО РЕКЕ ХУАНХЭ И НАПИСАЛ
ОБ УВИДЕННОМ

Ранным утром
в лодке отправился в путь.
Свет зари
воду тронул чуть-чуть.
Нежные-нежные
деревья видны вдалеке.
Поднимается дымка.
Плыву по Великой реке.
Доносится лай,
трижды пропел петух.
Бредут бараны.
на буйволе едет пастух.
Над камышовыми крышами
сизые вьются дымки.
На полях зеленеют
осеннего риса ростки.
Плодов урожая
крестьянин отведать не смог.

Чиновники всюду
спешно собирают налог.
С дамбами вровень
встала речная вода.
На дорогах разбойники, —
не спрячешься никуда.
А в столице Чанъани
вельможных отцов сыны
Живут беспечно,
в конюшнях стоят скакуны.
Утром гарцуют,
вечером сбросят халат
В тысячу золотом,
новый наденут наряд.
На пяти базарах,
что ни день, — бои петухов.
Веселые песни
из высоких слышны теремов.
Яшмовые красотки
меняют бирки в игре.
Рядом другие
разносят вино в серебре.
Не знает богач,
что сейчас, когда ветер злей,
Крестьяне, стелая,
урожай убирают с полей.
О счастливой осени
мечтает, иззябнув, бедняк.
По колено в воде,
вечно голоден, наг.
Жены и дочери
ткут весь день напролет.
Мотыжат сыны,
проходит за годом год.
Спешит крестьянин
государству налог заплатить,
На могилах предков
должны жертвы свершить.
Чтоб дамбу построить,
как пленников, гнали мужчин.
Отнимают кормильца,
дома сиротствует сын.
Вымирают деревни,
некому сеять и ткать.
Из восточных земель
доносятся стоны опять.
От голода мрут —
не поднять иссохшей руки;

Гонят крестьян
вдоль Великой реки.
Река Хуанхэ
истоки берет в небесах.
Низвергается с шумом,
пенясь в крутых берегах.
В древности люди
наперед могли рассчитать.
Ныне не то,
мельчает людская стать.
О реке Хуанхэ
песня звучит моя.
Услышь, государь!
Внемлите, князья!
Ветер воет,
шелестит сухою травой.
Ветви колышет,
играет моей сединой.

ШАО СЯНЧЖЭНЬ
(1309—1401)

В НАЧАЛЕ ЛЕТА НА РЕКЕ

Ветрено, мелія расцвела,
светел простор реки.

К берегу челн одинокий приник,
пуст укромный залив.

На мелководе мальчик стоит,
голову опустив.

Ряску задумчиво зачерпнул —
кормит гусенка с руки.

ЛЮ ЦЗИ
(1311—1375)

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Белая утица
вскармливает птенцов,

Не умолкая,
крякает день и ночь.

Но только почувствует
крепость крыльев птенец,

Бросив гнездо,
навек улетает прочь.

РОСА НА СТРЕЛКАХ ДИКОГО ЛУКА

Человеческий век —
в нем нет и сотни годов —

Промчит, и его
не дано возвратить никому.

С древнейших времен
множество гордых мужей

Вернулись уже
в межгорье, в могильную тьму.

ПЕЧАЛЬ НА ЯШМОВЫХ СТУПЕНЯХ

В Чанмэне у лампы
роняю слезу за слезой.

Уж мохом покрылись
от влаги ступени крыльца.

И годы проходят,
но в пору весенних дождей

Всхожу, как бывало,
на стену пустого дворца.

ПЕЧАЛЬ ВО ДВОРЦЕ ЧАНМЭНЬ

Белые росы
легли на яшму ступеней.

Ветер прохладен,
а месяц шелково-белый.

Смотрю — светлячки
кружатся над прудом садовым,

Ко мне залетают
сюда, во дворец опустелый.

СУН ЛЯНЬ (1310—1381)

ПРОВОЖАЮ СЮЙ ШИ,
КОТОРЫЙ ВНОВЬ ЕДЕТ
НА СЛУЖБУ В ШАНЬ

Вино на прощанье
мы пьем у ворот столицы.
Единственный парус
уносится прочь от причала.

Достигшие славы
 состарились и одряхлели,
А седоголовых
 сколь многих нету меж нами.

Здесь ветрено, дождик,
 похлебка рыбная с рисом.
Туманная дымка,
 накидка из птичьих перьев.

Хоть вы и сумели
 добиться высокой карьеры,
Но сниться вам будет
 плетеная дверца в ограде.

ВАН ГУАНЬЯН

(ум. 1380)

ПОДНИМАЮСЬ НА ВЫШКУ ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ У ЮЖНОГО МОРЯ

Над морем туманная пелена
 клубится и ночью и днем.

В селении горном дождь моросит,
 осень уже пришла.

Терзаюсь печалью — моя голова,
 как у Фэн Тана, бела.

На вышках почтовых в южном краю
 почти на всех побывал.

ЧЖАН ЮЙ

(1333—1385)

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Взял посох монаший —
 судьбой предначертан мой путь.
Родимые горы
 из дальней земли не видны.

Я сердцем усвоил
ученье восточной страны.
Постиг Созерцанья
глубокую, тайную суть.

Промолвлю заклятье —
и в чаше смиренный дракон.
А сутру читаю —
вмиг волны корабль обойдут.

Но что мне все это —
ведь путь мой уже завершен.
От горькой разлуки
потоками слезы текут.

ГОРЕСТНЫЕ СТРОКИ

1

У лампы со свитком сижу, а из глаз
потоки горючих слез.

Жена перепуганная молчит —
где ей меня понять?

Сегодня умер мой старый друг —
с ним жили мы у реки.

Пытаюсь, горюя, стихи отыскать,
что в дар он мне преподнес.

2

Когда эта горькая весть долетела,
никак ей поверить не мог;

Друзей-поэтов совсем не осталось —
и не с кем стихи обсуждать.

А дети его так малы-неразумны,
им вовсе не до стихов...

И что будет с рукописями поэта,
бессчетными сотнями строк?!

3

А разве сумел он успехов достичь,
воздалось ему за труды?

Как горько — при жизни его обошли
награды, чины и почет.

Однако воистину верю я:
к стихам его слава придет,

Такая же, как у ханьских од
или у танских стихов!

ЯН ЦЗИ
(1334?—1383)

ЮЭЯНСКАЯ БАШНЯ

Весенние краски,
на башню взбираюсь, хмельной.
К перилам приникнув,
роняю слезы в Дунтин.

Бескрайние воды,
на западе — земли Саньчу.
Бессчетные горы,
к востоку — Девять вершин.

Приволье-просторы,
резвится рыба-дракон.
Прекрасные виды,
рыдает кукушка-душа.

А чья это ночью
печально флейта поет?
Все яростней ветер,
обильнее, злее дожди.

ВИД НА БЕСКОНЕЧНУЮ РЕКУ ЧАНЦЗЯН

Приют мой ныне — горы Миншань
в западной стороне.
Открылась расселина среди скал,
откуда источник бьет.

В краю Саньба весенний расцвет,
растаял последний снег.
Дорога извилиста и трудна,
ведущая на восток.

Речные воды туда текут,
и так же долог их путь.
Только скитальцу дано оценить
прежде покинутый дом.

Туманная мгла и свежесть травы
рождают в душе тоску.
Дождливо и ветрено, крик обезьян
вот-вот оборвет нутро.

СЮЙ БЭНЬ

(1335—1380)

ПЛЫВУ НА ЛОДКЕ ВДОЛЬ БЕРЕГА, ПОРОСШЕГО ЛОТОСАМИ

Прозрачная влага
впитала тепло весны.
Остатки тумана
расплавил полуденный зной.

Пустынна округа,
и песни давно не слышны.
Напрасно стремился
на этот берег речной.

В разлуке с тобою
нигде не избежать тоски...
Причаливши лодку,
срываю грушевый цвет.

ГАО ЦИ

(1336—1374)

ПРИГЛАШАЮ ДРУЗЕЙ НА ПРОГУЛКУ

Снова не делаю ничего —
весна безмерно грустна.

От города к западу горная цепь
ясно вдали видна.

Жду друзей — я с ними хочу
на высокое солнце глядеть...

Меж цветов абрикоса успел захмелеть:
хватило чаши вина.

ЗАМЕТКИ О МОЕЙ НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ В ПУЛИ

Длинный мост и короткий мост,
густые кусты ивняка.
Спереди берег и сзади берег,
лотосы всюду цветут.
Над винными лавками флажки
заметны издалека.
Белая чайка летит над водой
за лодкою рыбака.

Ветер пытается волны поднять,
но не вздымается вал.
Туманное солнце вот-вот зайдет,
но не спешит зайти.
Красоту прибрежного тростника
не единожды я воспевал,
И вкусная «рыба с начинкой из яшмы»
тоже достойна похвал!

ВЕСНОЮ В ДОЖДЬ ГЛЯЖУ ВДАЛЬ

На дозорную башню высоко взошел,
вдаль на реку смотрю.

В «карете лаковой» езжу весной —
дела забросил давно.

С дикой груши опали цветы —
праздник по календарю.

За то, что этой весной не грущу, —
песни птиц я благодарю!

НАВЕЩАЮ МОНАХА ЯНЯ У ЗАПАДНОГО ПОТОКА

День на исходе.
Выпал обильный снег.

Незаметен в тумане
потока стремительный бег.

Когда бы наставник
жил не так высоко,

Для чего бы забрался
в горы так далеко!

НАВЕЩАЮ ОТШЕЛЬНИКА ХУ

Переправился через реку,
но опять впереди река.

Залюбовался цветами,
а дальше снова цветы.

С весенним ветром дорога
была легка.

Незаметно к вашему дому
явился издалика.

УСЛЫШАЛ ЗВУКИ ФЛЕЙТЫ

Хлынули слезы, как только ветер
пенье флейты донес.

Одинокая лампа. Нити дождя.
Тихий речной плес.

Прошу вас, не надо петь
о тяготах дальних дорог —

В смутное время хватает и так
горьких людских слез.

С БАШНИ ЛЮБУЮСЬ ЛУНОЙ

В полночь, когда разнеслись окрест
птиц ночных голоса,

К ясной луне подымаю взор,
трогаю лютни струну.

В лунном свете вдруг увидал
тень на башне, всего одну...
Горы покрыты густым сосняком,
ветер холодный, роса.

В ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛАЧУГЕ НОЧЬЮ
ОБДИРАЮТ РИС

Обдирает крестьянка рис допоздна,
никак не ложится спать.

Темно и холодно в бедной лачуге,
дождь зарядил опять.

У тусклой лампы над колыбелью
шепчет: «Малыш, не плачь».

Тому, кто завтра отправится в путь,
еще еду собирать.

НОЧЬЮ СЛУШАЮ ЛЮТНЮ
ЧЖАН ШАН-ЖЭНЯ

Зал опустелый; в тиши ночной
льдинкой поет струна.

Гуси, прощаясь, кричат вдалеке,
в небе сияет луна.

Мелодию песни «Осенний ветер»,
жаль, не слышит никто.

Желтые листья усыпали двор.
пусто кругом, тишина.

МОГИЛА ЧЖЭНЬ-НЯН

Могильный холм, ароматные свечи,
стройные сосны в ряд.

Дух красавицы каждую ночь
блуждает здесь при луне.

В день пищи холодной случайный гость
присядет, грустью объят.

Травы вокруг зелены-зелены,
как танцевальный наряд.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ

Готово вино. Почему ж хризантемы
еще не раскрылись в саду?

Грустно с утра по тропинкам заросшим
без цели один брожу.

В горы на праздник вместе с друзьями
сегодня я не пойду —

Боюсь, печаль моя станет сильнее,
если вдаль погляжу.

ЦВЕТЫ В ВАЗЕ

За рощей бамбука, в цветущих лугах
вы повстречались мне.

Вместе собрали немного цветов,
веселые шли домой.

Ночью весенний дождь за окном
мешает светить луне.

Одинокой лампе вверюсь пока —
тень от цветов на стене.

НА РАССВЕТЕ ВЫЕЗЖАЮ ИЗ ГОРОДА ЧЕРЕЗ ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА, СЛЫШУ ПЛЕСК ВЕСЛА

Городские ворота открыты с утра,
Тихо иду вдоль реки.
Из тумана доносится гул голосов —
мимо рыбного рынка иду.
Слышу всплески весла с воды,
стремительны и легки.
Селезень спящий затрепетал.
Чуть шелестят тростники.

Челнок проплыл — набежавшие волны
лизжут полоску песка.
Кажется, где-то колеса скрипят...
Снова плещет весло...
Повозка путника по склону холма
катится издалека.
Женщины трудятся во дворах:
слышится шум станка.

Я скиталец, и для себя
не желаю судьбы иной.
Случайно спустился в бренный мир —
наутро уеду прочь.
Вспоминать напрасно, где и когда
эти звуки слышаны мной...
На востоке едва забрезжил рассвет.
Просьшаюсь в лодке, хмельной.

О МОИХ ЧУВСТВАХ В РАЗЛУКЕ С ДОМОМ,
ПРОДОЛЖАВШЕЙСЯ ОДИН МЕСЯЦ

Помню, всего на одну луну
покинул родимый дом.

Полсрока прошло: месяц уже
стал половинкой луны.

Знал, что именно в эту ночь
меня вспоминать должны.

Тогда и была сильнее всего
тоска о крае родном.

ТОЛЬКО ВЫЕХАЛ ИЗ ЗАПАДНЫХ ВОРОТ,
НОЧЬЮ ПРИЧАЛИЛ К БЕРЕГУ

Каркает ворон. Светит луна.
Равнина пуста-пуста.
Обернулся и вижу: город вдали
не скрыла еще темнота.
Покинув семью, в первую ночь
начинает скучать человек.
Далекий колокол. Плеск весла.
Ночью возле моста.

Сплошной песок. В дымке луна.
Путник еще не спит.
Звуки песен из винной лавки.
Лампа в окне горит.
Отчего сегодня, отправившись в путь,
ночью у самых ворот?..
Все как тогда на реке Циньхуай:
лодка у темных ракит.

В ЛОДКЕ ПРИБЫЛ
НА ПОЧТОВЫЙ ПРИЧАЛ В ДАНЬЯНЕ

На причале почтовом купил вина,
любуюсь гладью речной.

В соседней лодке огонь развели,
голоса в тишине ночной.

Далеко от дома заехал я —
впервые понял сейчас.

В селении малом встречаю рассвет
за городской стеной.

НОЧУЮ ПОД ГОРОДОМ УСИ

Лодка во рву городском, где ивы
свисают над гладью вод.
Никак не хочет криком петух
возвестить открытие ворот.
Слышу звук водяных часов
в башне сторожевой.
Вижу горный хребет вдали,
когда зарница блеснет.

Вовсе заброшен вал городской,
заметны следы войны.
Однако же стали дороги вокруг
не так, как прежде, страшны.
В утлой лодке сижу один
и на огонь гляжу.
Горожанам не уподоблю себя,
спокойно видящим сны.

ПО ДОРОГЕ В СТОЛИЦУ ВСТРЕТИЛ ДРУГА,
ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ НА РОДИНУ

Иду на чужбину,
вы — в родные края.

Нас на дороге
случайно судьба свела.

Привет передать
с вами хотел бы я.

Прежде спрошу:
как в столице дела?

НОЧЬЮ СИЖУ
НА ЗАПАДНОМ КРЫЛЬЦЕ ХРАМА ТЯНЬЦЗЕ

Луна взошла.
Храм тишиной объят.
Освещенный луной
один сажу на крыльце.
Пустынно вокруг —
монахи давно уже спят;
Я одинок:
мысли к дому летят.

Светлячки огоньками
в тумане кажутся мне.
Ветер в ветвях —
цикады умолкли давно.
Любуюсь природой
в глубокой ночной тишине...
Но ничто не сравнится
с садом в родной стороне.

СЛУШАЮ ШУМ ДОЖДЯ,
ДУМАЮ О ЦВЕТАХ В РОДНОМ САДУ

Столичный город, весенний дождь,
грустно прощаюсь с весной.

Подушка странника холодна.
Слушаю дождь ночной.

Дождь, не спеши в мой родимый сад
и не сбивай лепестки.

Прошу, береги, пока не вернусь,
цветы хоть на ветке одной.

НОЧЬ В КОНЦЕ ВЕСНЫ

Отрезвел. Пишу на прощанье стихи —
уже уходит весна.

Мелкий дождик, увядшие лепестки,
в цвету еще ветка одна.

Дальние дали не манят взор.
Тонок трав аромат.

Путник грустит этой весной
так же, как год назад.

ЖИВУ В СТОЛИЦЕ,
В КАЗЕННОМ ЖИЛИЩЕ

Кто упрекнуть посмеет меня,
если со службы уйду?
В тихой деревне скромная жизнь
привлекательна для меня.
Здесь раскидисты и зелены
деревья в старом саду.
Синие горы и монастырь
за оградой, на виду.

Рано кончаю службу свою
и свободен вполне.
Даже во сне почти никогда
не возвращаюсь домой.
Надеюсь, ничто не должно помешать
дела закончить к весне.
Одежды пожалованные — одни
на память останутся мне.

НОЧЬЮ ПИШУ ПИСЬМО ДОМОЙ

Небо расчистилось,
в утунах луна мутна.

Занавеска шуршит,
лампа возле окна.

Путник усталый
всеми в келье забыт.

Письмо пишу;
в одиночестве не до сна.

ПОСЫЛАЮ ПИСЬМО ДОМОЙ

Пишу домой. Исправляю не раз
строчки черновика.

Боюсь, в пути погибнет письмо —
дорога так далека.

А если вдруг, весточку получив,
родные сильнее загрустят? —

Не смею писать, как мучит меня
в дальнем краю тоска.

ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ИЗ ДОМУ

Письмо от родных
еще не успел прочитать,

Но стало спокойней,
не мучаюсь больше тоской —

Под лампою тусклой
на конверте увидел печать,

Начертаны знаки
«дома мир и покой».

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ,
ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ИЗ ДОМУ

Получил наконец из дому письмо —
сразу радость в душе:

На конверте знаки «мир и покой»
успел прочитать уже.

Письмо прошло тысячи ли —
дорога сюда далека.

Не смею наспех его читать
возле тусклого ночника.

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ,
УЗНАЛ О БОЛЕЗНИ ДОЧЕРИ

Кончается год, а когда домой,
еще не ведаю я.

Не знал, что ты тяжело больна,
кто ж приласкает тебя?

Чужие дети смеются, кричат.
Стемнело уже на дворе.

В печали один коротаю ночь
в дальнем монастыре.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО СНЕ

I

Отчего же ночью так часто
возвращаюсь домой во сне?

Привыкнуть, наверное, трудно
скитаться в чужой стороне.

Просыпаюсь, а рядом не вижу
никого из своих родных,

Словно в то первое утро,
когда я покинул их.

II

Вдруг приснилось: еду домой,
лодку качает вода.

Путь знакомый — та же река,
по которой приплыл сюда.

Близким моим не пришлось узнать
дороги в этой дали.

Как же ночью они, во сне,
оказаться рядом смогли?

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕСНЕ

Бабочкой легкой среди ветвей
летаю-кружусь во сне.

Глухая ночь в покое пустом,
луна скользит по стене.

Как очутился в горах Лофу,
в таком далеком краю?

Ароматные тени вокруг меня,
охмелел и стихи пою.

ХОЛОДНОЙ НОЧЬЮ В ЛОДКЕ ПО ОЗЕРУ
ПЛЫВУ К ВОСТОЧНОМУ ДОМУ

Озерный залив. Рыбачье селенье.
Луна стоит в вышине.
Звонко разносятся над дворами
крики гусей в тишине.
Окутан туманом прибрежный храм,
колокол тихо звучит.
Давно причалили рыбаки,
пора бы домой и мне.

Холодный ветер свистит-свистит,
и вал холодный высок.
Жалею, что нет кувшина с вином;
в лодке я одинок.
Сосед еще не ложился спать,—
наверное, ждет меня.
Тусклая лампа в желтой листве.
Жужжит на станке челнок.

ВОЗВРАЩАЯСЬ НА ВОСТОК,
ПРИБЛИЖАЮСЬ К МОСТУ ФЭНЦЯО

Здесь друг в столицу меня провожал
в далекую ту весну.

До заката в лодке у берега мы
дань воздавали вину.

Волнуюсь — именно здесь на память
ветку ивы сломал,

На встречных с завистью я смотрел —
возвращались в родную страну.

ВОЗВРАЩАЯСЬ В У, ДОСТИГ МОСТА ФЭНЦЯО

Некогда здесь была пагода, теперь остались одни развалины.

Похоже, вдали городская стена...
боюсь себя обмануть.
Не показалась гора Циньшань,
знакомой пагоды нет..
Удостоился должностей и чинов —
не в них, очевидно, суть.
Знакомый говор слышу опять,—
значит, к дому привел мой путь!

В дымке заката скрыт монастырь,
Ворон кричит в тишине.
Над осенней водою пустынен мост.
Молодые утки летят.
Посылать домой письмо за письмом
больше не нужно мне.
Одежды парадные скоро сниму
здесь, в родной стороне.

ИЗ СТИХОВ, НАПИСАННЫХ В ДЕРЕВНЕ

В краю восточном жилье
мне удалось найти.
Подыскал удобный валун —
рыбу с него удить.
Дождливое утро —
влажный ивняк на пути,
Ветреный полдень,
рис кончает цвести.

Стараюсь не вспоминать
прежнюю службу мою.
Стараюсь не отвечать,
когда на службу вернусь...
Чиновничья шапка
удивительна в здешнем краю:
Выучусь шить —
и крестьянское платье сошью.

ВО ХМЕЛЮ ВОЗВРАТИЛСЯ ДОМОЙ; НОЧЬЮ ПРОСНУЛСЯ, УСЛЫШАЛ ШУМ ДОЖДЯ

Очнулся от сна,
слушаю шелест дождя.
Яркая лампа;
тает ночь, уходя.

Возле окна
осенние листья лежат —
Ночью, наверно,
кружился-шумел листопад.

Забыл, как вернулся, —
был охмелевший такой:
Спальню свою
за гостиничный принял покой.

ВЕЧЕРОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ,
ПЕРЕБИРАЮСЬ
ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ ПОТОК

Быстрый поток
вьется-течет по горам.
У самого берега
старый заброшенный храм.
В этой глуши
встретится редко монах.
Приветливы люди
на рынках и в деревнях.

Глубина небольшая —
переправляюсь на лошади вброд.
В чистой воде
быстрая рыба снует.
Сочувствуя мне,
над потоком встала луна.
В сумерках ранних
осветила дорогу она.

В ДОЖДЬ ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ
НА ЛОДКЕ

Дождь проливной,
обезьяний доносится крик.
К низкому берегу
челнок одинокий приник.

Бликие горы
еще не скрылись во тьме.
Уже различаю
в дымке храм на холме.

Холоден вечер,
темнеет сизая даль.
Один возвращаюсь,
грудь стеснила печаль.

В ВОСТОЧНОМ ДВОРЕ ХРАМА ЮНЪЯНЬ

В храме древнем сижу у окна,
зеленеет ранний бамбук;

Только утихли звуки дождя,
птицы запели вокруг.

Как печаль, бесконечен ветер весной;
цветов не видно во мгле.

Из дальних краев залетел лепесток
в тушечницу на столе.

К КАРТИНЕ «ПРОВОДЫ ЧЕЛОВЕКА,
ПОЛУЧИВШЕГО АУДИЕНЦИЮ У ИМПЕРАТОРА»

Чем больше путь, разделяющий нас,
тем острее печаль.

Ночные тучи с опавшей листвой
скользят по темной воде.

Плывешь по реке — призывают дела,
весла уносят вдаль...

Помни, на друга в родном краю
опереться сможешь в беде!

ПРОЩАЮСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ,
УЕЗЖАЮЩИМ В СЯН

Парус поставил —
в разлуке так одинок;

Следом за вами
отправляюсь в чужие края.

Цветы облетают,
плывет меж теней челнок...

Путь по реке,
верно, не так уж далек.

ПРОЩАЮСЬ С ГОСПОДИНОМ ЧЖАН ЧЖЭНОМ,
УЕЗЖАЮЩИМ НА ЮГ

Старый друг покидает сегодня дом,
остаться никак нельзя.
Когда же встретимся мы опять? —
Опасна ваша стезя.

Долог будет скитальца путь —
до поздних осенних дней.
Смута кругом, потому и печаль
от разлуки много сильнее.

На закате в беседке выпьем вдвоем
прощальную чашу вина...
Ливень холодный, речной простор —
лодку торопит волна.

Простились. Остался совсем один,
закрыв поплотнее дверь.
Стихи, тоскуя, лежат кругом —
кто их оценит теперь?!

ДУМАЮ О ЯНЕ, СЮЕ И ДРУГИХ ИЗГНАННИКАХ;
ВСПОМИНАЮ ГОДЫ, КОГДА В САДУ СИЮАНЬ
МЫ СЛУШАЛИ ПЕСНИ

Опали цветы в знаменитом саду,
никто не бродит хмельной.

Друзья не вернутся. Угас давно
свободной праздности дух.

Не надо грустить в дальнем краю,
что песни не радуют слух:

Услышишь песню — сразу сильнее
тоска по стране родной.

ПРОВОДИВ ЧЖАН ЮЯ,
В ПОЛНОЧЬ СИЖУ ДОМА

Колокол дальний
звучит в опустелом дому;
Грустные мысли
печальной текут чередой.
Гуси, крича,
улетают в дождливую тьму;
Путнику зябко
в утлом челне одному.

Лампа осенняя —
палые листья видней.
Лодку ночную
стремнина уносит вдаль.
Только простились —
печаль с каждым часом сильнее;
Сейчас оценил
радости прежних дней.

СНЕЖНОЙ НОЧЬЮ ВСПОМИНАЮ СТИХИ ЧЖОУ

Снег в бамбуках
 лампой ночной освещен;
Спальный покой
 холоден, уединен.

Возле окна
 совсем одиноко мне —
В памяти встречи
 с другом в родной стороне.

Радости мало
 стихи читать одному.
Молча сижу,
 глядя в ночную тьму.

ЧИТАЮ СТИХОТВОРЕНИЯ СЮЙ БЭНЯ ИЗ «СОБРАНИЯ СЕВЕРНОЙ СТЕНЫ»

С радостью старого друга стихи
 перечел строку за строкой.

Стихи сохранились, его уже нет —
 радость сменилась тоской.

Ночью дождливой у лампы сижу.
 Пусто в доме моем.

Забуть не могу, как эти стихи
 мы читали вдвоем.

НОЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Ворон не встрепетает в ночи,
 стих барабана стук.
За окнами дождь шелестит в тростниках,
 холод и сумрак вокруг.

В восточном доме пирушки разгар —
 громкие песни слышны;
В западном доме стенанья и плач —
 Не вернулся кормилец с войны.

С кем о новых своих стихах
 нынче поговорю?
На жену, освещенную яркой лампой,
 в молчании грустном смотрю.

РАННЕЙ ВЕСНОЙ ПОСЫЛАЮ ВАН СИНУ

Бурлит, клокочет вода в реке —
весна вернулась опять.
Душу объемлет глубокая грусть —
никак ее не унять.

На одежду слезы потоком текут.
Горы безлюдны вдали.
В прошлом опоры найти не могу —
древние книги в пыли.

Случайные встречи, пустые слова
заполняют тоскливый досуг.
Много знакомых, но всем я чужой —
далеко единственный друг.

В печали десять лет протекли,
никто не утешит меня.
Только и радость — соседи мои —
близкая ваша родня.

В ЛЕСУ

Стынут деревья,
осень дохнула с гор.

Облака поредели,
Светел речной простор.

В чаще лесной
нынче я одинок.

С кем отыщу
поздний осенний цветок?

ГРАЧИ УЛЕТАЮТ НА ЮГ

Грачи на закате
кричат, по деревьям снуют,
К ночи спешат
в лесу отыскать приют.

Вослед лебедям
они полететь не смогли.
Дикие гуси
давно уже скрылись вдали.

Селенье глухое,
речушка струится на юг,
Вьется дымок
над крышами ветхих лачуг.

Как трудно зимою
птице в лесу отыскать
Ветку надежную,
чтобы ночь скоротать.

ХРИЗАНТЕМЫ У ТРОПИНКИ

Шел не спеша
по тихой тропинке лесной,

Ввысь поглядел —
над Южной гордою закат.

Не надо вина —
красотою цветы пьянят.

Капли росы,
в холоде свеж аромат.

В ЛЕСУ ВОЗЛЕ ВОСТОЧНОЙ НИЗИНЫ

Безлюдны тропинки, пустынен лес,
листья лежат ковром.

Только крестьяне окрестных сел
ходят по этой тропе.

Как мне до Лянского сада дойти,
обрадовать гостя письмом?

Стихи, что внезапно здесь родились,
запишу в безлюдье лесном.

НОЧЬЮ ПЬЮ В ЗАЛЕ ЮАНЬЮН

Яркая лампа
светит в ночную мглу.

Мокрые листья
лежат за окном у стены.

Гость захмелевший
давно уже видит сны.

Осенний сверчок
сам себе напевает в углу.

К РАЗНЫМ КАРТИНАМ

I

Горы безлюдные
лесом густым поросли;

Клубится-плывет
осенний туман у земли.

Горная хижина
в белых сквозит облаках.

Вдоль облаков
к дому бредет монах.

II

Вижу: монах
из приречного монастыря

Паруса поднимает
у пристани, там, вдалеке.

Ветер крепчает,
уже догорает заря...

Правит бесстрашно
по бурной весенней реке.

III

Берега каменисты,
меж валунами — кусты:

Речушка бурлива —
с уловом не повезло.

Решил возвратиться,
успею до темноты.

Глянул на горы —
и вдруг опустил весло.

IV

Ветер свиреп
над широкой южной рекой,

Сборщики лотоса
спешат вернуться домой.

В лодке у берега
один коротаю ночь,

Кричат обезьяны,
а плакать уже невмочь.

V

Редкие ивы,
тени мелькают вокруг.

Бреду на закат,
впереди осенний поток.

У берега лодочник
готов привязать челнок,

Поджидает, пока
причалит вернувшийся друг.

VI

Еду на ослике,
к ночлегу спешу дотемна.

Горы пустынные,
не сыщешь деревьев мэй.

Извелся совсем —
дорога очень длинна:

День за днем
вьется-кружится она.

VII

Закатное солнце,
цепи горных вершин.

Реку на юге
скрыла вечерняя мгла.

Где-то вдали
чуть слышные колокола.

Отшельник-монах
к храму бредет один.

VIII

Вьется поток,
зеленеет внизу под мостом.

Деревья весенние
скрыты в тумане густом.

Кто усомнится,
что укромна обитель моя? —

Тысячи гор
и один-единственный дом.

IX

Раннее солнце,
в золотистом тумане река.

Ветер подул —
дождевые ушли облака.

В какие края
вас призывают дела?

На юг далеко
дорога моя пролегла.

X

Вершина горы
вечерней окутана мглой,

Закатное солнце
опустилось в рыбачий челн.

Окончился лов —
рыбаки возвратились домой.

Я одиноко
плыву средь холодных волн.

ХІ

Листья ивы
плавают в тихом пруду,
Астры к рассвету
осыплются в старом саду.
В час предзакатный
спросить бы кого-нибудь:
К Южному холмику
в лодке долог ли путь?

ХІІ

Горные птицы
ищут в горах ночлег.
В роще бамбука
не скроешься — ветер жесток.
Взмыли в испуге —
сверху посыпался снег.
Шорохи крыльев.
Мерзнет в дому человек.

ПУТЕШЕСТВУЯ, ВРЕМЕННО ПОСЕЛИЛСЯ НА МОНАСТЫРСКОМ ПОДВОРЬЕ

Дверцу плетеную снова открою
прямо в чащу бамбука.
Вновь пришлось сюда возвратиться,
а сколько уж раз возвращался.
Лес опустел — не встречаю монахов,
тихо, не слышно ни звука.
Вот утешенье: еще сохранилась
сливы цветущая ветка.

ОСЕННЯЯ ИВА

Ивовых веток сломать захотелось,
но уже не хватает силы.

В усадьбе теперь не сыскать, как прежде,
нежных побегов ивы.

И тотчас, едва о Хуане подумал,
тоска меня охватила.

Закатный дождь и осенний ветер
над южным бушуют поречьем.

ИВА К ЮГУ ОТ СТЕНЫ

Тонкие ветви печально поникли,
тень густая легла.

Берег реки, темнеет дорога,
крепостной огибая вал.

Только вчера эти нежные ветви
на прощание я ломал.

Нынче взглядом туда устремился —
все скрыла ночная мгла.

ЛЯНЧЖОУСКАЯ ПЕСНЯ

За стеною заставы плакучая ива
надела осенний наряд.

Путник в лучах заходящего солнца
один вдалеке бредет.

На запад с высоких Луншаньских гор
в тоске устремляю взгляд

И вижу: только река Хуанхэ
к дому, в Китай, течет.

ПЕЧАЛЮСЬ О ВЕСНЕ

Уже позади половина весны —
пролетела-умчалась куда-то.

Опять возвратилась моя печаль —
не заставишь весну помедлить:

Закатное солнце, плывут облака,
от вина на башне хмелею.

И словно все позабыл слова —
вдыхаю цветов ароматы.

ПРОЕЗЖАЮ ГОРНОЕ СЕЛЕНИЕ

Слышно, сквозь шум бегущей воды
где-то прялка стучит.

Мостик под сводом вешней листвы,
минуло время цветов.

Вдруг чудеснейший аромат
ветер донес из-за гор.

Это в селении у перевала
готовят полуденный чай.

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ТЕРНОВНИК, БАМБУК И ТРЕХ ПТИЦ

Среди колючек пробился на свет
бамбука нежный росток.

Холод пронзителен — птицы втроем
угнездились уже на ночлег.

Вышла луна — растревожила сон,
сияет в горном окне.

И непонятно, какая из птиц
крикнула вдруг в тишине.

ПЛЫВУ ПО ОЗЕРУ НА ЮГ, НОЧУЮ В ЛОДКЕ

Простились, но я далеко не отплыл —
у пристани заночевал,

Утихли волны, лодка крепка —
даже утро проспал.

Петух полдневный где-то пропел,
видно, деревня близка.

Но сколько придется мне плыть туда?
Путь окружный не мал!

НАД ИВОВЫМ ПРУДОМ ЛЕТИТ ЛАСТОЧКА

Легкая, верткая ласточка вьется,
ветрено по вечерам.

Пух по весне осыпали ивы —
ветви прозрачно-пусты.

Тени деревьев вдали исчезают —
пал покров темноты.

Где же окно с неопущенной шторой,
где же красotka живет!

ПРЕПОДНОШУ ПИСЬМОВОДИТЕЛЮ ЛУ

Из леса вечернего голос донесся —
кто-то читает вслух.

Теперь я знаю, в облачной выси
скрылся отшельнический скит.

С цинем певучим вхожу в ущелье —
голос слабее звучит...

Отшельника мне отыскать бы хотелось —
песней его почитать.

ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ НА ПРИРЕЧНОМ ПОДВОРЬЕ ПИШУ О ЧУВСТВАХ

1

Тоску свою путник едва превозмог,
в молчание погружен.

К окошку прильнул редкий бамбук,
ливень темной стеной.

Средь рек и озер я одинок,
единственный гость ночной.

Как все-таки тяжело, если в пути
тебя настигает тоска.

Знобкий воздух ранней весны,
селенье, вода кругом.

Грустно, нету даже вина,
не выхожу за порог.

Тусклый светильник, рожок расписной,
в сумерках дождь за окном.

Путник-чужак и цветы мэйхуа
вместе грустят об одном.

ДОЕХАЛ ДО ЮЙАНЯ;
ДУМАЮ О СТИХАХ ВАН ГЭНЮНЯ;
ПОСЫЛАЮ СЮЙ ЛЯНФУ

1

Буддийский отшельник живет в скиту,
в соседстве — отшельник-даос.

Один обрит, а другой космат,
и оба — в преклонных годах.

Они, бывало, спорили здесь,
кто лучше готовит чай.

Беседка на склоне. Густым бамбуком
восточный берег зарос.

2

Поднялся на холм и спустился вниз
в поисках родника.

Сосновая дверь, тропинка в плющах,
а день прохладен слегка.

Лишь обезьяны да стаи птиц
знают эти места.

Вечерний туман клубится-плывет,
колокол издалека.

НОЧЬЮ ВОЗВРАТИЛСЯ ХМЕЛЬНОЙ

Вернулся хмельной, а ворота закрыты,
прилег на земле у ограды.

Уснул и даже забыл на время
все горести и печали.

И вдруг призывные звуки рога —
проснулся и сел в испуге.

Луна освещает валы боевые,
морозно, пятая стража.

ВЕЧЕРОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ

Дождь прошумел, вспенил ручьи,
как гром, гремит водопад.

Лес пламенеет — умыта листва,
осени зрелой пора.

Воздух прохладен; выпался я
в монастыре Тяньфэнсы.

Взять бы на время здесь паланкин —
к закату поспею домой.

ПРОХЛАДНАЯ НОЧЬ

Свирель одинокая вдалеке,
валек стучит без конца.

Стена у воды в свете луны,
полночь, глухая пора.

Не спится, в постели сел, опершись,
приятно думать во тьме,

Уходит тень коричных цветов
с пустых ступеней крыльца.

ГЛЯДЯ НА ПОЛОВОДЬЕ ЦВЕТУЩЕЙ МЭЙХУА

1

Уже чуть-чуть проклюнулись травы
на берегу, над рекой.

Чем ярче весной пробужденная зелень,
тем горше на сердце печаль.

Снег поутру, но от дома к дому
спешу, в ворота стуча,—

Ведь те, кто сливу в цвету не увидит,
надолго теряют покой.

2

На монастырском дворе у реки
одинокая слива мэй.

Как часто весной заставляла она
переживать, волноваться.

И нынче бутонов все нет и нет,
душа уже истерзалась.

А значит, завтра приду сюда,
опять томясь ожиданьем.

3

Грубые души понять не могут
прелесть весенней сливы.

Цветет одна на глухом пустыре,
кругом терновник колючий.

Дождь морозящий, восточный ветер
враз лепестки осыплет.

Вот прихожу и смотрю с восторгом,
слезы сдержать нет силы.

КОНЕЦ ВЕСНЫ В ЗАПАДНОМ САДУ

В зрелые лета не так опечален
скорым уходом весны.

Радует новое время года,
деревьев зеленый наряд.

И, вдохновившись, стихи напеваю,
солнце идет на закат.

Двери закрою, ведь певчие птицы
нынче почти не слышны.

НА РЕКЕ ЗАДЕРЖАН ДОЖДЕМ

В лодке лежу; не смолкая, бурлит
река во мраке ночном.

Ветра порывы и струи дождя
бьют в кормовое окно.

Путник вот уже третий день
не может тронуться в путь,

Только во сне чайке вослед
мчит на просторе речном.

ЧУВСТВА В ПРАЗДНИК ЦИНМИН

Чей это дом в гуще деревьев,
где лампа уже зажжена?

Качели, косое закатное солнце,
глухое безлюдье кругом.

Грусть, одиночество ранят сердце
в Чанчжоуском парке пустом.

С иволгой вместе цветы тоскуют,
печальна-печальна весна.

В ОБИТЕЛИ КАЙЮНЬСЫ В ЗАЛЕ ЗЕЛеной ТЕНИ ЛАКОМЛЮСЬ РОСТКАМИ МОЛОДОГО БАМБУКА

Вхожу в обширный лес монастырский,
открыв калитку в ограде.

Как часто бамбуковые побеги
мне здесь приходилось жарить.

И после дождя, смотрю, сохранились
ростки молодого бамбука.

В высоком зале снова люблюсь
густою тенью зеленой.

В ГОРАХ РАССТАЮСЬ С НИН-ГУНОМ,
ВОЗВРАЩАЮСЬ В СИУ

Когда поднимался к храму, увидел
на небе отсвет закатный.

Селенье, деревья на склонах песчаных
в сумерках чуть различимы.

Старец-монах из обители горной
с гостем проститься не вышел.

Лишь звон колокольный сопровождает
меня на дороге возвратной.

ГУЛЯЮ ВДОЛЬ ОЗЕРА СИХУ

Ивы купают зеленые ветви
в озерной влаге прозрачной.

Цапли и чайки взмыли в испуге —
челн расписной проплывает.

Песня «Байчжоу» все тише и тише,
ветер к закату крепчает.

Дева тревожится и робеет,
вечер холодный и мрачный.

ХРИЗАНТЕМЫ И БАМБУК

Цветы вечерами слабее пахнут —
осень тому виною.

По тропкам заросшим никто не ходит,
обильны белые росы.

Ни с хризантемою, ни с бамбуком
не сравнятся ива и лотос.

Ладьи расписные к озерному берегу
плывут одна за одною.

ВО ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ, КОГДА,
ПОЛУЧИВ ПОВЕЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА
СОСТАВЛЯТЬ «ИСТОРИЮ ЮАНЬ»,
ОТПРАВЛЮСЬ В СТОЛИЦУ

Государев приказ —
вмиг повозка запряжена.
Ночь минует — и в путь,
до столицы дорога трудна.

Небывалая честь
мне дарована щедрой судьбой,
А на сердце тоска:
впереди расставанье с тобой.

С той поры, как женой
поселилась ты в доме моем,
Сколько тягостных дней,
не ропща, пережили вдвоем.

И казалась легка
даже вечная нищета.
Привлекала в тебе
добродетель, а не красота.

На дворе холода,
мы с тобою, как прежде, бедны.
Уезжаю, в душе
унося ощущение вины.

Но и медлить нельзя —
государева служба не ждет.
Как сумею тебя
уберечь-защитить от невзгод?

Хлопотала всю ночь,
снаряжала заботливо в путь,
И с утра на ногах —
как всегда, позабыв отдохнуть.

Час разлуки настал,
ты с детьми на пороге, в слезах.
«А вернетесь когда?» —
прошептала с надеждой в глазах.

Вот уж дом далеко,
за покровом сгустившейся тьмы,
И гряда облаков
скрыла реку, родные холмы.

Осуждает мудрец
тех, кто в праздности годы прожил.
Я нужде вас обрек —
почему ж до сих пор не служил?

Ведь о службе мечтал,
но царила смута в стране.
Нынче пост получил,
только что-то невесело мне...

Ешь, прошу, посытней,
за былое меня прости.
Я ведь скоро вернусь,
не тоскуй одна, не грусти.

ВОСХИЩАЮСЬ ТРАВой ПОД СТЕНОЮ

Нежно-зеленая
трава проросла под стеною.

Ей не помеха
даже иней морозный.

Эти приметы
весны, хотя бы и поздней,

Радуют больше,
чем самая ранняя осень.

ВЕЧЕРОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЗАПАДНЫЙ ХРАМ

Домой возвращаюсь,
покинув соседний храм.

На звон колокольный
в тумане бреду по горам.

Собака залаяла
среди густого бамбука.

Закатное солнце,
за мной моя тень по пятам.

ЗАПАДНЫЙ СКЛОН

Душистые травы,
звонкий поток струится.

Ветер весенний,
тропинку порою не вижу.

Пора возвращаться,
Тьма успела стуситься. \

Закатное солнце
к вершине все ближе и ближе.

В ДОМЕ НАСТАВНИКА

Темный бамбук
стебли склонил над дорогой.

Отсвет дрожащий
луны в оконце убогом.

Горный отшельник
давно погружен в созерцанье.

Душу его
осенние звуки не тронут.

НАВЕСТИЛ ЮНЬЯНЬСКОГО ЧЭНЯ —
ОТШЕЛЬНИКА В ГОРАХ СИШАНЬ;
ДОЖИДАЯСЬ ЕГО,
НАПИСАЛ ЕМУ В ПОДАРОК СТИХИ
О СВОИХ ЧУВСТВАХ

Горлицы крик
в бамбуковой роще густой.

Легкой прохладой
осень наполнила храм.

Старый отшельник
еще не вернулся домой.

Ветер и дождь
- ждут его вместе со мной.

В САДУ НА ОДНОЙ ВЕТКЕ
ГРУШЕВОГО ДЕРЕВА
РАСПУСТИЛИСЬ ЦВЕТЫ

Долго весна
медлила, не приходила.

Нынешним утром
цветущую ветку увидел.

Дрогнуло сердце:
вдруг не в начале цветенье,

А на исходе,
и это — последняя ветка?

К РАЗНЫМ КАРТИНАМ МОЕГО ТЕСТЯ ЧЖОУ
ПО ПРОЗВАНИЮ ИНЫЦЗЮНЬ —
ЖИВУЩИЙ В БЕЗВЕСТНОСТИ

1

Под вечер на лодке
к дому плыву, тороплюсь.

В осеннем обличье
и небеса, и река.

Осталось немного,
скоро к родным ворочусь.

Селенье на отмели,
дикий снижается гусь.

2

Белый журавль
домой возвратился не в срок.

Ель и сосну
ночная окутала мгла.

Встала луна
над мостиком через поток.

Видно, как тень
от ветки бамбука легла.

3

Ветер и дождь
ушли за гребень вершин.

Осень настала,
водная гладь широка.

Не прилетела
белая чайка пока —

Путник на отмели
ее в одиночестве ждет.

Ветра порыв
листву над землею вскружил.

Диким бамбуком
сплошь заросли валуны.

С пруда порою
птичьи крики слышны.

Тихую хижину
сумрак осенний укрыл.

Повита туманом
далеких пиков гряда.

В келье укромной
прилег, затворив окно.

Шаги по листве —
в лесу ее нынче полно.

Узнал дровосека —
лишь он забредает сюда.

К ДРУЗЬЯМ СЕВЕРНОЙ СТЕНЫ

В молодые года
мы рвались в столичную жизнь,
Одержимы мечтой
заслужить почет и чины.

В час уособиц и смут
были наши надежды смешны.
Мне теперь не понять
заблуждения давешних лет.

Я повозку распряг,
на родной воротившись порог,
И по прежней стезе
ни за что меня не увлечь.

Хоть и бедно живу,
но зато не без добрых друзей:
Понимают меня
и в стремленьях едины со мной.

Мы нередко, сойдясь,
под высокой садимся сосной,
Попиваем вино —
между нами строгостей нет —

Только чашу поднял,
поднимает чашу сосед.
Разговоры и смех
все свободней тогда звучат.

Говорим не таясь —
откровенности каждый рад.
Да и что нам скрывать,
мы — любители чистых бесед.

Не стесняет ничто
эту жизнь средь лесов и полей.
Беззаботно брожу,
и свободна моя душа.

ВТОРЮ СУНЬ АНЮ. В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ ПОЛОН ВДОХНОВЕНИЯ

Вмиг весна налетела-примчалась,
и яблони все в цвету.

Только печалюсь, что душу смущает
буйство природы весенней.

Сколько уж лепестков облетело —
когда же их подмету?

С другом в курильницу готовим
«благовония ста смешений».

ПРОВОЖАЮ ИЗ ГОРОДА ОТШЕЛЬНИКА-НАСТАВНИКА СЮЙХАО

1

Так хочется с вами спуститься в лодку
и не возвращаться в город.

Тщусь-порываюсь, однако бессилен
умерить, горечь разлуки.

Стихами сплошь исписанный свиток
кладу вам в рукав халата.

Я вас провожу по реке осенней
хотя бы до ближней излуки.

2

Летящая тень от моей накидки
и вашей монашьей рясы —

Мы оба вслед осеннему ветру
ступили в лодку разлуки.

И вот: лишь парус на водной глади
да я у речной излуки.

Горюя, взглядом вас провожаю,
город в лучах закатных.

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ

Укрытое тенью весенней ущелье,
замшелое ложе ручья;

Откинул узорную занавеску,
уже поспевает чай.

Слуга говорит, что гость появился
и в дверь мою постучал —

Стихи к картине пообещал я,
вот он и торопит меня.

КРАСАВИЦА СРЕДИ ЦВЕТОВ КОРИЦЫ

Полон цветами коричневыми двор,
луна мерцает едва.

Платье отшельника мне ни к чему,
от чаши вина полупьян.

Вижу: красотка срывает цветы
и прячет себе в рукава —

Ночью такую шелка не должны
иначе благоухать.

РАДУЮСЬ,
ЧТО ПОВИДАЛСЯ С ЛЮ ХУИ И ЦАО ЦЗЮНЕМ

Весенний дождь заливает город —
никак не раскрыться бутонам.

Печалюсь, в окошко холодное глядя,
и чаши с вином не хватает.

Но рад, что сумели вы издалека
меня навестить и утешить,

Ведь утлый челнок-лепесток мой не в силах
проникнуть к вам сквозь заставы.

КОНЕЦ ВЕСНЫ В ЗАПАДНОМ САДУ

Изумрудно-зеленое озеро — травы
расцвели чистой влагой.

Краски весны еще не размыты
потоками буйного ливня.

Знаю, нынче уже повсюду
цветы облетели-опали,

Зато и на огороде, и в поле
во множестве бабочки вьются.

В ДОЖДЬ БЕЗЗАБОТНО ЛЕЖУ

Уют постели, на створках ширмы
поникие ветви бамбука.

Смотрю — вон ласточки угнездились
под нашей убогой кровлей.

Живу без забот, и давно уже душу
почти ничто не тревожит.

Жаль только дождь меня опечалил —
осыпал цветы с абрикоса.

НА РЕЧНОМ ПОДВОРЬЕ НОЧЬЮ, В ДОЖДЬ

Докучливо-нудные ветер и дождь,
уснул в непроглядной тьме.

И надо же было в такую ночь
Внезапно очнуться от сна!

Подушка постыла, и я одинок,
не видно ни зги, тишина,

И только голос ветра с дождем
опять тревожит мой слух.

ИЗ ЦИКЛА «ВОСЕМЬ ВИДОВ РЕК СЯОШУЙ И СЯНШУЙ»

4. НА РОВНЫЙ ПЕСЧАНЫЙ БЕРЕГ ОПУСКАЮТСЯ ГУСИ

К закату гуси стали снижаться
над речкой — здесь берег песчаный.

Они разрывают закатную дымку,
по небу — косые тени.

Неблизок был их путь к переправе,
но тут укромно-безлюдно.

И вот уже птица за птицею плавно
садится в густые плавни.

6. НА РЕКАХ СЯОШУЙ И СЯНШУЙ НОЧЬЮ, В ДОЖДЬ

Мрачные тучи накрыли Цанъу —
в округе темным-темно.

От ливней осенних взбухла река,
холод родится в ночи.

Храм Хунлоу; внизу под холмом
бамбук шуршит на ветру,

Да слышно еще, как колотится дождь
в лодочное окно.

ОСЕНЬЮ ГЛЯЖУ ВДАЛЬ

Под инеем лотос цветущий опал,
и ветер лепестки уносит.

Гусей вереницы двинулись в путь,
гость-путник на башню всходит.

Клубится туман над равниной пустой —
ей нет ни конца и ни края.

В Цзяннани, насколько хватает глаз,
повсюду царствует осень.

В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ РАЗМЫШЛЯЮ

Могучие воды река несет,
деревня в вешнем цвету.

Как прежде, к югу, в соседстве со мной
убогий приют рыбака.

Подолгу парус возвратный жду
с весенним грузом вина.

В клубящихся тучах меркнет закат,
вдруг шелест дождя по песку.

ВСТРЕТИЛ СЮЦАЯ У И ВНОВЬ ПРОВОДИЛ

Причалил лодку и тут же спешу
узнать о путнике вести.

Расстались еще до смутной поры,
вот смута к концу — и встреча:

И только сомкнулись руки, опять
надолго нам разлучиться...

В Наньлоу дождь на закате; вдали
колокол в храме приречном.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНЩИН ВО ДВОРЦЕ

Дворцовые девы, ведя хмельных,
на мшистые всходят ступени.

Над Западным садом сияет луна,
пирушка, снуют служанки.

Собачка спряталась среди цветов
и лает на чьи-то тени —

Глубокой ночью в запретном дворце
кто может быть посторонний?

КАРТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЕСЕДКИ
ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ГОРАХ ШУШАНЬ

Сизо-седая луна над горой,
деревья в светлом тумане.

К берегам озера Биланху
челнок спешит запоздалый.

Полночь, среди древесных стволов
все огонек не гаснет.

Знаю — укрывшись от глаз людских,
вы у окна зачитались.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ

В воде отражаясь, мосты круглятся,
сушатся верши и сети;

Еще прибывшая весенняя влага
не затопила деревья.

А путника на дорогах Цзяннани
в пору дождей и туманов

Зеленая поросль трав ароматных
только сильнее печалит.

В ПРИРЕЧНОЙ ДЕРЕВУШКЕ
ПИШУ НА СЛУЧАЙ

Над приречной деревней пролился дождь,
доспели сливы в садах.

Ветерок чуть веет, недвижная река,
и ласточки вьются-снуют.

Вот в лодочках лotosовые голубцы
крестьянам в поля повезли.

Вина из листьев бамбука вкусить
флажки над лавкой зовут.

ИЗ ЗАПИСОК О ПУТЕШЕСТВИИ ПО У И ЮЭ

ТОЛЬКО ЧТО ВЫЕХАЛ
ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЕ ВОРОТА, ПИШУ В ПУТИ

Год на исходе,
холод, но время в дорогу.
День для отъезда
сам я твердо назначил.

Дом покидаю,
хоть дома радостей много.
В путь отправляюсь,
хоть это и вправду опасно.

Чаша прощальная,
кончены долгие сборы.
Мчусь-погоняю,
словно от близкой погони.

В мой экипаж
впряжены резвые кони —
Вмиг промелькнули
предместья, окрестные горы.

Глянул на город, простился,
вернусь ли — не знаю.
Вечер росистый
туманом деревья окутал.

Так беспокойно
стало во время смуты —
Сколько народу
бедствует и голодает!

Вот на дороге
стали встречаться бродяги,
Враз захотелось,
чтоб кони резвее бежали.

Грустно на сердце,
хоть странник я добровольный.
Если уж выехал —
впору б забыть о печали.

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕПРАВЫ

Пока не вернулся
лодочник-перевозчик,

Стою — дожидаясь
под деревом на побережье.

Пронзительный холод,
похоже, и снег посыплет.

Торопятся люди
скорее добраться до дому.

В КРЕСТЬЯНСКОМ ДОМЕ В СЕЛЕНИИ ЦАЙЦУНЬ

Долетают с полей
звуки пахоты день напролет,

И дымками костров
занавешен западный лес.

В одиночестве жду —
может, скоро пожалует гость.

А в открытых дверях
предзакатное солнце стоит.

СОЧИНИЛ ВО СНЕ

Спокойствие, легкость —
прошла сердечная смута.

Безлюдье, безмолвье,
и лишь в отдалении — песня.

Вот ливень промчался,
вливается в окна прохлада.

Восходит над лесом
луна в прозрачном сиянье.

СЛУЧАЙНО ОКАЗАЛСЯ В ЛУНМЭНЕ В ГОРАХ ТЯНЬПИНШАНЬ

Порывами ветер,
лежат облака на вершинах.

Мечтал поселиться
в этих горах на востоке.

А здесь оказавшись,
все медлю подняться по склону.

В смятенье сердце —
боюсь, что уехать придется.

ПИШУ НА КАРТИНЕ И ДАЮ НА ПРОЩАНИЕ

Легкие лодки
к дому спешат на закате.

Перед дорогой
прощаемся за селеньем.

Горечь предчувствий,
Чуские горы не близко.

Каждое утро
буду к вам взором стремиться.

ПЯТЬ ГОРНЫХ КОТЛОВИН

В 15 ли к юго-западу от города в горах Хэншань есть пять известных с древности горных котловин. Описал их в пяти стихотворениях жанра «цзюе-цзюй» — «оборванные строки»

1. КОТЛОВИНА ФЭЙЦЮАНЬ — ВОДОПАДА

Пусто в горах,
эху привольно меж скал.

Ливень утих,
струится шумный поток.

Ветра порыв
пену и брызги сорвал.

Рдеющий лес
весь до листочка промок.

2. КОТЛОВИНА СЮЧЖУ — ТОНКОГО БАМБУКА

В горном потоке,
как в зеркале, — краски небес.

Тучи темнеют,
все гуще осенняя мгла.

Праздной душою
стремлюсь я к Чуским горам.

Крик журавлиный,
ветром пронизанный лес.

3. КОТЛОВИНА ДАНЬСЯ — КРАСНЫХ ЗАРНИЦ

Слышал давно
название это — Данься.

«Пьющий зарю»
обрел здесь тихий приют.

Утром зарницы
над горной грядой встают.

Рдеет в их свете
отвесных утесов стена.

4. КОТЛОВИНА БАЙЮНЬ — БЕЛЫХ ОБЛАКОВ

Облака разошлись,
и заведется дом в горах.

Вновь сомкнулись они —
и не знаю, куда идти.

Донеслись голоса,
значит, люди недалеко.

Как до них доберусь?
Одному не сыскать пути.

5. КОТЛОВИНА ФАНГУЙ — АРОМАТНОЙ КОРИЦЫ

Подняться хочу
к деревьям на склоне горы.

Вокруг — никого,
безмолвье, ночь, тишина.

Лишь веет слегка
прохлагою ветерок,
Да с редких цветов
летят под луной лепестки.

КАМЕНЬ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ

Расположен над прудом Цзяньчи в горах Хуцюжань

Навис над водой
могучей громадой валун.
Сколько людей
стекалось когда-то сюда...
Нынче не то:
ночами, в сиянье луны,
Ноги поджав,
один восседает монах.

МОЛОДОЙ МЕСЯЦ

Тоненький-острый
взошел на запад от Ивы.
Тенью неровной
крадется в покой дворцовый.
Ночью безлунной
долго не считаешь.
Чуть народившись,
месяц с небес уходит.

НЕ ВИЖУ ЦВЕТОВ

Как много раз расцветали цветы,
пока я в праздности жил.
Мирскую пыль на Ханшане стряхнул,
укрылся от новой весны.
Теперь не увижу цветущих деревьев,
минует меня печаль.
Цветы, занесенные ветром сюда,
разве же огорчат...

ТРЕТИЙ ЛУННЫЙ МЕСЯЦ
ВИСОКОСНОГО ГОДА

Не нужно в печали стихи писать,
прощаясь с гостьей-весной.

Так долгод год, а цветущим цветам
отпущен лишь краткий срок.

А в утешенье осталась еще
толика вешней красы.

Горюет небо вместе со мной
о благоуханной поре.

НАПРАВЛЯЮСЬ К ВОСТОЧНОМУ СКЛОНУ,
И ПУТЬ МНЕ ПРЕГРАЖДАЕТ ПОТОК

И не заметил,
как ушел далеко от дома.
Ветра порывы,
бреду среди ив шелестящих.

Дождь над рекою
был нынешней ночью обилен.
Паводок вешний,
поток преградил дорогу.

Вброд переправлюсь,
приподнявши полы одежды.
Разве дождешься
рыбака-перевозчика с лодкой...

ВЕРШИНА ТУЮЭФЭН —
ИСТОРГАЮЩАЯ ЛУНУ

Четвертая стража...
Внезапно встревожились птицы:

Гора посветлела —
восходит луна убылая.

В раскрытые двери
восточного терема вижу:

Она уместилась
в просвет меж вершиной и тучей.

ОТШЕЛЬНИКУ СЮЙЛИ.
ГЛЯДЯ НА ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР
У ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ЯНЦЗЫ

Если не вы
 в память о давней дружбе,
Кто отворит
 дверцу в плетеной ограде?

Дни коротки,
 вьется речная дорога.
Ветер высок —
 вест-кружит над селеньем.

Вам поднести
 свиток стихов мечтаю
И подарить
 прежних лет сочиненья.

Но не сыскать
 вспять гребущие весла,
Сердце полно
 мыслей неизреченных.

ПРОХОЖУ МИМО ДОМА ЛИГУНА

Скрыт, безлюден
 двор за стеною бамбука.
Нежных бутонов
 прелесть неизъяснима.

Вешний сумрак
 птиц заставляет смолкнуть.
Ветрено, звуки
 гонга, и снова тихо.

Здесь, избегнув
 пыли дольного мира,
Только и может
 жить буддийский наставник.

СЛЫШУ КОЛОКОЛ

У небесной черты
 все окутал густой туман.
Сквозь вечернюю мглу
 неотчетлива линия гор.

В тот далекий приезд . . .
догадался — там монастырь.
Отдыхая, глядел
на темнеющий в сумерках склон.

Неизбывная грусть
истомила, уснуть не дает.
Неужель обречен
слушать дальние колокола...

ГУН СИНЧЖИ

(ок. 1350)

ПОЛЮБОВАЛСЯ ИВОЙ
ЗА ВОРОТАМИ ЮНЦЗИНМЭНЬ

Вербная поросль недавно была
в сережки облачена.
Всего три дня коротких прошло —
в листву оделась она.
Молодую ветку сломаю одну,
в город ее отвезу.
Пусть горожане получают весть:
стала более поздней весна.

ЛАНЬ ЖЭНЬ

(ок. 1354)

В ГОРАХ ВЕЧЕРОМ
ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ

Возвращаюсь домой;
горная даль темна.
Омываю ноги;
отражается в речке луна.
У бедных ворот
сороки спокойно спят.
Между деревьев
снуют светляки допоздна.
Жена и ребенок
ждут меня и на этот раз.
Вареные овощи
нынче на ужин у нас.
Долго стою
в прохладе коричневых дерев.
Звездный Мост
поднят высоко сейчас.

ХУ ЧЭНЛУН

(ум. ок. 1367)

ПЕЧАЛЮСЬ О КРЕСТЬЯНИНЕ, НЕ ИМЕЮЩЕМ ВОЛА

Простирается поле до самых гор
сразу от края села.
Невозможно вспахать его одному,
если нет в хозяйстве вола.
Старый крестьянин ведет борозду,
сгорбившись над сохой.
Согнулись женщины под ярмом —
ноша весьма тяжела.
Обгорели спины, руки болят,
много сошло потов.
Недопахано поле, хотя до утра
трудиться каждый готов.
В камышовую хижину воротясь,
горькие слезы льют.
Кажется, будто режут волю
из голодных их животов.
Вспоминаю, как в прежние времена
бывал урожайный год.
Крестьянам служили сотни волов
для полевых работ.
Пришли беспорядки вместе с войной,
благие ушли времена.
Погибли волю, — крестьянин скорбит,
кто горе его поймет?
Опушка рощи зеленой травой
уже заросла сейчас.
Был бы в доме бычок — пошла бы трава
ему на прокорм как раз.
Нет у крестьянина больше сил
дождаться конца войны.
Плачет он, глядя, как в небесах
пасет вола Волопас.

ЛИНЬ ХУН

(ок. 1387)

ПЬЮ ВИНО

Конфуцианских мужей
восхищают былые года.
Древность хвалить —
их основная нужда.

Родись они прежде
дней государя Фу-си —
О чем бы стали
беседы вести тогда?
Древние люди
давно отошли во тьму.
Древние мысли
лишь по книгам известны уму.
Одна пустота
во многих тысячах книг.
Доверять невозможно
речению ни одному.
Круглый год
упиваться хочу вином.
Ведать в жизни
ни о чем не хочу ином.
Знайте, что человек,
пребывающий во хмелю,
В цепи вселенной
служит главным звеном.

ЮАНЬ КАЙ

(ок. 1361)

В СТОЛИЦЕ ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ИЗ ДОМУ

Три тысячи ли
поток струится речной.
Из дому письмо,
всего-то пятнадцать строк.
Строка за строкой
о разлуке ни слова нет.
Все только о том,
когда ворочусь домой.

НОЧЬЮ НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ
Опавшие листья шуршат-шуршат,
река бесконечно длинна.

И только путь обратно домой,
пожалуй, еще длинней.

Доносится шум ночного дождя,
крик перелетных гусей.

Найдется ли место, где бы тоска
не рвала скитальцу нутро?

ВСПОМИНАЮ ЛЯНСКИЙ САД

Страну объяли смута и хаос,
не стало в делах порядка.
Достойных сановников редко встретишь —
не то, что в годы былые.

Воды Ханьшуй луна озаряет,
но тени исчезли впервые.
И Лянский сад засыпало снегом,
да снег все никак не тает.

Кружится ивовый пух над прудом,
запахи сон тревожат.
Грушевый цвет в саду розовеет,
холод проник сквозь одежды.

И сестры Чжао ревнуют друг к другу
точно так же, как прежде.
Жаль, что нельзя из дворца Чжаоян
умчаться мне без оглядки.

ВСТРЕЧА В ЯНЧЖОУ

С тобой повстречались давным-давно,
еще в молодые года.

По городам Восточного У
выпили реки вина.

А нынче белых не счесть волос —
вся голова седа.

В дальнем Янчжоу ветер и дождь,
под одним одеялом ночлег.

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ
«ПРОЩАНИЕ С ЛИ ЛИНОМ»

В заповедном Шанлине деревья голы,
гуси летят на юг.

Пустынна дорога в тысячи ли,
по ней возвращаться послам.

Как трудно расстаться с друзьями надолго,
прощальные слезы текут.

А западный ветер треплет одежды
государевых верных слуг.

НОЧЬЮ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ
ПРИГРАНИЧНОЙ РЕКИ ХУАЙХЭ

Ветер шумит над Хуайхэ,
хлещет ливень ночной.

В западной башне допил вино,
слушаю крики гусей.

Не удивляюсь, что голова
стала совсем седой.

Осени краски в чужом краю
моей головы белей.

ВАН СЮНЬ
(1350—1401)

ДВОРЦОВАЯ МЕЛОДИЯ

Песни сборщиков водных каштанов
прервал налетевший ветер.

Ливень ночной взволновал-растревожил
гладь дворцового пруда.

Здесь тридцать шесть величавых башен
тянутся в поднебесье.

Только не знаю, которая ярче
в призрачном лунном свете.

ВАН РУН

(ок. 1398)

ВЕСЕННИЕ ГУСИ

Весенний ветер за ночь домчал
сюда, в далекий Хэньян.

От чуских рек до Яньшаньских гор
многие тысячи лет.

И вместе с весной к дому спешит
диких гусей караван —

Прекрасна чужбина, но птицы и те
долго здесь жить не смогли.

БЯНЬ ТУН

(вторая половина XIV в.)

КАРТИНА НИ ЮНЬЛИНЯ

В просвет облаков
открылись вершины гор.

Ветра порыв
осыпал листья с ветвей.

Беседки на склонах,
вокруг ни единой души.

Закатное солнце,
прозрачность осенних теней.

ЧЖЭН ЦЗИ

(XV в.)

ПОРТРЕТ КРАСАВИЦЫ ВОЗЛЕ ЦВЕТУЩЕГО ХАЙТАНА

Восточный ветер колышет-волнует
половодье цветов.

Красавица рукава протянула
к ветру, как во хмелю.

А на рассвете веселые птицы
песней звали зарю.

В недавнем сне уносилась красотка
к югу, в родной Цзяннань.

ЮАНЬ ЦЗИНСО

(вторая половина XIV в.)

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ,
НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН ЮАНЬМИН
ПО ПРОЗВАНИЮ УЛЮ-ПЯТЬ ИВ

Посох дорожный, плетеные туфли,
белый холщовый халат.

Год за годом в горах проходят,
осень сменяет весну.

Мальчика кличет, который приставлен
к ивам возле ворот,—

Легкий пух залетать не должен
дальше вершины Шитоу.

ЧЖАО ЮЙ

(вторая половина XIV в.)

ЗАВЕРШАЯ СЛУЖБУ

Уже три года скиталец-гость
томится в дальнем краю

И взор устремляет за реку, на юг,
но дома не увидеть.

И каждую ночь в сиянье луны
над городской стеной

Прозрачно-чистые слезы блестят
на дудочке из тростника.

ЧЖАО ЮТУН

(1364—1418)

ПОЛУРАСПУСТИВШИЙСЯ ЦВЕТOK СЛИВЫ,
НАРИСОВАННЫЙ СУНСКИМ ИМПЕРАТОРОМ
ХУЭЙ-ЦЗУНОМ

Окончен уже высочайший прием,
император слегка хмелен.

Рисует прекрасной сливы цветок —
полуоткрытый бутон.

Печально-тоскливо: умчалась весна,
покинула бяньский дворец.

Как ветвь одинокая — государь
в изгнании жить принужден.

ЦЗИНЬ ЧЭН

(первая половина XI в.)

ПУТЕШЕСТВУЮ ПО РЕКЕ

Струятся, струятся воды Янцзы,
путь по реке бесконечен.

Одинокий лебедь кричит под луной,
легкий ложится иней.

Скитаюсь долгие десять лет,
маюсь один на чужбине.

Так и не встретил еще земляка
о доме порасспросить.

ЛЮ ЦЮ

(1392—1443)

ГОРНЫЕ ОТШЕЛЬНИКИ

В излучке потока
укромное поселенье.

По горному склону
единственная тропинка.

Неужто и вправду
под сенью густого леса
Живут, как и прежде,
в уединении люди?

СЮЭ СЮАНЬ
(1389—1464)

ОБЛЕТЕЛИ ЦВЕТЫ СЛИВЫ
Под самую кровлей
сливовые деревца.
Цветы облетели,
ветер промчался вчера.
Понять не могу,
откуда нынче с утра
Тоскливые звуки —
флейты немолчный напев.

ЮЙ ЦЯНЬ
(1398—1457)

ПОДНИМАЮСЬ НА ГОРЫ ТАЙХАН
Западный ветер, солнца закат,
желто-зеленые травы:
Осень настала, плывут облака,
в небе кружится птица.
Тысячи ли позади — на висках
иней уже серебрится.
Странник, как прежде, торопит коня
ввысь по горному склону.

БЕЗЛЮДНАЯ ДЕРЕВНЯ
Деревня пустынна,
не топлены очаги.
Засуха и саранча —
пахарей бедных враги.

Те, кто постарше,
ушли пропитанья искать.
Малые дети
проданы за долги.
Ветер в домах,
рухнули кровли лачуг.
Лежит на постели
лунного света круг.
Правители местные
виновны в крестьянской беде.
Известить государя
было им недосуг.

ШИ ЦЗИН

(первая половина XV в.)

НОЧЬЮ НА ПРИЧАЛЕ
У СЕВЕРНОГО БЕРЕГА
РЕКИ БАЦЗЯН

Ночью один
в Саньба на лодке плыву,

Осень давно,
на ущербе луна в вышине.

Отмель, вода
журчит — и в сладостном сне

Переношусь
домой, в Восточное У.

ПО ДОРОГЕ НА ЮГ
ПОСЫЛАЮ ДРУЗЬЯМ И РОДНЫМ
В ЦЯНЬТАН

Путь предо мною — тысячи ли —
в край ядовитых туманов.

Вот и мечтаю, чтобы друзья
письма туда посылали.

Но и в Хэньян во веки веков
гуси не долетали.

Мне же еще от Хэньяна на юг
сколько придется проехать...

ЛЮ ЦЗИ
(1392—1443)

**ПЕСНЯ О ВОИНЕ,
УХОДЯЩЕМ В ПОХОД**

Перед разлукой
воин сказал жене:

«Жизнь или смерть
сулит далекий поход.

Если душа
до желтых ключей дойдет,

Сына сберечь
дай обещание мне».

**ПЕСНЯ О ЖЕНЕ ВОИНА,
УХОДЯЩЕГО В ПОХОД**

Мужу в ответ
тогда сказала жена:

«Знай, если в битве
смерть тебе суждена,

Если уйдешь
в глухую могильную тьму,

Стану я камнем,
жить без тебя не смогу».

ЮЙ ЦЯНЬ
(1398—1457)

ВОСПЕВАЮ ИЗВЕСТЬ

Мощный грохот тысяч ударов —
колют-буравят горы.

Жаркий огонь все жжет-выжигает
яростно, без передышки.

Дам я тело свое вот так же
сжечь-истерзать, не жался,
Только б остаться праведно чистым
в нашем суетном мире.

В КАНУН НОВОГО ГОДА В ТАЙЮАНЕ ПОХОЛОДАЛО

Что приуныл ты,
гость чужедальнего края?

Легкий морозец
вовсе не повод к печали.

Вешнему ветру
к нам коротка дорога —

Он притаился
здесь, в восточном покое.

ЦЯНЬ БИНДЭН

(ок. 1400)

СТИХИ О ПОЛЯХ И САДАХ

Весенние дни,—
стало тепло с утра.
Зимнее платье
уже постирать пора.
Чем же прикрою
тогда свою наготу?
Старая куртка
доходит едва до бедра.
Дома родные
чарку подносят мне —
Можно тепло
почерпнуть в подогретом вине.
Много не пью —
потом пахать тяжело,
Сеять пора —
скоро конец весне.
С усердьем большим
в поле тружусь дотемна.
Куртку сбросил —
осталась шапка одна.

Если работаешь
без устали целый день,
Даже в мороз
одежда не будет нужна!
Считаете, греет
богатого лисий халат?
Всегда у него
руки и ноги болят!

ФАНЬ ДЭН

(XV в.)

РАССТАВАНИЕ

Допили вино,
барабаны ударили враз.

Примчавшийся ветер
тугие надул паруса.

За гору зашли,
и скрылась лодка из глаз...

Песчаный откос
безлюден в закатный час.

ВАН ЦЗО

(XV в.)

ДВОРЦОВЫЕ ЖАЛОБЫ

Холод царит в расшитом шатре,
красоту мою не спасти.

Возле курильницы грустно стою,
постель приготовить лень.

Мерзну все время, изнемогла,
еще и не сплю почти.

Колокол гулкий торопит луну
за галерею уйти.

ЦЗАЙ ЦЗИНЬ

(XV в.)

ДУМЫ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РЕКАМ В ЧУ

В пору заката
лодка режет стремнину.
Осень, безлюдье,
длинные чуские реки.

Желтый тростник,
луна освещает равнину.
Красные листья
горный выбелил иней.

Путнику ночью
снятся надвратные башни,
Думы о доме
«пятерку овечек» прогнали.

Кто же разделит
чувство горькой печали?
Лодочник песней
только тревожит душу.

МА ЧЖУНСИ

(1446—1512)

В ХРАМЕ ЮАНЬСКОГО ШИ-ЦЗУ

Надгробье Ши-цзу, в поминальный храм
вечерний сумрак проник.
Столетия промчались, под зеленью мха
могильная скрылась плита.

И взгляд едва различает на ней
резной государев лик.
В Цзимэне безлюдье, годами никто
не навещает могил.

На ветхих столбах видны кое-где
монгольских знаков черты.
Стенная роспись еще хранит
картины былых побед.

Деревья состарились — на ветвях
цветов давно уже нет,
А белые совы и ночью, и днем
пронзительно-скорбно кричат.

ВАН ЮНЬФЭН

(вторая половина XV в.)

ПРОВОЖАЮ ГОСТЯ

На небе сгущаются черные тучи,
сулящие скорый дождь.

И снова гость меня покидает,
прощаясь, стоим у ворот.

Печально, а вот придорожная травка
и зелена, и свежа.

Она не знает, как часто близких
приходится в путь провожать.

ШИ ЦЗЯНЬ

(1434—1496)

БЛАГОВОННАЯ ОРХИДЕЯ

Пуст мой мешочек для благовоний,
цветы орхидеи опали.

Дикие заросли трав пахучих
укрыли дворцовые стены.

Думают люди, что сами собою
струятся слезы печали.

Смею сказать, что это неправда,—
ропщу на восточный ветер.

ЦЗАЙ ГУАНЬ

(ок. 1521)

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ ЯО ШАОШИ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ БАМБУК

Северный край, яростный ветер
тучи вскружил над заставой,

Взвевял песок, разметал в поднебесье
гусей перелетных стаю.

Путник... и тут же бамбук нарисован,
прозванный «внук дракона».

Кто же не знает, что «внуки дракона»
южнее Янцзы обитают?..

МА ЧЖИ

(конец XV — начало XVI в.)

ПЕСНЯ О ЧЖАОЦЗЮНЬ

Послали ее,
чтоб мир обрела граница,

И «бабочки-брови»
себя пожалеть не посмели.

Могильную насыпь
укрыла вечная зелень,

А память о давнем
в старинной песне хранится.

ЛИ МЭНЪЯН

(1473—1529)

ЖАЛОБЫ ФЕИ РЕКИ СЯН

Рву орхидеи
на северной отмели Сяна,
Листья срываю
деревьев по берегу Ли.

Реки прозрачны,
их воды в солнечных бликах.
Ласковый ветер
рассеял остатки тумана.

Тучи уходят
от пика Цанъу на запад.
Прячется солнце
за темный берег Дунтина.

Сколько же горя...
 видел бамбук пятнистый,
Если доньне
 хранит он следы рыданий...

ХРАМ В ЧЖУСЯНЬЧЖЭНЕ

Сунское кладбище,
 густая трава, тишина.
Неподалеку
 в честь Юэ Фэя храм.

Иней и ветер
 стойко встречает сосна.
Дождь морозящий
 мочит цветные флажки.

Жаркие битвы,
 кружение сотен мечей.
Варваров войско
 вторглось в сердце страны.

Местные жители
 памяти павших верны:
Чтут-сохраняют
 южные ветви деревьев.

ПОЛУЧИВ ИЗВЕСТИЕ О ТОМ, ЧТО ХЭЦЗЫ ПРОЕХАЛ ХУНАНЬ

В день, как дошло
 ваше письмо до Цзинмэня,
Осень уже
 навеяла грусть над Дунтином.

Пышно бамбук
 разросся над Сяном бурливым.
Вдруг долетит
 издали крик куропатки.

Там Ма Юань
 столб из меди восставил,
Ханьский Ван Бао
 свершал священные жертвы.

Нынче в тех землях
 свирепствует лихорадка,
Очень прошу —
 возьмите в дорогу лекарства.

УТРЕННЯЯ ИВОЛГА

Чудо какое однажды
 во сне привиделось мне:
Над яшмовым деревом иволга
 в западной стороне.
Вот проснулся наутро —
 солнце уже взошло —
Иволгу вижу, но дерево
 не то, что было во сне.

НА ГРАНИЦЕ

Небо воздвигло заставу Цзюйюн —
 здесь двое удержат отряд.
Вздыбилась грозно горная цепь,
 вершины стеною стоят.
Разве кочевники смогут пройти
 в пределы родной страны?
Ночью был слышен сражения гром —
 враги повернули назад.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ ВО ВРЕМЯ НОЧНОЙ ОСТАНОВКИ В СЯКОУ

Башня Желтого журавля,
 солнце готово зайти.
В пышных кронах ханьянских деревьев
 крики, гомон ворон.
Путника ждёт одинокий ночлег,
 к западу трудно грести.
Жаль, что не могут воды реки
 вспять устремиться вдруг.

НОЧЬ ПЯТНАДЦАТОГО ЧИСЛА
ПЕРВОЙ ЛУНЫ
В СТОЛИЧНОМ ГОРОДЕ БЯНЬЦЗИН

Вся чжуншаньская молодежь
в пух и прах разодела.

Девицы из Чжэн и красотки из Янь
стремятся затмить друг друга.

Старинными песнями в честь весны
звенит ночная округа.

За мостом Цзиньлянь словно бы иней —
все залито лунным светом.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА,
УСЛЫШАВ О ЕГО ПОЕЗДКЕ
ЗА УКРЕПЛЕННУЮ ЛИНИЮ ГРАНИЦЫ

Сотни чиновников смотрят на север,
там реют драконовы стяги.

Фениксы на занавесках повозки,
все являют покорство.

Восемь коней, как когда-то Му-вана,
влекут государя к границе.

Белых волков получит в подарок
и тотчас назад возвратится.

БЯНЬ ГУН

(1479—1521)

ВНОВЬ ПРОВОЖАЮ ВАН ВЭНЬСИ

Долгая ночь,
река в поднебесье течет.
Тусклая лампа,
провода в Храме весны.

Ветер пронзителен,
кажется, птица вспорхнет.
Никнут цветы,
капли росы холодны.

Двинетесь в путь, ..
едва на дворе рассветет.
Вас не страшит,
что дороги в предгорьях трудны.

ЧАНЭ

Лунная осень, деревья голы,
холод все злее.

Однако весною цветущие ветви
радуют лунную деву.

Она давно на луне поселилась,
это известно любому.

Но кто бы поверил, что и поныне
она вспоминает землю...

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ КОЛЕСНИЦЫ

Луки, изогнутые, как месяц,
нацелены в глубь речную.

Стрелы, вонзаясь в холодную воду,
вспять обращают волны.

Пусть черепахи и крокодилы
не прячутся в черной пучине —

Наш государь сегодня приехал
стрелять водяных драконов.

ХЭ ЦЗИНМИН

(1483—1521)

ЧАНЪАНЬ

Облака белоснежные
бесконечной плывут чередой.

К перилам склонившись,
на высокой башне стою.

Прошумела крылами,
ночной растревожив покой,
Лебединая стая
из моей Чаңъани родной.

НА ДАЛЕКОЙ ЗАСТАВЕ
ВО ВРЕМЯ ПРОВОДОВ ХАНЬ ЖУЦИНА

Горы, как башни, вонзаются в тучи,
мысли о доме печальны.

Осень глухая, в лучах заката
вижу Циньскую стену.

Нитью река Хуанхэ протянулась
к синим просторам моря.

Буду бродить, одинокий, по склонам
этих гор чужедальних.

СТИХИ НА МЕЛОДИЮ «ВЕТКА БАМБУКА»

Жухлой осенней травой покрыты
двенадцать вершин Ушань.

Знобкий туман и холодный месяц
плывут над ущельем Цзюйтан.

Темные клены, челнок одинокий,
на реке неприкаянный гость.

И не кричат обезьяны ночные,
а душу томит тоска.

ВО ВРЕМЯ ПРОЩАЛЬНОГО УГОЩЕНИЯ
ПРИ РАССТАВАНИИ С ДРУЗЬЯМИ

Вот вы меня провожаете в путь
на склоне горы Двух колодцев.

Ветром и снегом пронизан лес,
острее горечь разлуки.

Еду на запад, дорога длинна —
оттуда дома не видно.

Медленно солнце идет на закат,
скрываясь в Чжуннаньские горы.

ВАН ТИНСЯН

(1474—1544)

ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ У СЕБЯ СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Изо дня в день,
страдаю от ветра и пыли,

Был я печалью,
словно долгами, опутан.

Годы промчались,
как-то весенним утром

Пестрые пряди
в зеркале вдруг отразились.

ДВОРЦОВЫЕ ЖАЛОБЫ

Сижу во дворце,
луна глядит из-за тучи.

Весной на пирах
цветы подношу я к трону.

Войти к государю
никак не явится случай —

Учусь, видно, зря
играть на лютне певучей.

ДРЕВНИЙ КУРГАН

Древний курган
буйной зарос полынью.

Крик воронья
над позабытой могилой.

Тело давно
истлело, немо и глухо.

Знаешь об этом
и все же чувствуешь горечь.

СЮЙ ЧЖЭНЫЦИН

(1479—1511)

ЦЫ О ДРЕВНЕМ ДВОРЦЕ

Часы водяные у пруда дворцового
последние капли роняют.

И «Грушевый сад» исполняет песню,
мелодия затихает.

Но сразу дружно ее подхватили
лянчжоуские певички.

Чертоги западные бесстрастно
луна с небес озаряет.

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

Последний отблеск закатного солнца
сверкнул на глади речной.

Глядит на друга путник, слезами
одежды свои омочив.

Вдоль стен дворца Чуского вана
ряды зеленеющих ив.

Но ивовый пух не яетит навстречу
тому, кто вернулся домой.

НАПИСАНО НА РЕКЕ ЦЗИШУЙ

Осенний праздник уже два года
встречаю вдали от дома.

За тысячи ли одинокая лодка —
на глади Цзишуй у причала.

Взглянул на желтую хризантему, —
горечь душу объяла:

Ведь завтра праздник «двойной девятки»
на родине празднуют снова.

ПРОВОЖАЮ СЯО ЖОЮЯ

На дальний юг провожаю вас,
а там глубокие реки.

И я вскоре еду в чужие края
по бурному, быстрому Сяну.

Сегодня расходятся наши пути —
когда же вас дома застану?

Услышим скоро, как по ночам
в ущельях кричат обезьяны.

ИНЬ ЮНЬСЯО

(1476—1521)

ВЕСНОЙ ГЛЯЖУ ВДАЛЬ

Весной, во вторую луну, река
прозрачна и полноводна.

На севере над одинокой горой
темнеют сизые тучи.

И вот из этих темнеющих туч
хлынул ливень могучий,

А я через реку собрался плыть,
и ливень меня опечалил.

СУНЬ ИЮАНЬ

(1484—1520)

ИЩУ ДРОВОСЕКА

Высоко в горах
хочу дровосека найти.

Вот только совсем
не знаю тропинок лесных.

В соседнем лесу
раскатистый стук топора.
Видать, дровосек
забрался в самую глушь.

Зазря проплутав,
ни с чем возвращаюсь домой.
Уж солнце сошло
в деревья на склоне горы.

ЯН ШЭНЬ
(1488—1559)

В УЕЗДЕ ЦЗЯНЛИН ПИШУ В ЛОДКЕ.
ПОСЫЛАЮ ПОЧТЕННЫМ ТЯНЮ И ЛИ

Луна все ниже, песок холодней,
еще не минула ночь.

Гуань золотой, из яшмы свирель
слушаю во хмелю.

С рассветом, плывя по реке Юаньцзян
и взор обратив назад,

Внимать буду «Белым облакам»
да выкрикам обезьян.

СЮЙ ЦЗУНЛУ
(первая половина XVI в.)

БАНЬ — ИМПЕРАТОРСКАЯ НАЛОЖНИЦА
В РАНГЕ ЦЗЕЮЙ

Судьба от рожденья
злосчастья дарила ей.

И сам император
был в милостях схож с судьбой.

Печали и холод
ей круглый веер принес.

Но все же винит она
себя — не осенний ветер

АО ИН

(первая половина XVI в.)

ПОСЕЩАЮ ХРАМ ВАН ВЭЯ,
ПРАВОГО ПОМОЩНИКА ИМПЕРАТОРА,
НА РЕКЕ ВАНЧУАНЬ

Мой черный мул уже не взберется
по горным обрывистым тропкам.

Напрасно, изгнанник, лелею планы
покинуть циньские земли.

Ветреной ночью ливень холодный
стучит по дворцовой крыше.

А я о горах Юйцзышань горюю,
хочу за Янцзы уехать.

СУ Ю

(ок. 1540)

НА ГРАНИЦЕ

Военачальник раскинул лагерь,
лунные диск в вышине.

Воет западный ветер, вздувая
на дозорном халат.

Варваров дудки умолкли. Неспешен
ток Небесной реки.

Капли росы и морозный иней
на луках и на мечях.

ХУАНФУ ФАН

(1503—1582)

НАПИСАНО ПРИ ЛУНЕ
В ОТВЕТ СТАРШЕМУ СЫНУ ЦЗЮНЮ,
ОПЕЧАЛЕННОМУ РАЗЛУКОЙ
С МЛАДШИМ БРАТОМ

На севере вы, на юге ваш брат,
как две столицы при Хань.

Разлучены вы сегодня с ним —
один в Юэ, другой в У.

Над башней высокой родного дворца
сиянье осенней луны.

Она озаряет заставы в горах,
светя и нам, и ему.

ХУАН ШЭНЦЗЭН

(ок. 1545).

К ЮГУ ОТ ЯНЦЗЫ

Зеленые ивы
мой укрывают приют.

Я поселился
возле реки Циньхуай.

Смотрю, что ни утро, —
как рождается прилив.

Смотрю, что ни вечер, —
как воды уходят вспять.

ШЭНЬ ЛЯНЬ

(1507—1557)

НА ПРОВОДАХ ЧЖУ-ЦЗЫ,
ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ НА ЮГ

Десять лет, упорно трудясь,
в столице вы провели.

Было ли время, чтобы во сне
родной не привиделся дом?

Нынче взглянул на горный поток,
струящийся рядом с луной.

Сразу понял — ивы растут
уже за небесной чертой.

ВАН ВЭНЬ

(XV в.)

ОБРАЩАЮСЬ К У ЧЖИШАНЮ

Стук колотушки со стен городских,
все длится и длится ночь.

Чуть разошлись облака над рекой,
прохладны вода и ветер.

Глянешь — и кажется, будто бы вы
привыкли жить на чужбине,

Что же с каждым встречным тогда
о доме заводите речь...

СЮЙ БАНЦАЙ

(XVI в.)

СТРАДАЮ ОТ ХОЛОДА НА РЕКЕ БЯНЬХЭ

Двор постоялый, тусклая лампа,
халат увлажнен слезами.

Тысячи ли по трудным дорогам
проехал — и жажду вернуться.

Так исстрадался — то снег, то иней,
все время вода пред глазами.

Слухи доходят, будто в Трехречье
болотная хворь нередка.

ЛИ ПАНЬЛУН

(1514—1570)

НА РАССТАВАНИЕ

Свежесть лица
не сохранить неизменной,
Весны в цвету
сменяются увяданьем.

Горестный ветер
землю окутает пылью,
Глянешь окрест —
как же все помрачнело!

Раз поутру
заговоришь о дороге,
Значит, пора
снова готовить одежду.

Скоро мороз
волосы схватит жестко,
Слезы в глазах
льдинками чистыми станут.

Взор поднимаю —
звезды Реки в поднебесье
Так далеки,
словно бы листья кувшинок.

Мир для тебя
сделается враждебным,
То-то теперь
праздную жизнь позабудешь.

Краткий ночлег
будешь делить со скотиной,
Днем, что есть сил,
станешь настегивать клячу.

Сам же в пути
вечно во власти погоды...
Как возлюбить
горькую странничью долю?!

ЕЩЕ НА РАССТАВАНИЕ

Северо-запад
дышит осенним ветром,
С шелестом-свистом
гнутся густые травы.

Вечно в дороге,
словно скиталец бездомный.
Беды-заботы,
все на путях-перепутьях.

Сколько же может
молодость наша длиться?
Странника скоро
и вспоминать позабудут.

Вам посылаю
эти строки на шелке,
Снова слезами
горькими шелк пропитался.

Начал словами:
«Дома благополучно»,
А на прощанье:
«Ваши друзья постарели».

В ПОДРАЖАНИЕ СМЫСЛУ ДРЕВНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

С северо-запада
явился осенний ветер
И раздувает
полы дорожного платья.

Знать бы, откуда
плывут облака по небу.
Может, из дому?
Но никого не спросишь...

Хриплое ржанье
хуских коней в отдаленье,
Плавно слетают
листья увядшие с тутов.

Краски заката
над Срединной равниной.
Комья колючек
мчатся по бранному полю.

Трудно не вспомнить
пройденные дороги —
Перед походом
в сердце привычная горечь.

ПО ПОВОДУ ВЕСЕННИХ ДНЕЙ,
ПРОВЕДЕННЫХ С СЮЙ ДЯНЫЦИНОМ
В ЛЯНСКОМ САДУ

Пышное пиршество в Лянском саду
среди расцветших цветов.
Вот и последний цветок увял,
но все еще длится пир.

На лепестках настоялось вино
и так прекрасно на вкус —
Можно без устали пить и пить,
потом отдыхать во хмелю.

Седоголовых в те времена
еще не встречалось меж нас.
Думали мы, что свежесть лица
сумеем навек сохранить.

Разве не всюду с ветром, весной
цветут-расцветают цветы?
Разве не всюду на их красоту
люди спешат поглядеть?
Разве возможно, узрев красоту,
домой возвратиться ни с чем?

ПЕСНЯ НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ

Книгу писал всю жизнь,
не написал и знака.
«Истинный путь» пытался постичь,
но остался безумцем.

Вас попрошу: берегите себя,
 праздностью тешьте душу.
Мутное попивайте винцо —
 сколько хотите, вволю.

Нет человека, чтоб не ценил
 выгод чиновничьей службы,—
Кто бы, как вы, сумел навсегда
 должность оставить спокойно?

Нет человека, чтоб не ценил
 власти своей над другими,—
Кто бы, как вы, ворота закрыв,
 жил, никому не мешая?

Нынче против глупцов воевать —
 не ко времени песня.
В жизни, которой правит покой,
 тоже есть своя прелесть.

НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ ГУАНЬЯНА

Вот из ущелья
 выехал — что ж впереди?
Сосны и ели
 встали плотной стеной.

Гром прокатился —
 отзвук в расселинах скал.
Горы укрыла
 мрачная туча с дождем.

Местный правитель
 несправедлив и жесток.
Честный чиновник
 людям бессилен помочь.

Тяжко и горько
 думать о судьбах страны.
Слезы роняю
 в дикие заросли трав.

РЕКА ХУАНХЭ

Освободился
от службы в землях Саньцинъ
И возвращаюсь —
герой «Четырех скакунов».

Северный ветер
ковром расстилагает пыль.
Снегом засыпан
берег Желтой реки.

Право, талантом
я многих превосхожу.
Только вот славы
не больше, чем у других.

Конфуцианцы
мне объяснили, как жить.
Я же, однако,
склонен к ошибкам — увы.

О ЮАНЬМЭЕ, КОТОРЫЙ НА ПИРУ В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ ПРЕПОДНЕС СТИХИ СЕ МАОЦИНЮ

На ивы высокие в городе Феникса
пока не поздно взобраться.
Однако Западный сад вас не манит,
воспетый еще Се Тяо.

За годы странствий и стихотворства
вся голова поседела,
Но каждой весной снами о доме
опять окутаны горы.

Правитель мудр, а вы нездоровы —
так стоит ли длить скитанья
И в грубой одежде простолюдина
бродить, затевая споры...

По слухам, ваши жена и дети
живут до сих пор в Лумэне.
С почтением преподношу эти строки;
уже угасает веселье.

ПИР В ГОРАХ НА БЕРЕГУ ПРУДА
ВОЗЛЕ ДОМА ФУМА ЦУЯ —
ВОЗНИЦЫ ПРИСТЯЖНЫХ
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫЕЗДА

Дом на пруду в тихом предместье
пышной имперской столицы.
Гости важностью напоминают
ханьских сановников лафу.

Лотосов тысячеверстая заводь
встретила «меч и туфли».
«Ветер с дождем» наполняют чаши
«любящих реки-озера».

Звуки каменных бил у моста
взвиться кита заставляют.
Фениксы, только слышат свирели,
явятся, снова исчезнут.

Вечер близится, но запряжки
все не тронулись с места.
Красные не раскрылись ворота,
в небе луна одинока.

НА ПРОВОДЫ ЧЖАО
ИЗ ФИНАНСОВОГО ВЕДОМСТВА ХУБУ,
УЕЗЖАЮЩЕГО В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ
НА ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ОКРУГА ХУАЙЯН

Возглавляя отдел имперской управы,
в Мингуане вы ведали планы.
Много лет как военачальник-помощник
вы округ Шофан защищали.

А потом повышение: в Хуайхае
вы уже окружной начальник.
Наконец, в уезде Саньтай безупречно
исчисляете средства и сметы.

Под неусыпным вашим надзором
хлеба по весне тучнели.
Когда от дел отдыхали дома,
цветы становились прекрасней.

Всегда буду помнить, как со стихами
вы гостем в Шанлинь являлись,
И слать вам письма, хоть путь неблизкий
до облачных чуских далей.

НА ПРОВОДЫ ПРАВИТЕЛЯ
ОБЛАСТИ ХУАНФУ,
КОТОРЫЙ УЕЗЖАЕТ В КАЙЧЖОУ

Вчера мы пили вино, в поднебесье
тучи шли чередой.
Печально — нынче вас в путь провожаю
к дальним горам Яньшань.

И станет меньше с вашим отъездом
славных поэтов-друзей.
Зато увеличится счет опальных,
пониженных в должностях.

Деревья в садах и парках Лияна
дождь ночной оросил.
Осенний ветер над переправой,
мелодия «Хуцзыхэ».

У вас есть меч Люй Цяня, который
надо другим передать.
Пора в дорогу — не следует дольше
задерживать свой отъезд.

НА ПРОВОДЫ
ВНЕШТАТНОГО ЧИНОВНИКА ЮНЯ,
ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ С ИНСПЕКЦИЕЙ
В ИНЧЖУН

Никак не смирить скакуна вороного —
седок обессилен хмелем.
У башни Феникса вас провожаю
в самый разгар цветенья.

Весна распахнула свою управу,
прекрасно, как на Силине,
А вы в день отъезда в тоске и кручине,
словно на севере гуси.

Холодные ливни скрыли от взора
дальнюю чускую землю.
Лишь белые облака бесконечны
да Ханьцзяна течение.

Разлука с другом от века рождает
в сердце чувство печали.
И не забыть это чувство даже
Суйской жемчужины ради.

ПО ДОРОГЕ В ЧЖАОЧЖОУ ВСПОМНИЛ ДЯНЬЦИНА

Помню вас в экипаже за занавеской,
помню вельможей опальным.
Кто мог постигнуть в суетном мире
мудрость несравненную вашу?

Вы в чиновной карьере преуспевали,
грезили уже птицей священной.
Вдруг паривший над облаками лебедь
улетел в неизвестность,

В дымке плавают очертанья деревьев,
дождик редкий их занавесил.
Так случилось, что порою закатной
разом жизнь вся переломилась.

В край знакомый я возвратился
в дни Холодной пищи,
Ну, а кто, скажите, весной любуясь,
не скорбит по рано ушедшим...

ДУМАЮ О СЯН-ЦЗЫ

Осень кончалась, когда в Цзимэне
проводил ваш волшебный плот.
Вместе винный кувшин открывали,
поминая былые года.

Нынче, больной, в горах прозябаю
в окруженье коричных деревьев.
Думаю, как вы плывете по рекам
в лепестках облетающей мэй.

Гусь или лебедь весной непременно
издалека доставят письмо.
Тьмою окутаны горы и башни,
под снежным покровом дома.

Вы, одинокий, несете службу
то в Наньюэ, то в Дунъю.
Как же не чувствовать острую жалость
к чиновнику в дальнем краю!

В КОНЦЕ ОСЕНИ ПОДНИМАЮСЬ
НА САМУЮ ВЫСОКУЮ ВЕРШИНУ
ТАЙХУАШАНЬ

Дымка окутала горы; в смирение
к храму Бай-ди поднимаюсь.
Не для меня ли три дальних вершины
столь величавы ныне?

Прозелень на привратных драконах,
тех, что дожди насылают.
Кони каменные напоминают
статуи в ханьских парках.

Дали распахнуты, как на равнине,
буйствуют осени краски.
От облаков очистилось небо,
к вечеру — ясное солнце.

Жаль, что потворствуем без раздумий
нашим страстям и желаньям.
Лучше б стремились постичь поглубже
промысел сил творящих.

ПИНЛЯН

Покой, тишина в весенней природе,
тускнеет светлый закат.
На северо-западе, за Пинляном,
бескрайний простор степей.

Проторены в зарослях разнотравья
лишь тропы князей кочевых.
Не властны здесь ни послы государя,
ни императорский сын.

Но конные сотни, как темные тучи,
несутся из ханьских земель,
И циньские воины двинулись следом
навстречу кочевникам-ху.

Мечтаю вступить в могучее войско
и титул скорей заслужить.
Довольно всю жизнь пересуживать книги,
давно борода седа.

В ДОМЕ ЧЖАНА,
НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА,
ВО ВРЕМЯ ЦВЕТЕНИЯ МЭЙХУА

Снег только выпал; чиновники чинно
сад цветущий обходят.
Ясною ночью в Западном зале
встреча высоких талантов.

Флейты запели: в печали весенней
ласточки зал полонили.
Светит луна сквозь резные стропила,
все, точно в ханьских покоях.

Белою пеной покрылись деревья,
словно виски сединою.
Снег и цветы никогда не наскучат,
винные чаши поднимем.

Вместе друзей припомнили прежних,
взгляд обратив на север.
Оду в хозяйскую честь сочинили,
снова, обнявшись, бродим.

В ОКРУЖНОМ ГОРОДЕ ПРОВОЖАЮ ДРУГА

На западе яркие склоны гор
над городской стеной.
Взгляни на восток — там воды Чжанхэ
текут в резном огражденье.

Погрязшие в чванстве проводят дни,
скучая в пышных палатах.
Зато друзья и в годину невзгод
бессменно на башне высокой.

Ван Цань благородный укрылся от смут —
вам выпали горшие беды,
И больше печалей извели вы,
чем Юй, сановник из Чжао.

Недавно в Чанъани встречались мы,
обменивались новостями.
А кто посочувствует: в пятой луне
должны вы в меха облачиться.

ВТОРЮ ПЕСНЕ О МИНФЭЙ,
НАПИСАННОЙ ПОЧТЕННЫМ НЕ ИЗ ВЕДОМСТВА
ЧИННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Вместе со снегом сюда, на Тяньшань,
ветер принес холода.

Чуткие струны лютни-пипа
трогает, сидя в седле.

Песню допела; где же ей знать,
что над Цинхаем луна

Из поднебесья вольна заглянуть
в окна ханьских дворцов.

ПОСЫЛАЮ МИНЦИНУ
В СВЯЗИ С ПОЛУЧЕНИЕМ ВЕСНОЙ ИЗВЕСТИЯ
О ЕГО ПРИБЫТИИ В СТОЛИЦУ

Десять лет опалы, и рядом
только плывущие тучи.

В ханьском дворце и весна все та же,
словно в былые годы.

Гладите ласково медную лошадь
возле дворцовой ограды —

Кто теперь помнит, как вы убеждали
не заниматься охотой...

ЛЯН БОЛУНУ

На главной вершине Тайхуашань
жертвенник Яшмовой девы.

Когда расставались мы, весь Чанъань
залит был лунным светом.

Не знаю, который уж раз с тех пор
осень ко мне приходит.

Надо подняться на Сянжэньчжан —
счесть минувшие годы.

ЛЮБУЮСЬ ОХОТОЙ

Стрелы в колчанах у «ястребов хуских»,
северный вихрь налетает.

Высохли травы, и по равнине
всадники мчатся галопом.

Луки из рога торчат за спиною,
каждый, как полумесяц.

Все объаты азартом охоты,
дичи подстрелят много.

ДУМАЮ О МИНЦИНЕ

С башни Юйчжан на запад взглянул:
там, в многоцветье туч

Девять притоков Долгой реки,
девять горных хребтов.

В каменном зеркале нету нужды,
жизнь спокойно течет,

Только осенний ветер, налетев,
печалит придворного лик.

В ОКРУЖНОМ ГОРОДЕ ПРОВОЖАЮ МИНЦИНА, УЕЗЖАЮЩЕГО В ЗЕМЛИ К ЗАПАДУ ОТ ЯНЦЗЫ

Листва зеленых платанов шуршит,
льет пронзительный дождь.

Осенние краски тают вдали —
там, за границами Чу.

Челн одинокий кто разглядит,
горечь разделите с кем?

В западный край провожают вас
лишь белые облака.

ЮАНЬМЭЮ

1

В Цзимэне над городской стеною
луна скользит-проплывает,

На яшмовой флейте кто-то негромко
играет песню разлуки.

И вы ведь странник, и, значит, не надо
вам слушать такую песню —

Пусть ветер осенний ее немедля
утопит в Желтой речушке.

2

В Юйяне, во мраке Западных гор
огни сигнальных костров.

Опять гусей перелетных клин
стремится на берег морской.

И хуские дудочки ночью и днем
тоскливо-печально поют —

Осенний ветер первым домчит
сюда, в приграничный Цзимэнь.

НА ПРОВОДЫ ЦЗЫСЯНА,
ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В ГУАНЛИН

Гуанлин осенний в дымке дождя
откроется перед тобой.

К платану быстро привяжешь коня
возле реки, на холме.

Но нет переправы — закатной порой
все лодки без парусов.

И только ветер, примчавшийся с гор,
волнует водную ширь.

ПЕСЕНКА, СОЧИНЕННАЯ НА ГРАНИЦЕ
ВО ВРЕМЯ ПРОВОДОВ ЮАНЬМЭЯ

Снега белей оперения стрел,
пущенных в холод пустыни.

Вести о варварах пламя костров
шлет до самой Чанъани.

В небе над городом только луна,
Западных гор светило, —

Сколько же воинов на нее
с седел походных смотрят!

ВАН ШИЧЖЭНЬ

(1526—1590)

СОБРАЛСЯ НАВЕСТИТЬ
ЧЖОУ ГУНСЯ В ГУАНЛИНЕ,
НО ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ

Виды, один прекрасней другого,
передо мною в Вэйяне.

Вот переправился через реку —
сразу край незнакомый.

Двадцать четыре моста чередую,
пенье под звуки флейты...

Так и не смог отыскать в округе
дом почтенного Чжоу.

ВОЗЛЕ ЗАПАДНОГО ДВОРЦА
РОПЩУ НА СУДЬБУ

Лотос — часы водяные мерно
каплю за каплей роняют.

Вдруг так резко похолодало,
словно одежда промокла.

Кто пожалеет росу на утуне
возле резной ограды

Или морозною ночью иней
на черепице кровли?

НА ПРОВОДЫ ЖЕНЫ ВЭЙШЭНА,
КОТОРАЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДЕРЕВНЮ

Возле лежанки
старшая плачет сестрица.

Даже племянники
всхлипнули жалобным хором.

Только и слышно:
«Вам счастливой дороги!»

Ждет ее вскоре
трудная переправа.

СЕ ЧЖЭНЬ

(1495—1575)

ТЯГОТЫ ДОРОЖНЫХ СКИТАНИЙ

Словно Сюньцин,
который жил в Чу, в изгнание,

Точно Фаньшу,
который в Цинь не вернулся

(Птицы, цветы
чужие, не те, что дома),—

Еду-бреду,
все странствую по дорогам.

В СЕВЕРНОЙ ПУСТЫНЕ

Соударив камин, добыли огонь —
на костре зажарить барана.

Вот кочевницы с песнею нам несут
молока кобылиц отведать.

Опьяневшие хусцы вповалку спят
и не видят, что ночь настала.

У подножья гор угнездились орлы;
все, как в иное, в лунном свете.

НА ГРАНИЦЕ

На ветру боевые знамена реют,
ушли облака, развиднелось.

Барабаны иггонги тревожат небо,
на юг возвращаются гуси.

Заходящее солнце спустилось с вершины
вослед степнякам коварным,—

Бесконечным потоком — натянуты луки —
текут под холмом Ли Лина.

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА В ЖЕНСКОМ ПОКОЕ

Глаза проглядела,
в речные просторы глядя.

Вот осени иней
прибрежные выбелил травы.

Как жалко, что гуси
уже на юг улетают —

Со мной не разделят
печаль ожидания на башне.

В ДОЛГОЙ РАЗЛУКЕ

Сколько уж лет вы в дальнем краю —
в землях владения Цинь.

К счастью, не позабыли наш дом
возле стремнины Ханьшуй.

Два старых дерева возле ворот,
как и прежде, шумят —

Кажется, что-то хотят сказать
тому, кто письмо прислал.

СТИРАЯ БЕЛЬЕ

Ночью вчера из-за циньских застав
вдруг долетело письмо:

В дальних краях с алебардой в руках
воин в боях что ни день.

«Небо храни нас!» — сказала жена,
вытерла слезы со щек,

Теплое платье стирать принялась,
с силой вальком колотя.

ТАН ШИ

(Вторая половина XVI в.)

У РЕКИ ХЭНЦЗЯН

Годами живу
на побережье Хэнцзяна

И каждой весною
скорблю о ее закате.

Цветы, облетая,
уносятся вместе с рекою —

Ведь их не заботит,
когда вы домой возвратитесь.

ЦИ ЦЗИГУАН

(1528—1587)

НАПИСАЛ ВЕРХОМ НА КОНЕ

Еду на север, скачу на юг —
исполняю государев приказ.
Северной степью, цветами юга
любовался уже не раз.
Годы проходят — в каждом
три сотни и шесть десятков дней
Верхом на коне с копьём наготове
каждый день, каждый час.

ВАН ЧЖИДЭН

(1535—1612)

НОЧЬЮ ВСТАЛ НА ПРИЧАЛ В УСТЬЕ РЕКИ ХУАНПУ

На мелях в устье реки Хуанпу
волны о небо бьются.
В лунной дымке город застыл,
в тумане вершины ив.
Луна под утро еще светла;
рыбы в сетях бьются.
Люди готовят к отплытью лодки;
вот-вот начнется прилив.

ЛИ СЯНЬФАН

(Ок. 1561)

НАПИСАЛ ПО ДОРОГЕ ИЗ ШАНЦЮ
В ГОРОД ЮНЧЭН

В третьей луне ветер повееет —
по пшенице бежит волна.
На закатах с берега Хуанхэ
безмятежная гладь видна.
Везде — в селеньях, по краям полей
плакучие ивы стоят.
Дорога до самых ворот Юнчэна
вся зеленым-зелена.

ЧЖУ ЦИЧЖИ

(Вторая половина XVI в.)

ПРОВОЖАЯ ЦЗЯНА, НАЧАЛЬНИКА ОКРУГА,
УЕЗЖАЮЩЕГО В ОБЛАСТЬ ЦИНЧЖОУ

На юг от Уяна лежит ваш путь,
уже сиротливо на сердце,

И медный столб разлучит со мной
после с верительной биркой.

Поручено вам известить Юэтан,
вассальные земли юга,

Что в мирное время они не должны
в дань подносить кораллы.

ТАН СЯНЬЦЗУ

(1550—1617)

НА ПРОВОДЫ ЛЮ ДАФУ

При разлуке звучали печальные песни
да петушинные крики.

Не придумал я, седоголовый, подарка
своему ученому другу.

Что не смог сполна воздать вам за милость —
скорбь моя неизбывна.

Остается одно — удалиться в печали
на остров, подобно Тянь Хэну.

НОЧУЮ НА БЕРЕГУ РЕКИ

Лежит тишина над осенней рекой,
редки лодок огни.
Ущербный месяц на небе слежу,
стоя в лесной тени.
Водяные птицы от света луны
встрепенутся, снова заснут.
Светлякам на крылья пала роса:
летать не могут они.

ФЭН ЦИ

(1559—1603)

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ САНЬНЯН-ЦЗЫ

Женщины в пышных ярких одеждах
у подножия темной горы;
Пьют вино, торопясь и хмелея,
на просторе холодной степи.
Смутные слухи текут от границы
о войсках могучей Нян-цзы;
Уже оседлали коней усуньских
в отдаленных степных краях,

СЮЙ ТУН

(1561—1599)

ВСТРЕЧА С ЧЭНЬ ШИБА В ДАНЬЯНЕ

На переправе в далеком Даньяне
мне земляк повстречался,
Поговорить с ним хотелось скорее,
печали свои поведать.

Вы от реки на юг возвращались,
я отправлялся на север...

Тысячи гор, облака на вершинах,
горечь, рвущая сердце.

ЖАЛОБЫ ВО ДВОРЦЕ ЧАНМЭНЬ

Когда ж ароматные травы примнет
государева колесница?

В Чанмэне среди цветов и птиц
повеял весенний ветер.

Удел мой несчастный лишил меня
милостей государя.

Неужто даже ода Сянжу
написана неискусно?!

НА ПОЧТОВОМ ПОДВОРЬЕ ОПАДАЮТ ЦВЕТЫ

Все сыплет-льет на дорогу дождь,
и заморозки грядут.

Один за другим, кружась, лепестки
слетают на спину коня.

Хотел бы я странников порасспросить,
минующих двор почтовой,

Сумел ли из них хоть один повидать
цветы в родимом саду?

В ВИННОЙ ЛАВКЕ ВСТРЕТИЛ ЛИДА

Случайно в городишке Синьфэн
я оказался проездом.

Когда-то с другом здесь пили вино
и пели печальные песни.

Как много было пролито слез
на десятилетье разлуки,

Однако при встрече — я знаю теперь —
слезы еще обильней.

НА БАШНЕ ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ
В ЮЙЦЯНЕ ПРОВОЖАЮ ЧЖАНСЫ,
УЕЗЖАЮЩЕГО В БАЙСЯ

Весенний ветер овевает ивы,
их ветви клонятся долу.

У края взгляда Цзинлин, укрытый
закатными облаками.

Не нужно печалиться о разлуке
хотя бы последней ночью —

Ведь скоро уже промелькнет ваш парус
почти у небесных пределов.

В ЮЙЭРЕ, В ЛОДКЕ,
РАССТАЮСЬ С ЛАН-ГУНОМ

Так под луной увлеклись мы беседой,
что и спать уже поздно.

Наши одежды роса увлажнила,
знобко, ночь на исходе.

Не отзвенел еще крик петушиный —
колокол гулко ударил.

Снова пришло нам время прощаться
здесь, на речном побережье.

ПОСЫЛАЮ МЛАДШЕМУ БРАТУ

Ветер весенний, печали мои
страннику отнеси;

Даже весну на дорогах чужих
трудно назвать весной.

Мягко и нежно ему нашепчи:
я на покое и стар...

Он же — скиталец у края земли —
все не приходит домой.

СЕ ЧЖАОЧЖИ

(1567—1624)

ВЕСЕННИЕ ЖАЛОБЫ

Снова Чансинь
полон весенней травы —

Знать, от тоски
гуще она что ни год.

Коль государь
больше сюда не придет,

Скроет трава
яшму ступеней крыльца.

ОСЕННИЕ ЖАЛОБЫ

Луна в поднебесье
жалеет мой круглый веер,

А западный ветер
стыдится одежду мне взвеять.

Вот яшмовый полог
пониже я опустила —

Небесную реку
больше видеть не в силах.

ЧЭН ЦЗЯСУЙ

(1565—1643)

ПОДНИМАЮСЬ НА БАШНЮ

В молодые годы, слушая песни,
чурался печальных напевов,

Но зато и уским, и чуским песням
бывал неизменно предан.

Вот теперь, когда живу — обретаюсь
в землях, объятых печалью;

Посмотрю — в разгаре весна, а на башню
взойти уже и не тянет.

СУН ДЭНЧУНЬ

(Ок. 1633)

ПРОХОЖУ МИМО СТАРОЙ МОГИЛЫ

Заросший ручей и пустынные горы,
кумирня возле могилы;

Качнувшись, мокрые ветви сосен
одежду мою увлажнили.

Спросить бы о временах миновавших,
о людях былых династий...

Вэньчжун бессловесный стоит, уставясь
на солнце закатное ликом.

ШЭН МИНШИ

(XVII в.)

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ
ВИННОЙ ЛАВКИ В ЯОЯНЕ

Когда в Балине дают вино,
приходит весна на Дунтин.

Девицы чуские в винных лавчонках
усердно поят гостей.

Не надо на башню пока восходить,
глядеть на озерную ширь:

Туманная мгла во вторую луну
лишь навевает печаль.

ФАНЬ ЖУЙ

(XVII в.)

В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ
ОБРАЩАЮСЬ К У ЮНЬЧЖАО

Деревья ветвями колышут вдали,
во тьме едва различимы;

Одно белоснежное облако в небе
над городом низко повисло.

С приходом весны в сновиденьях моих
домой что ни ночь возвращаюсь,

И кажется, горы Циншань отодвинь,
как тотчас я вас увижу.

МА ШИЦИ

(1584—1644)

ПРЕПОДНОШУ ЮАНЬЦЗАЮ ЦАО,
УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЧЖАНЧЖОУ

Осенней порой на волшебном плоту
в прохладе вы по морю плыли.

И ночью терзала вам сердце печаль
об ароматных покоех.

Но выше всего почитая алтарь
духов земли злаков,

Не может ханьский чиновник забыть
о родном Хуайяне.

ТАНЬ ЧЖЭНЬЛЯН

(XVII в.)

К КАРТИНЕ «СЛЕЗЫ ПРИ РАССТАВАНИИ
НА МОСТУ ЧЕРЕЗ РЕКУ»

Холм полководца насыпан высокий,
с севера — ветра порывы.

Яка хвост на верительном знаке
стерся — пора возвращаться.

Кто же первый из нас разрыдался,
только стали прощаться?

Плачем вдвоем на мосту через реку
в сумерках на закате.

ШИ·У

(XVII в.)

СТАИ ЧЕРНЫХ ВОРОН

Утро, рассвет —
стаи черных ворон,

Вечер, закат —
стаи черных ворон.

Старые птицы
грают, истошно кричат.

Путник ушел,
и не возвращается он.

ХАНЬ СЯ

(Ок. 1644)

ЛУНА НАД ЗАСТАВОЙ И ГОРАМИ

Плывет на рассвете
рожка печального звук,

И ветер с границы
летит, поднимая пыль.

Десятое лето
среди стражей заставы живу,

Но в сторону дома
ни разу с холма не взглянул.

СЛУШАЯ КРИКИ ГУСЕЙ

Ветер свежает, и стаи гусей
с шумом плывут по реке.

Иней светлее под яркой луной,
гуси кричат, холода.

Сколько уже странник в печали, один,
крикам этим внимал...

Было б откуда домой передать:
все у меня хорошо.

ВАН ХУН

(Ок. 1644)

В ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ В ПУТИ

Дождь моросит и день все мрачнее,
вечер наступит скоро.

Кровля с летящими к небу углами
в пруд холодный глядится.

Радуют желтые хризантемы
гостя горной заставы.

В этот день и в краю чужедальнем
он взойдет на вершину.

У ЦИ

(XVII в.)

ПЕСНЯ О ГРАНИЦЕ

Колесница с четверкою скакунов
летит за заставу Юймэнь:

Император велел полотно и шелка
усуням в дар отвезти.

Сказать приказал, что сын их вождя,
служа государю, здоров

И начал в столице читать «Луньей»,
луский его извод.

ПЕСНЯ О МОЛОДОМ ВОИНЕ

Седло украшено красной яшмой,
как светлая яшма — конь.

Летит, точно ивовый пух под ветром
в парке Лэююань.

Получен строгий приказ государя:
сыскать, где сейчас Цзи Бу.

Он может только в неволе томиться
среди трех тысяч рабов.

МАОЛИН

Повсюду высохшие кипарисы,
как горные пики — грядой.

Роса увлажнила жемчужное платье,
в седле пробирает мороз.

Мы с медным кумиром глядим друг на друга,
из глаз моих слезы рекой.

Уж ночь на исходе, и лунное блюдо
катит, золотое, с небес.

ПРИПИСКА К СТИХАМ ЛИ ШУЧЖАНЯ

Под переливы дудочек хуских —
их звуки полные печали —

Стихи дописал о нашей разлуке
и строк своих застыдился.

Стихи ваши, словно строфы Юй Синя,
начертаны мощной кистью,

А я, все с севера, недостойный,
за реку на юг взираю.

ЧЭНЬ ГУНЬИНЬ

(1631—1700)

СЕТОВАНИЯ МИН-ФЭЙ

Живу и умру,
как чуждый обычай велит.

Приехать сюда
мне государь приказал.

Молю об одном:
пускай мой могильный холм

Насыпят не там,
где похоронен Ли Лин.

ЧЖОУ ТУНГУ

(XVII в.)

ЦЫ О ЛЕТАЮЩИХ СВЕТЛЯКАХ

В дождь, неожиданно, от светлячков
словно вспыхнул зеленый мох.

Кажется, легкий ветер задул,
и раскрылись двери домов.

Видно, они в рожденьях иных
ароматною были травой —

Вот и летят, тоскуя, сюда,
на замшелую стену двора.

ЦЗУН ЛУНЬ

(XVII в.)

ДУМЫ В ПУТИ

Восточное У
от родины в тысяче ли.

Не знаю, когда
домой возвратиться смогу.

А тут поглядел:
сливы опять расцвели —

Еще, значит, год,
как я на чужбине живу.

ДАО ЮАНЬ

(XVII в.)

РАННЯЯ СЛИВА

Деревья от холода
красок еще лишены,

Но южные ветви
окутад розовый цвет.

Плывет аромат —
он слышен у самой реки.

Прозрачные тени
на стенах крестьянских домов.

ЦЗИНЬ ЧЖУН

(XVII в.)

ПРИЕХАЛ ИЗ БАЙСЯ В ЦЗЮЙЛИ.
ПРИГЛАШАЮ ДРУЗЕЙ
СЪЕЗДИТЬ В ШАНЬИНЬ

Тревожат мне душу
ивы над Циньхуаем,
Их длинные ветви
опять стали много короче.

Осенние ветры
сдувают жухлые листья,
Меняется за ночь
пейзаж, как династии Юга.

Фань Ли проплывал здесь,
челнок вдоль берега правил.
Мы двинемся следом,
взяв расписные весла,

Как будто бы едем
отыскивать Юя пещеру...
А для переправы
удобны приливы в Чжэцзяне.

МОГИЛА ЛЮ КУНЯ,
НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА
ПРИ ЦЗИНЬ

Покуда в Фуфэне
поют-распевают песни,
Все хуже и хуже
становится в государстве.

По счастью, Илу
стал заниматься делами,
И вместе с Лю Кунем
они удержались в Цзиньяне.

Ветр задувает
и клонит травы степные.
В сиянии лунном
иней на башнях дозорных.

Осталась могила
в далеком Дунъаньском уезде,
Размеренно-глухо
шумят тополя над нею.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В ГОРАХ ШУШАНЬ

В осеннем лесу
не встретишь недвижных деревьев —
Трепещет листва,
тревожатся птицы в ветвях.

Казалось, всю ночь
за окнами ветер и дождь,
А там, над горой,
взошла молодая луна.

Меж сосен в просвет
зеленый завиделся пруд,
Вода в бочажках
прозрачнее день ото дня.

Небесный петух,
похоже, рассвет возвестил...
Накину халат
и вспомню о дальнем пути.

ЛУ ЦЗЮАНЬ

(XVII в.)

В ОТСУТСТВИЕ ОТЦА
ПРОВОЖАЮ ЕГО ДРУГА,
УЕЗЖАЮЩЕГО В СИНЬАНЬ

Голубо-зеленые ива и тополь,
беседка, песок прибрежный.

Восточный ветер: на переправе
прощаются, пьют, хмелея.

Десятки тысяч цветов опавших
до края наполнили лодку —

Вы словно весну с собою везете
отсюда на южный берег.

ФАН ВЭЙИ

(1585—1668)

ОСЕНЬЮ В ДОРОГЕ УСЛЫХАЛА О РАЗБОЙНИКАХ

Осенний сверчок
поет-стрекочет под дверью.
Закатной порою
в горах пронзительный ветер.

Мой век на исходе,
И вдруг — беспорядки, смута.
Когда же сумею
в родные края возвратиться...

Разбойники-воры
уже Наньдянь захватили.
Летят донесенья
на северные заставы.

Страдание, горе,
народ изнурен грабежами.
Кровью невинных
клинки мечей обагрились.

ЛИ ШИ

(XVII в.)

ПОДНИМАЮСЬ НА БАШНЮ

Струится, касаясь красных перил,
Серебряная река.

Клубится-плывет благовещая мгла,
намок лазоревый шелк.

Не знает сияющая луна,
как горек жизни закат.

Внизу вершина горы Цзюишань
да белые облака.

ХУАН ЮЦЗАО

(XVII в.)

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ
«МИНФЭЙ ВЫЕЗЖАЕТ
ЗА ЛИНИЮ ГРАНИЦЫ»

За краем небес ветер границ
песчинки швыряет в лицо.

«А где Срединное царство мое?» —
глаза устремила ввысь.

Давно она знала, что облик ее
художника кисть исказит

И мужем ей будет простолюдин,
приютом — горы Ушань.

СЮЙ ЦЗИНФАНЬ

(XVII в.)

С ВЫСОКОЙ БАШНИ ГЛЯЖУ ВДАЛЬ

Всего на один опершись устой,
к обрыву башня приникла.
Вокруг клубятся-плывут облака,
в воздухе посвежело.

Давно опустело ущелье Теся,
ушли-исчезли драконы.
Окрасила осень откосы холмов,
торопятся гуси в дорогу.

Просторны-обширны земли окрест,
вместившие три уезда.
Течет, рассекая равнину, поток,
приемлет девять речушек.

Открыты взору тысячи ли,
к закату клонится солнце.
Хмелея, стою на вершине горы,
пою печальную песню.

ЦАО ШОУНУ

(XVII в.)

ЧЕТКИ, ОСТАВЛЕННЫЕ МУЖЕМ,
УЕХАВШИМ НА СЕВЕР

А бусинок в четках
ровно сто восемь штук.

Нить красного шелка,
снизка невелика.

Последнею ночью
глаз не сомкнула луна.

Все вспоминаю
колокол где-то вдали.

СЕ СУНЬ

(XVII в.)

ДОЖДЬ В ГОРАХ

Ночью в горах
дождь непрестанно льет.

Из лесу выйдешь —
ревет-завывает ветер.

Даже не помню,
глубок ли был горный поток,—

Стал полноводен
и поднял рыбачий челн.

ШЭНЬ ЦУНХУ

(XVII в.)

ПЕЧАЛЮСЬ О ВЕСНЕ

Только чаю выпил, и вмиг
легкий объял меня сон.

Слышу сквозь дрему, будто возник
яшмовой флейты напев.

Ласточки не прилетели пока,
но миновала весна.

Кажется, алый дождь за окном —
тихо летят лепестки.

ЛИНЬ ТИ

(XVII в.)

ЖАЛОБЫ В ЖЕНСКИХ ПОКОЯХ

Девушка из Юэ —
ей только пятнадцать годов —

Тиха и безмолвна,
охваченная стыдом,

Домой воротилась,
закрыла калитку плотней

И разрыдалась
под грушей в свете луны.

ЦЗЯН КЭЧЭН

(XVII в.)

ПРОСНУЛСЯ ПОД УТРО В ДОМЕ НА БЕРЕГУ

Река. На рассвете
луна погружается в воду.

Вчерашние тучи,
холодно — не потеплело.

Отчетливо слышу
весла негромкие плески.

Вот только не вижу,
куда направляется лодка.

ЛИ ЖЭНЬЛАО

(XVII в.)

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ
«ДРОЗДЫ НА ВЕТКАХ
ЗАЦВЕТАЮЩЕГО АБРИКОСА»

Дождь собирался, но так и не хлынул,
туманная дымка сгустилась.

Ветвь абрикоса покрылась цветами,
и зацветают другие.

Спросите вы — кто уже догадался,
что нынче весна наступила?

Только дрозды! — На деревья взгляните:
там птица, а вон еще пара.

ЧЖЭН ЧЖИШЭН

(XVII в.)

НА ПАМЯТЬ ПРИ РАССТАВАНИИ

Печально гляжу на поток, на беседку
в лучах закатного солнца.

Листва тополиная, словно на свитке,
укрыла весенний город.

И нет никого, кто бы мне при разлуке
пропел «Янгуань» на память.

Одни изумрудно-зеленые горы
изгнанника в путь провожают.

ДУНТИНСКИЙ СТАРЕЦ

(XVII в.)

ПЕСНЯ

Лет восемьдесят
Цанланскому старцу уже.

Пушистый тростник,
сливается с небом вода.

Немало за жизнь
познал он удач и потерь.

Теперь при луне
удилище ладит свое.

БЕЗЫМЯННЫЙ АВТОР

(XVII в.)

НА ПАМЯТЬ ПРИ РАССТАВАНИИ
НА БАШНЕ У РЕКИ

Зеленою цепью над башнею горы,
а башня над водной ширью.

Здесь путь пролегает, которым в чужбину
уходят, с домом простившись.

Открыта ветрам Янцзы-переправа,
густеют вдоль берега ивы.

Но листьев опавших все-таки меньше,
чем горьких дум при разлуке.

БЕЗЫМЯННЫЙ АВТОР

(XVII в.)

НАДПИСЬ
НА СТЕНЕ МОНАСТЫРЯ ЦИНЛЯНСЫ
В ГОРАХ СИШАНЬ

Горный монах,
воды зачерпнув в пруду,

Вспугнул-разбудил
двух драконов-юнцов.

И тучами вмиг
все небо заволокло,

И целых три дня
хлестал непрестанно дождь.

У ЧЭНЬЭНЬ (Ок. 1506—1582)

* * *

Дождь прошумел,
жара сменилась прохладой.
На ветках утуна
трепещет каждый листочек.

Кружат светляки
над тропкой среди осоки.
Поздний сверчок
звонче звенит в полнолуние.

Капли росы
блестят на цветах поникших.
Красные травы
покрыли песчаную отмель.

Плакучая ива
первой роняет листья
И, словно ей вторя,
осенняя плачет цикада.

* * *

Кленовой листвою
алеют-пылают горы.
Никнут цветы
под резким вечерним ветром.

Глуше, ленивей
кричит ночами цикада.
Скрекот сверчка,
все горше горькие думы.

Лотос увядший,
как белый шелковый веер.
Благоухают
золотые шары апельсина.

Тянутся к югу
диких гусей караваны,
Плавно скользят
по грустно-серому небу.

* * *

Скоро поблекнет
горных слив красота.
В прудах и озерах
вода подернется льдом.

Ветр, налетев,
листья сорвет с деревьев.
Только сосна
сохранит зеленый наряд.

Темные тучи
скоро посыпят снег.
Травы в горах,
иссохнув, склонились к земле.

В дальней дали
сплохи светлых зарниц.
Пасмурно, стыло —
холод проник до костей.

НАПИСАНО ВЕСЕННИМ УТРОМ В ГОРОДСКОМ КАБИНЕТЕ

Думы мои
о надеждах минувших лет.
Служить восхотел
и погряз в мирской суете.

Что-то давно
не слышно из дому вестей.
Чиновник-бедняк,
я на жалованье живу.

Ранних цветов
вдыхаю в лесу.
Рассветной порой
возвещает о чем-то петух.

Душа, как всегда,
с вечной природой в ладу.
Мысли текут,
рождаются эти стихи.

ПЕЧАЛЮСЬ О БЫЛОМ

К срединным годам
отшельником стать возмечтал.
Переселился
подальше, к стене городской.

В полдень всегда
плывет аромат цветов.
Тень от деревьев,
щебет шумливых птиц.

Пища моя —
только рыба да горсть овощей.
А для гостей
есть и курица, и вино.

Так и живу,
как некогда жил Тао Цянь.
Веет в доме
с ароматом сосновым ветр.

Утром и днем
в поле с мотыгой тружусь,
Позже в тиши
наслаждаюсь пением птиц.

Влагой дождей
питается мой огород.
Редкий бамбук
у ограды тянется ввысь.

Сам — винодел,
опьянен домашним вином.
Сам же стихи
на банановых листьях пишу.

Грустно порой:
былые мечты не сбылись.
Так далеки,
как вершины Куньлуньских гор!

БЕЗЫМЯННЫЙ АВТОР

ПЕСЕНКА О СУДЕЙСКОМ ЧИНОВНИКЕ ЦЗЯ

Правитель области —
свинья,

Его помощничек —
подлец.

Один есть честный —
Цзя-судья,

Когда б ни он,
нам всем — конец.

СЮЙ ВЭЙ (1521—1593)

КАНЬШАНЬСКАЯ ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ

Все враги — кто с мечом, кто с копьем —
к закату окружены.

Холодный ветер остужает кровь
разгоряченных бойцов.

А на заре по дороге домой
летит отряд верховых,

Ледышки алые чуть холодят
железо бранных кольчуг.

ЧЖАН ГАНСУНЬ (1619—?)

ПЕСНЯ О СТРАШНОЙ ЗАСУХЕ

На рисовом поле иссохлась земля, —
готова дорога коню.

Стебли уже пожелтели совсем, —
гибнет рис на корню.

Пять месяцев — и ни капли дождя!
Скоро шестой пройдет...

Крестьяне горькие слезы льют,
в пустой глядят небосвод.

В прошлом году обильный снег
засыпал поля и сады.
Старики говорили — в новом году
будет много воды.
За месяцем месяц идет чередой,
солнцем земля сожжена.
Видать, голодное время пришло,
на рис поднялась цена.
По берегам Великой реки
ветер клубит песок.
В колодце нет ни капли воды,
бездействует водосток.
Птицы раскрыли клювы в лесах —
зной палящ и зловещ.
На дне иссякшей реки лежит
высохший мертвый лещ.
На измученных лицах кожа черна,
больные в каждом дому.
Десятерых уложит жара,
выжить — едва одному.
Если бы жизнедатным дождем
внезапно сменилась жара —
Вот бы радовались старики,
веселилась бы детвора!
В низинах влажных смогли б собрать —
пусть небольшой — урожай.
Но и в этот год в государев амбар
зерновой налог подавай!
Не уплатишь налога — чиновников жди,
страшна их скорая месть:
Сколько до смерти засекут
детей, стариков — не счесть!

ФУ ВАНЬЧУНЬ

(1631—1647)

ОБОРВАННЫЕ СТРОКИ

Утлая лодочка; ярко луна
сияет меж двух вершин.

Никнет тростник, осыпая пух,
безлюдье, куда ни глянь.

Самый высокий скалистый пик
во мраке неразличим.

Белые тучи, зеленый дым,
отроги гор Дунтиншань.

ЧЭНЬ ЦЫЛУН

(1608—1647)

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ ИШУЙ

Ночь коротка, как промельк ножа,
вот и петуший крик.

Грустный напев из Чжао и Янь
до сих пор не затих.

Воды Ишуй шепчут-журчат,
облачно, травы свежи.

Горько, что места уже не сыскать,
где провожали Цзин Кэ.

ПЕСНЯ О МАЛЕНЬКОЙ ТЕЛЕЖКЕ

Скрипят колеса в желтой пыли
на вечернем пути.
Муж толкает, жена впряглась
в оглобли тележки.
Бросили дом —
куда же теперь идти?
Вместо обеда жуют на привале
ильмовые орешки.
Мечтают: в мирном краю
риса вдосталь — не то что в родном.
Сухую полынь
ветер гонит по свету.
Вдруг впереди
ограду увидели, дом.
Встретят гостей
и вволю накормят в нем.
Стучат в ворота — ответа нет;
давно покинут — пустого котла не сыскать.
Куда же дальше? В пустынном проулке
слезы льются дождем.

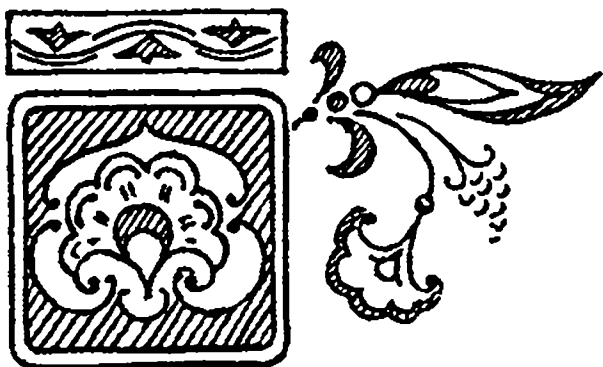

КОРЕЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ СИДЖО

КЛАССИЧЕСКИЕ СИДЖО

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Мы соберем кинжалы и мечи
И свяжем их в одну метлу большую,

Чтоб вымести метлой железной этой
С земли родной врагов — и мань, и ди.

Потом мотыгу из нее скуем
И станем на своем работать поле.

* * *

О светлая луна, ты заглянула
В дом к милому, в восточное окно!

Скажи, луна, он спит сейчас один?
А может быть, в объятиях любимой?

Поведай обо всем, что увидала:
Я буду знать — мне жить иль умереть!

* * *

Когда бы мы на свет родились снова,
Ты стала б мною, я бы стал тобой,

И, обменявшись чувствами своими,
Любили бы друг друга так, как любим, —

Ты поняла бы все мои страданья
И знала бы тогда, как грустно мне!

* * *

Мне говорили — в мире много есть
И зелий тайных, и мечей волшебных.

Но нет смертельной для любви отравы,
И нет меча, чтобы убить любовь.

Пока не умерла, тебя люблю я...
Меня ударь мечом! Меня убей!

* * *

Рукою знак мне подает соседка,
Жена мне говорит, чтоб шел домой.

Не знаю, возвращаться ли к жене
Или отправиться, куда позвали?

Душе, которая во мне сидит,
Для обитанья надобно два тела!

* * *

Зачем ты передал письмо с чужим?
Ты б лучше сам пришел ко мне, любимый!

И разве хорошо, когда чужой
Становится к чужим делам причастным?..

Письму, которое принес чужой,
Как я могу, скажи ты мне, поверить?

* * *

Две бабочки летают средь цветов,
Две иволги средь ив зеленых вьются.

Те, кто летает, те всегда вдвоем.
И те, кто ползает, всегда вдвоем.

И если снова к нам любовь вернется,
Сто лет с тобою будем мы вдвоем!

* * *

Я захотела на луну взглянуть —
Ту, что на милого сегодня смотрит.

Жду, отворив восточное окно,
Когда она появится на небе.

Как дождь осенний, слезы льются, льются...
Взошла луна, но мне темно и с ней!

* * *

Со мною рядом ты — и так далек!
И вот теперь за сотни ли ты едешь.

Там горы высоки, там реки бурны —
О них подумать даже страшно мне!

В луну хотела бы я превратиться,
Чтобы тебе дорогу осветить!

* * *

Чем жить, как я живу, о нем тоскуя,
Наверное, уж лучше умереть!

Пусть лунной ночью среди гор безлюдных
Душа моя кукушкой обернется.

Я притаюсь и тихо закукую...
Тогда меня услышит милый мой!

* * *

Лишь слово написал я — и вздохнул,
Второе вывел — и слеза скатилась.

От слез начертанные тушью строки
Причудливым рисунком расплылись.

О друг мой! Плача, я тебе писал!
О чем письмо — ты можешь догадаться!

* * *

И на стене звенит мой меч тяжелый.
Волною в сердце закипает кровь.

Готовые и днем и ночью к бою,
Могучей силой руки налились.

О долгожданный час! О час желанный!
Когда настанешь, позови меня!

* * *

Один твердит, что ворон слишком черен,
Другой — считает цаплю слишком белой.

Кто говорит, что аист — длинноногий,
Кто утку коротышкой называет.

Лишь я, должно быть, ничего не знаю
О черном, белом, длинном и коротком!

* * *

Пока луна, что встала над сосной,
Не спустится до камышей у речки,

На камне у воды сидеть я буду,
Держа в руке безмолвный каягым...

А дикий гусь, отставший от своих,
Летит куда-то и кричит в тревоге!

* * *

Мой вол, с которого я снял ярмо,
Исчез куда-то. Солнце опустилось.

С охапкою съедобных трав в руках
Ищу следы вола, а все без толку.

Густая мгла долину затянула —
Как угадать, куда он мог уйти!

* * *

Цветы ли расцветают на лугах,
Кукушка ли в зеленой роще плачет,

Сегодня милого я встречу вновь —
И ничего на свете мне не надо!

Кто там заплакал, что там расцветает —
Ни до чего мне дела нет теперь!

.
* * *

На снег ложится ясный свет луны.
Ее лучи окошко освещают.

Я у свечи сижу один и слышу,
Как ветер стороны чужой шумит

И мысли, все ненужные, пустые,
Спать не дают до самого утра...

* * *

Я в поле скороспелый рис полю,
Начну прополку хлопка и закончу.

Я у забора огурцов нарву
И приготовлю ячневую кашу.

Вино уже созрело у соседа —
Я у него возьму немного в долг!

* * *

— О всех восьми красотах Кымгансана
Где побывал ты, Расскажи, монах!

— На отмели, что в десять ли длиною,
Я видел диких алых роз кусты.

Там парами над бухтой чайки выются
И тихий резкий дождик моросит.

* * *

Мир вечной суеты и пустословья
Покинул я и вновь пришел туда,

Где восемь сотен тутовых деревьев
Среди озер и брошенных полей.

Пусть жизнь моя теперь неприхотлива,
Зато в душе — покой и тишина.

* * *

На цвет весенний груши капал дождь.
Не уезжать тебя я так просила!

Теперь листва опала, ветер дует.
Ты вспомнишь ли, любимый, обо мне?

Издалека, за десять тысяч ли,
В мой сон приходишь ты — и вновь уходишь!

* * *

В долине горной, где ручей струится,
Я дом построил из обломков скал.

Распахиваю лунной ночью поле,
Днем отдыхаю среди облаков.

Меня позвали Небо и Земля,
Чтоб вместе стали жить мы, не старея!

* * *

Мой милый появляется, как гром,
Я ж, молнией блеснув, его встречаю.

Как дождик, то придет он, то уйдет,
Как облачко на небе, исчезает...

А вздох, как ветер, рвется из груди
И стелется туманом предрассветным.

* * *

Вчера, а может быть, позавчера,
Быть может, днем, быть может, поздней ночью,

Куда я уходил и с кем встречался,
С кем был вдвоем — уже не помню я!

Но мы сегодня встретились с тобою —
Так разве ты не лучше всех других?!

* * *

Как посмотрю я на тебя, ворона,
Обидно мне становится и грустно.

Ну, где, скажи, достала ты лекарство,
Чтобы черноголовой оставаться?

Давно белеет голова моя —
Лекарства нужного не нахожу я!

* * *

От ветра, что подул минувшей ночью,
Весь персиковый цвет с ветвей опал.

Выходит мальчик с веником из дома,
Чтоб подмести и во дворе прибрать.

Но ведь цветы — и на земле цветы!
Зачем же ты их убираешь, мальчик?!

* * *

Трудился я усердно десять лет
И хижину в горах себе построил.

В ней половину занял свежий ветер
И половину — ясная луна.

Для гор и рек здесь не осталось места.
Они вокруг — и я на них смотрю.

* * *

Я лишь рукой едва ее коснулся —
Подняв глаза, она мне улыбнулась.

Я по спине едва ее похлопал —
Ко мне она придвинулась немедля.

Как будто в сердце что-то закипает...
Послушай! Как бы не было беды!

* * *

И свет луны, что на снегу блеснул,
И колокола звук в холодном небе —

Все, как в эпоху древних государей.
Сижу один, исполняясь горьких дум,

А над развалинами стен старинных
Вечерний поднимается туман.

* * *

Луна, что светит за жемчужной шторой,
Звук флейты, что пришел издалека,—

Зачем они всю ночь меня тревожат,
Моей печали не дают уснуть?..

Три тысячи меж нами долгих ли —
И я один, и сердцу нет покоя!

* * *

О бабочка тигровая! С тобою
Давай-ка вместе в горы улетим!

А если нас в горах застанет вечер,
Среди цветов найдем себе приют.

А будет неуютно нам в цветах,
Мы отдохнем и на опавших листьях!

* * *

Ты не меняешься, моя душа,
Года идут, а ты все молодая!

Ты, верно, и не старилась, как я,
И остаешься той же, что когда-то?

Хотел бы я, чтоб мы не разлучались...
Но разве это не было б смешно?

* * *

Любимого лишилась — и теперь
Тебя своим любимым называю.

Не безразлично ли в конце концов,
Что он, что ты! Мне никого не надо!

Он или ты, мой милый, тот иль этот —
Не лучше ли пойти мне спать одной?!

УТХАК

(1263—1343)

В одной руке сжимаю посох свой,
В другой — держу сосны колючей ветку.

От старости докучной отбиваюсь,
Отмахиваюсь я от седины.

Увы! Узнал я рано седину
И к старости пришел путем коротким!

* * *

О ветер, ты повеял над землей
И растопил снега в горах весенних!

Прошу тебя: хотя бы ненадолго
Над головой моею ты повей!

И, может быть, под этим дуновеньем
Растает снег, лежащий на висках!..

ЛИ ДЖОНО

(1341—1371)

Нет истины в словах, что облакам
Людская суета и страсти чужды!

Высоко в синем небе облака
По прихоти своей над миром бродят.
Кто скажет, что без умысла они
Сиянье солнца яркого затмили?!

ВОН ЧХОНСОК

(Вторая половина XIV — начало XV в.)

Кто говорит, что зимнею порою
Бамбук в снегу склоняется к земле?

Как мог бы зеленеть он средь зимы,
Когда б покорно перед ней согнулся?

Я знаю, в этот год, такой холодный,
Прямым остался только он один!

СОН САММУН

(1418—1456)

Что после смерти станет со мной?
Хочу я стать сосною на Пэнлае.

Поднявшись на высокую вершину,
Один я буду зеленеть в ту пору,

Когда холодный снег летит на землю
И в белое одето все вокруг!

ЛИ РЭ

(Ок. 1418—1456)

В окошке — одинокая свеча.
Она, наверно, с кем-то разлучилась.

Иначе разве слезы проливала б,
Забыв, что сердце у нее в огне?..

Свеча горит, напоминая мне
О том, что и со мной случилось то же!

ВОЛЬСАН—ТЭГУН

(1454—1488)

Ночь опустилась над рекой осенней.
О берег бьет холодная волна.

Я удочку смотал, снимаюсь с места —
В такую пору рыба не берет.

Плыву домой в убогом челноке,
Груженном только чистым лунным светом.

ЛИ ХЁНВО

(1467—1555)

Вниз посмотрю — внизу синее речка,
Вверх посмотрю — там горы зеленеют.

Багряной пыли облака густые
Сюда не доберутся никогда.

И помыслам мирским нет места в сердце,
Когда восходит над землей луна.

КИМ ГУ

(1488—1534)

Покамест эта утка-коротышка
Не станет длинноногим журавлем,

Покамест эта черная ворона
Не станет белой цаплей — живи!

Живи, любимый, десять тысяч лет
И счастьем наслаждайся бесконечно!

АН ДЖОН

(1494—?)

За горы западные солнце село.
Хромой осел мой не спеша бредет

Над крутизною скал дорога вьется,
Шум горной речки слышится внизу.

Собачий лай ко мне доносит ветер,
И значит, недалек уже ночлег...

ЛИ ХВАН

(1501—1570)

Цветы пестреют на горе весной,
Осенней ночью — лунный свет над нею.

Пора любая года хороша,
И в жизни человека — точно так же!

Орел под облаками, рыба в речке,
И свет, и тень — над всем закон один!

* * *

Пусть даже гром грохочет над горами —
Глухой не слышит ничего вокруг.

Пусть солнце яркое стоит в зените —
Слепой не видит ничего вокруг.

А мы и видим все, и слышим все,
Слепыми и глухими притворяясь!

* * *

Наверно, предназначено от века
Горам зеленым зеленеть всегда!

Не иссякать ни днем, ни поздней ночью,
Должно быть, предназначено ручью?

О, если бы, как горы и ручей,
Мы жили вечно, старости не зная!

* * *

Бесчисленные пики Чхоннянсана
Известны только мне да белой чайке.

Об их красе не скажет людям чайка,
Но можно ль верить персику в цвету?

Не облетайте, лепестки, над речкой,
Не открывайте тайны рыбакам!

ХОН ЦОМ

(1504—1585)

О яшме люди говорят: «Булыжник!» —
А это очень горько и обидно!

Ведь умный человек не ошибется,
И распознать он истину сумеет...

Не заблуждаясь — только притворяясь,
Так говорят они — и это грустно!

ХВАН ДЖИНИ

(1506—1544)

Когда ты разуверился во мне?
Когда, скажи, тебя я обманула?

Уже давно пробили третью стражу,
Ушел осенний месяц на покой.

А ты все не идешь... Зачем же ветер
Опавшею листвою шевелит!

* * *

Ночь ветреная зимняя длинна,
Без милого она еще длиннее.

Возьму-ка пополам ее разрежу
И половину спрячу до весны.

Приедет он — к короткой вешней ночи
Добавлю я припрятанное впрок.

ЯН ЧАОН

(1517—1584)

Хоть говорят, что высока Гайшань,
Но неба синего она не выше!

И если вверх идти и вновь идти —
Заоблачной вершины ты достигнешь.

А ведь иной лишь подойдет к подножью —
И смеет рассуждать о высоте!

Все, что я слышу, — лучше бы не слышал!
И все, что вижу, — лучше бы не видел!

Ведь таковы, мой друг, дела людские,
Что их противно даже обсуждать...

Уж лучше я, пока мне служат руки,
Вина себе немного подолью!

КВОН ХОМУН

(1532—1587)

Сияние луны и плеск ручья
Ночной порой беседку наполняют.

Я вглядываюсь в этот ровный свет
И вслушиваюсь в звук воды немолчный.

Единым двум началам внемлю я,
Для глаза — ясным и для слуха — чистым.

* * *

На перекате дождик прошумел.
Запруду укрепил я мхом зеленым.

Но рыба испугалась и ушла:
На берегу теперь сидеть — без толку!

Лишь месяц свой серебряный крючок
Забрасывает в волны синей речки!

ЧОН ЧХОЛЬ (ЧОНГАН)

(1537—1594)

Зачем, старик, несешь ты эту ношу?
Давай-ка лучше я ее возьму!

Я молод и силен и груз тяжелый,
Взвалив на плечи, донесу легко.

А ты с собой повсюду старость тащишь,
Она ведь и сама — тяжелый груз!

* * *

Как весело двум бабочкам порхать
Среди цветов и пышных трав весенних!

Как весело двум птицам щебетать
Среди листвы зеленых ив над речкой!

Живые существа всегда вдвоем —
И только я один на целом свете!

* * *

Дождь, хмуро морозящий над полями,
Могу я, верно, пренебречь тобой?

Плащ из травы, соломенную шляпу
Могу я, верно, и не надевать?

Наряд придворный навсегда я сбросил,
И больше, дождь, я не боюсь тебя!

* * *

Одну струну на комунго я тронул —
И обрела покой моя душа.

Другой струны коснулся осторожно —
И жалобно заплакала струна.

Как может быть, чтобы печаль исчезла,
Когда живет разлука на земле?

* * *

Над тихою водою тень скользнула —
По мостикѹ идет старик-монах.

Скажи мне, все дороги исходивший,
Куда теперь ты направляешь путь?

Не замедляя шаг, он поднял посох
И молча мне на небо указал.

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

I

Журавль всегда парил над облаками,
Но как-то с высоты спустился вниз.

Наверно, посмотреть он захотел,
Как на земле у нас живется людям.

Они его исправно ощипали —
И к небесам он больше не взлетел!

II

О, если бы, лишенный оперенья,
Я крылья для полета вновь обрел

И взмыл под голубые небеса
Стрелою, выпущенною из лука,—

Тогда бы снова я увидел ясный
И добрый мир, в котором прежде жил!

* * *

Пусть у меня всего одна рубаха —
Я выстираю дочиста ее,

На жарком солнце высушу, а после
Проглажу хорошенько и надену...

Под чистой тканью мускулы играют,
Взлетают плечи, словно два крыла!

* * *

Мой пегий конь с обвислыми ушами
Повозку с солью медленно везет.

А разве так уж непременно надо
Быть Чхоллима — крылатым скакуном?..

Как нынешние люди ненасытны —
К недостижимому всю жизнь спешат!

* * *

Сказали мне сегодня, что вино
На радость нам созрело у Сон Хона.

И, подковав ленивого быка,
К приятелю теперь я еду в гости.

«Эй, мальчик! Дома ли почтенный Сон?
Скажи ему, что это Чон приехал!»

* * *

Из сердца своего луну и звезды
Я вырежу — и ввысь их подниму.

Пусть в небе, что раскинулось над нами
На девяносто тысяч долгих ли,

Висят они, селенье озаряя,
В котором он, любимый мой, живет!

* * *

Когда умру, пускай речные волны
Возьмут к себе мой охладелый прах.

Пусть у далеких отмелей Хангана
Они рыдают и о берег бьются,

Чтобы меня услышал милый мой...
А я уже печали знать не буду!

* * *

О том, что я среди других — дурнушка,
Давным-давно известно мне самой.

Белил с румянами не покупаю,
И тушью брови я не подвожу.

И вовсе я не думаю о миллом,
Который должен полюбить меня!

* * *

Неужто лес, пригодный на стропила,
Весь пропадет под ветром и дождем?

У полуразвалившегося дома
Хозяева ведут никчемный спор.

А плотники с линейками и тушью
Никак не могут к делу приступить!

* * *

Неужто околесицу я нес
И были все слова мои пустыми?

Огнивом, от которого ничто
И никогда не может загореться?

Глаза на мир когда-нибудь открою —
И удивлюсь я самому себе!

* * *

Я вижу, как в единый цвет заката
Окрасились и небо, и река.

Над зарослями камыша летает
С тоскливым криком одинокий гусь.

Уже и осень тоже на исходе...
Но нет вестей от друга моего!

* * *

Вчера сказать изволил государь,
Что стану я великим человеком.

Но этого совсем не надо мне —
Останусь средь людей обыкновенных...

Прославившись, смогу ли я всегда
Быть незамеченным с тобою рядом?

* * *

Ты проводил меня — и я уехал:
Не надо друг о друге нам вздыхать!

Ты протрезвел уже, я — только выпил:
Не надо друг над другом нам шутить!

Плащ от дождя, в ненастный день надетый,—
Под ярким солнцем разве нужен он?

* * *

К пятидесяти жизнь моя подходит,
Но мне вино, как прежде, подают.

Я улыбаюсь, как в былое время;
Хоть для улыбки этой нет причин:

Всего, что радовало нас когда-то,
В конце концов лишиться суждено!

* * *

Всего одной струны на комунго
Я палочкой бамбуковой коснулся —

И звук поплыл, как вешняя вода,
Что подо льдом журчит на перекате.

И стало слышно: вторя комунго,
По лотосовым листьям дождь закапал.

* * *

Пить будем кислое вино с тобой,
Покамест кислое душа приемлет.

Есть будем травы горькие с тобой,
Покамест в них еще находим сладость.

Потом пойдем на улицу — гулять,
Покамест гвозди держатся в подметках!

* * *

Приятель Ко свой камышовый домик
Соорудил у Южного Холма.

У Южного Холма — цветы, и месяц,
И сосны, и утесы, и ручьи...

Наверно, и вино там есть — иначе
Меня не зазывал бы он к себе!

* * *

По нежным листьям лотоса весь день
Бил и хлестал тяжелый дождь осенний.

Но ни единого следа нигде
На чистой их поверхности не видно...

Останься незапятнанной и ты,
Душа моя, как этот лист широкий!

* * *

Любуюсь яшмовым старинным кубком,
Как любовался десять лет назад.

За эти годы не переменялся
Его прозрачно-белый нежный цвет.

Так почему же сердце человека
День ото дня становится другим?

* * *

Я ничего не слышу левым ухом,
Я ничего не вижу правым глазом,

И заложило нос, и рот свело —
Не чувствую ни запаха, ни вкуса.

И все-таки скажу тебе, вино:
Мне так не хочется с тобой расстаться!

* * *

Наверное, великому Цзя И
Я показался бы смешным и глупым:

Заботы и тревоги всех живущих
Взвалил на спину и несу один.

Не потому ль с утра до поздней ночи
Я плачу и вздыхаю тяжело?

* * *

С высокой башни, что парит доныне
Над громкой славою восьми веков,

Литого колокола дальний звук
Плывет ко мне в беседку над обрывом.

Разносится над тишиной полей,
Сливается с безмолвием вечерним...

* * *

Твой сын, я слышал, «Сяоцзин» прочел
И кое-что уже, конечно, смыслит;

Мой — послезавтра должен дочитать
В «Сяосюэ» последние разделы.

Как думаешь, дождемся мы с тобой,
Чтоб наши сыновья ума набрались?

* * *

Покамест живы мать с отцом твои,
Их почитай, как требует обычай.

Что толку в сожалениях посмертных,
В словах, которых не услышать им!..

Свой долг, что ты родителям не отдал,
Оплакиванием не оплатить!

* * *

Зачем же ты плывешь, наш утлый челн,
Навстречу ветру и волне высокой?

Ведь видели мы, отправляясь в путь,
Что собираются над морем тучи...

Остерегайтесь бед на корабле,
Которым в бурю управляют двое!

* * *

Два будды каменных всю жизнь стоят.
Друг против друга у большой дороги.

Снег падает на них порой ненастной,
И хлещет дождь по их нагим телам.

Но нашей человеческой разлуки
Они не знают: позавидуй им!

* * *

Снег падает — и белые цветы
На пышных ветках сосен расцветают.

Одну я отломаю осторожно
И поскорее милой отнесу.

Пусть только полюбуется она —
И могут белые цветы растаять!

ЛИ ВОНИК

(1547—1634)

Ветвями-нитями зеленой ивы
Кто может вольный ветер привязать?

Что толку в грусти бабочек весенних,
Когда цветы роняют лепестки?

Как ни сильна, ни горяча любовь,
Что сделаешь, когда уходит милый?!

ХАН ХО

(1543—1605)

Не надо нам соломенной циновки —
Присядем на опавшую листву.

И зажигать светильник нам не надо —
Должна взойти вчерашняя луна.

И если есть закуска и вино...
Давай-ка их, неси сюда скорее!

ЧО ХОН

(1544—1592)

Над берегом, в листве плакучей ивы,
Порой весенней иволги гнездятся.

У заводи, где дождь осенний сеет,
Прибежище себе находят цапли.

И вечно на закате над водой
Покинувшая стаю вьется чайка.

* * *

На озеро и дамбу дождь закапал.
Туман сгустился у прибрежных ив.

А лодочника нет — ушел куда-то,
У пристани один пустой челнок,

И чайка взад-вперед в лучах заката
Летает одиноко над водой.

ЧАН Р'ЕНСЕ

(1547—1615)

Вчера минуло двадцать лет с тех пор,
Как я покинул суету мирскую.

Так конь, освобожденный от узды,
Средь пастбищ и лугов зеленых бродит.

Но иногда, как прежде, встрепенется
И ржанием хозяина зовет!

ЧО ДЖОНЗОН

(1553—1627)

Эй, мальчик! Принеси мне плащ и шляпу!
В восточной речке поднялась вода.

Удилище возьму, прилажу леску
И привяжу крючок без острия...

Но вы, рыбешки, не тревожьтесь зря:
Мои приготовления — только шутка!

ЛИ ХАНВОК

(1556—1618)

Твердят, что времена пошли такие
И люди, мол, «разэтакими» стали,

Когда ж «разэтакими» люди стали,
Уж как не быть тут временам таким?
Все говорят: «О времена! О люди!..»
Об этом остается лишь вздыхать!

ЧОН ОН

(1569—1641)

Закрыл я книгу, отворил окно —
И вижу лодки на речном просторе.

Над ними чайка белая кружит.
Раскрой передо мною сердце, чайка!

Отбросил бы я почести и славу
И жил свободным — так, как ты живешь!

КИМ САНЬЁН

(1561—1637)

Дождь беспощадно хлещет целый день
По зеленеющей листве одона.

Так много у меня тревог на сердце,
А тут еще печальный звук дождя!..

Зачем, скажи, одон широколистый,
Тебя сажают люди и растят?

ПАК ИННО

(1561—1642)

Трудиться стану я и день, и ночь
И цепь составлю в десять тысяч звеньев,

В заоблачную высь ее заброшу
И солнце захвачу и придержу —

Чтоб время медленнее проходило,
Чтоб медленней старели мать с отцом!

ХУРМА НА БЛЮДЕ

Лежит на блюде ранняя хурма.
Как нравится мне этот плод багряный!

Пускай он с померанцем не сравнится,
И все же я б унес его домой...

Но от меня никто не ждет гостинца —
Ведь я совсем один. И грустно мне.

ДРУЖБА

Пусть будет искреннею наша дружба —
И до ста лет мы проживем с тобой,

Всегда делясь своей одеждой бедной,
И скудным пропитаньем, и питьем.

Так станем жить, что даже не заметим,
Кто первый поседел и постарел!

У БЕСЕДКИ

Один ручей к беседке Хамнюдэ
С подоблачной горы сбегает справа.

Другой ручей к беседке Хамнюдэ
С подоблачной горы сбегает слева.

О том, что вместе к морю им идти,
Они узнают, слившись у беседки!

ВОРОНА В СТАЕ ФЕНИКСОВ

Туда, где стай фениксы собрались,
И черная ворона прилетела.

Она — как одинокий черный камень,
Попавший в грудку белого нефрита.

Но все ж и феникс, и ворона — птицы,
Должны прийти к согласию они!

С ТЕРРАСЫ КЕГУДЭ

Поднявшись на террасу Кегудэ,
Я посмотрел вокруг — и страшно стало!

Я с высоты на землю бросил взгляд —
И стало мне, увы, еще страшнее!..

Скажи, земля, слепая и глухая,
Тебя могу ли не страшиться я?!

РЫБКИ В РУЧЬЕ

В ручье глубоком так вода прозрачна,
Что, кажется, всех рыбок видно в нем!

Их сколько здесь? Одна. Вторая. Третья
Никак не удастся кончить счет!

Попробуй-ка, малыш, и, не сбиваясь,
Всех сызнава в ручье пересчитай!

ЛУНА НАД ГОРОЙ

Взошла луна на пик крутой горы —
И все окрестности вдруг посветлели.

На целых девяносто тысяч ли
Уходит ввысь огромный свод небесный.

И все же поднялась к нему гора
И острием луны его проткнула!

ШАГИ НА ЯШМОВОМ МОСТУ

Я задремал, над удочками сидя.
Проснулся, вижу: месяц в небе светит.

С бамбуковой палкою иду
По Яшмовому мостику над речкой.

В ночи прозрачный звук моих шагов
Услышать могут только птицы в гнездах.

СИН ХЫМ

(1566—1628)

Деревню нашу снегом занесло.
Заметена кремнистая тропинка.

Мне не придется отворять калитку —
Никто в нее теперь не постучит.

С единственным своим и верным другом
Луною — эту ночь я проведу.

* * *

Когда бы кровью сердца своего
Сумел его лицо нарисовать я,

Рисунок я повесил бы на стенке
И все смотрел бы, глаз не отрывал...

Кто выдумал слова «прощай навеки»,
Что убивать умеют наповал?!

* * *

В ночь накануне Дня Холодной Пищи
Дождь прошумел — и все кругом в цвету.

Чувств человеческих не знают ивы,
Но помнят, что уже цвести пора...

Так почему ж любимый мой ушел
И больше никогда к нам не вернется?!

СОРИ

(конец XVI — начало XVII в.)

Я слышу, как зовут меня: «Сосна!..»
Вы о какой сосне, друзья, твердите?

Высокая и гордая, одна
Стоит она над крутизной обрыва —
Пожалуй, что добраться до нее
Мальчишки-дровосеки не сумеют!

КУДЖИ

(XVI в.)

Я смастерила лодку из сосны,
По Тэдонгану вниз ее пустила.

Теперь у берега стоит она,
Привязанная крепко веткой ивы...

А мне твердят какие-то безумцы,
Чтоб выехала я на быстрину!

ЛИ АННУЛЬ

(1571—1637)

Шатер из Неба и Земли построю,
Луной и Солнцем освещу его,

А воды синие морей полночных
Я стану черпать чашей для вина —

И под звездой полуденной Ноин
Забуду навсегда, что значит старость!

ПОННИМ — ТЭРУН

(1619—1659)

Садится солнце, и вокруг стемнело,
И это значит — наступает ночь.

Но снова просветлели небеса —
И новый день опять ко мне приходит.

О время! Ты — как быстрая река!
И грустно понимать, что я старею...

ХОН ЦОВОН

(1572—1645)

В тот день, когда любимый уезжал,
Кровавыми слезами взор застлало.

И Амноккана голубые воды
От этих слез свой изменили цвет.

И лодочник седой промолвил тихо:
«Такого — я не видел никогда!»

КИМ ГВАНУК

(1580—1656)

Пока в разгаре жаркий летний день,
На камышовой я дремлю циновке.

Но к вечеру, когда садится солнце,
Я пробуждаюсь ото сна и слышу:

Покашливает кто-то у ворот —
Пришел позвать меня на лов вечерний.

* * *

Родного края реки и холмы,
Могу я разве вас отдать кому-то?

Здесь все вокруг лишь мне принадлежит —
Никто со мной тягаться и не станет!

Пусть обвиняют в скупости меня —
Делиться я ни с кем не собираюсь!

* * *

Подул восточный ветер над землею...
Снег покидает ближние поля.

И снова, как минувшею весной,
Лицо зеленых гор преобразилось.

Белеет и не тает только иней,
Который на висках моих лежит!

ЮН ДУСО

(1668—?)

Я видел, у обочины дороги
Обломок яшмы затоптали в грязь.

И каждый, кто теперь проходит мимо,
Тот видит грязь — и больше ничего.

Но было ли когда на белом свете,
Чтобы обломок яшмы грязью стал?

КУ ДЖИДЖОН

(конец XVII — начало XVIII в.)

Не хвастайся и не гордись, о коршун,
Что ловишь ты мышей — и сыт всегда!

Пусть отощал журавль у чистой речки,
Он станет ли завидовать тебе?

И, ото всех мирских забот свободный,
Я не печалюсь, что не разжирел!

Ю ЦУН

(1666—1734)

Стоящая у синего ручья
На ровном берегу белопесчаном,

Ты, цапля белая, не знаешь разве,
О чем теперь я думаю весь день?

Прах суеты мирской я отвергаю —
Так есть ли разница меж нами здесь?

ЦИН ДЖОНХА

(1680—1715)

Пусть люди ценят званья и чины,
А мне до этого какое дело?

На хромоногом ослике своем
Домой, в родные горы, возвращаюсь.

Внезапный дождь застиг меня в дороге
И пыль багряную с одежды смыл.

ЧУ ЫЙЦИК

(конец XVII — начало XVIII в.)

Конечно, небо далеко от нас,
Но все же во весь рост не распрямляйся!

Земля, конечно, под тобой прочна,
И все же не толкай ее ногами!

Да, небо далеко, земля прочна —
Но осторожность вовсе не мешает!

КИМ СУДЖАН

(1690 — ок. 1770)

Черным-черно, а говорят бело.
Белым-бело, а говорят — чернеет!

Нет никого, кто смел бы нам сказать
Всю истину о белом и о черном.

Заткнуть бы уши и глаза закрыть,
Чтоб ничего не слышать и не видеть!

* * *

Над теми, кто внизу, ты не шути!
Не говори: «Я высоко забрался!»

Гром загремит, и ветер зашумит,
Тряхнет тебя — и ты слетишь с вершины.

Мы ж на земле стоим, на ровном месте,
И чужды треволнениям твоим!

* * *

Домишко у соседа — как гнездо,
Другой сосед живет в землянке низкой,

Древесными питаются плодами,
Но оба мудры и добросердечны...

Так почему ж в домах, где вдоволь мяса,
Хозяева не могут быть добры?

* * *

Все думы стариковские и чувства
Цветущей хризантеме я отдам.

Печаль, которая меня терзает,
Я винограду черному отдам.

А седину, что на висках скопилась,
Своей протяжной песне я отдам.

* * *

Живу неприхотливо я, как жил,
И достоянье у меня все то же:

Лишь винограда несколько кустов
Да в доме одиноком сборник песен.

А из друзей, мне неизменно верных,
Я знаю только ветер и луну.

* * *

Чтоб покормить быков, я рано встал.
Две-три звезды еще горели в небе,

И вереница желтых облаков
Тянулась над широкою долиной...

В такой минуте счастье земледельца,
Крестьянской нашей жизни благодать.

* * *

Чиновник полон рвения и восторга,
За чин готовый головой в петлю.

Резвится в солнечных лучах удачи,
Как мальчик без штанов на берегу.

Когда же солнце тучами закрыто,
Он ежится, от холода дрожа.

* * *

То, что друг другу люди говорят,
Всегда на небесах бывает слышно.

То, что вершится в темноте ночей,
Увидят непременно злые духи.

Услышит Небо иль увидят духи —
Будь осторожен всюду и везде!

* * *

Мой дом — не больше домика улитки,
Зато прекрасен вид окрестных мест!

Здесь в тесной комнатке — картины, книги,
Предмет моих забот и размышлений.

Здесь места нет пустым и праздным мыслям...
Кто скажет мне, что надо жить не так?

* * *

Ты станешь пить вино или не станешь,
Жбан для вина пустым не должен быть.

Нужна тебе подруга или нет,
Пускай она с тобою рядом будет.

Мы в этой жизни на постое кратком —
Пусть утешеньем здесь нам служит все!

ЛИ ДЖОНВО (1693—1766)

Когда Ли Бо навеки нас оставил,
Так пусто стало среди гор и рек!

И только в синей высоте небесной,
Как встарь, висит полночная луна.

Эй ты, луна! Пускай Ли Бо не стало,
Но я-то здесь — не покидай меня!

* * *

С тех пор как я живу на белом свете,
Я все мечтаю крылья обрести.

Хочу на них подняться над землею
И тучи в синем небе разогнать,

Чтоб никогда они не застилали
Ни солнца, ни сияния луны!.

ЧО МЁННИ (1697—1756)

Я встретил странника, он шел неспешно
От Кэгольсана вниз на Сораксан.

«Красивы ль клены там?» — его спросил я,
И он ответил: «Иней пал в горах,

Вся в багреце осенняя листва —
Как раз пора пойти полюбоваться!»

КИМ ЧХОНТХЭК

(XVIII в.)

Возьми наполненную мною чашу
И, не отказываясь, пей вино!

Цветы раскрылись, иволги поют —
Кто скажет, что сегодня пить не время?!

Как знать, с кем через год нам суждено
Весенними цветами любоваться!

* * *

В оконной раме из бамбука — ночь.
Луна восходит над оградой сада.

На семиструнном цине¹⁷ я играю,
Звук циня — как журчание воды.

И, слушая мою игру, журавль
Пришел во двор и в плавном танце кружит.

* * *

Не радуйся четверке лошадей,
В высокую коляску запряженных!

Когда бывают зайцы перебиты,
Тогда и гончие идут в котел.

Ни славы, ни позора я не знаю —
И, значит, нечего бояться мне!

* * *

Рыбачья песня, и свирели звуки,
И голос ветра — все слилось в одно.

Я пробудился от дневного сна,
С трудом глаза хмельные открываю.

Из-за горы друзья с вином пришли
И что есть сил стучат в мои ворота.

* * *

Кувшин с широким горлышком напληню
Еще не отстоявшимся вином;

Слегка ошпарив редьку кипятком,
Ее заправлю соусом из сои...

Конечно, тем, кто мясо ест на ужин,
Откуда знать им вкус подобных яств?!

КИМ ДЖИНТХЭ

(XVIII в.)

Вон та ворона, что кричит вдали,
Как угадать — она самец иль самка?

То облако, что по небу плывет,
Как угадать — прольет ли дождь на землю?

Наверное, на свете так во всем:
В делах житейских, в чувствах человека!

* * *

Над тем, кто очевидно слеп и глух,
Друзья мои, не надо насмехаться!

Он средь зеленых гор глаза раскроет,
Промоет уши синею водой!

Болезнь неведенья и глухоты
Леченью, как известно, поддается!

ЗИН ХИМУН

(XVIII — начало XIX в.)

Вспахал я поле, сорняки я выбрал.
Табак нарезав, трубку закурил

И песенку под нос мурлыкать начал,
Притопывая, как заведено.

«Давай, давай!» — кричат мне ребяташки,
И радуемся, и смеемся мы!

ХО СОККЮН

(XVIII — начало XIX в.)

— Челнок уходит по реке осенней.
Куда-то свой он направляет путь?

Скажи, куда везешь ты лунный свет,
Что ночью, словно белый снег, сверкает?

— Плыву я, как подскажет вдохновенье,
Далек мой путь иль близок — все равно!

АН МИНЁН

(XIX в.)

Вчера я снова видел тот же месяц,
Что мне светил в минувшие года.

И в эту ночь взошел на небе месяц
И светит так же ярко, как светил.

Сейчас я понимаю: все на свете
Меняется, лишь месяц — никогда!

* * *

Я вам не верил, тоненькие ветки,
Дрожащие на ледяном ветру.

Но вижу: вы сдержали обещанье
И этой ночью снова расцвели.

Я вышел со свечой взглянуть на вас
И запах чувствую — едва заметный.

* * *

Цветы у каждой хижины цветут,
Над берегом пруда склонились ивы.

И слышу я, как иволги поют,
И вижу я, как бабочки танцуют.

Цветы краснеют, ивы зеленеют,
И среди них брожу я, как хмельной.

ЦИКЛИЧЕСКИЕ СИДЖО

ЛИ И

(1536—1584)

ДЕВЯТЬ ИЗЛУЧИН КОСАНА

Никто не знал доньше, что на свете
Есть уголки, подобные Косану,

Где я построил камышовый домик,
Где нравится бывать моим друзьям,

Где я теперь, себя в Уи представив,
Читаю сочинения Чжу Си.

I

Над Венценосным Пиком светит солнце,
Как хороша излучина Ильгок!

Уже слетел туман с лугов росистых,
И горы выплыли на горизонте.

Кувшин вина перед собой поставив,
Под соснами сижу и гостя жду.

II

Весна в разгаре на Скале Цветенья.
Как хороша излучина Ильгок!

Я лепестки цветов бросаю в воду—
Пускай волна их за море уносит.

Об этой красоте не знают люди—
Кто им сумеет рассказать о ней?

III

Шумит листвою свежей Ширма Леса.
Как хороша излучина Самгок!

Здесь летнею порой щебечут птицы,
Среди листвы порхая вверх и вниз.

Здесь, веер свой раскрыв навстречу ветру,
Стоит сосна — и зной не страшен ей.

IV

Садится солнце за Сосновой Кручей.
Как хороша излучина Сагок!

Вершины скал и сто закатных красок
Отражены зеркальной гладью вод.

Темнее лес, журчит родник прозрачный...
И восхищением душа полна.

V

За ширмой Одиночества — полянка.
Как хороша излучина Огок!

Здесь вижу домик, чистенький такой,
Как будто ключевой водой омыт он.

Здесь мудрость древних можно постигать
И воспевать луну, ручей и ветер.

VI

Мне нравится у Заводи Рыбачьей.
Как хороша излучина Юккок!

Кто здесь счастливее из нас бывает —
Я или рыбки, что в воде резвятся?..

Лишь к вечеру я собираю снасти.
Домой иду, с собою взяв луну.

VII

В наряде осени Утес Кленовый.
Как хороша излучина Чхильгок!

В прозрачном инее стоят деревья,
Земля покрылась золотом листвы.

Сижу я у высокого обрыва,
Забыв, что мне давно идти пора.

VIII

В лучах луны сверкает Берег Лютни.
Как хороша излучина Пхалгок!

На лютне с украшением из яшмы
Старинные мелодии играю.

Теперь забыты звуки прежних песен,
И наслаждаюсь ими я один.

IX

У Сопки Мудрости прощаюсь с годом.
Как хороша излучина Кугок!

Оделись в белоснежные наряды
Утесы, валуны, обломки скал...

И разве кто решится утверждать,
Что нечем у Косана любоваться!

ЮН ЧОНДО (1587—1671)

ПЕСНИ О ПЯТИ ДРУЗЬЯХ

Всего лишь несколько всегда со мною
Друзей: Бамбук, Сосна, Вода, Утес.

Когда же над восточною горой
Луна восходит, я ее встречаю!

И, кроме этих пятерых друзей,
Никто на свете больше мне не нужен!

ВОДА

Прекрасны в синем небе облака,
Но ведь, бывает, и они темнеют.

Чисты и звонки ветров голоса,
Но и они нередко замолкают.

И лишь одна Вода на радость мне
Движенья никогда не прерывает!

УТЕС

Как были хороши цветы весной!
Зачем они так скоро облетели?

Как зеленели травы на лугах!
Зачем они так скоро пожелтели?

И лишь Утес один в горах моих
Всегда все тот же, вечно неизменен!

СОСНА

Тепло придет — красуются цветы.
Наступит холод — листья опадают.

И лишь одна высокая Сосна
Ни снега, ни морозов не страшится.

Глубоко под землей в загробный мир
Ее могучие простерлись корни.

БАМБУК

На дерево он вовсе не похож,
Но и травой его не назову я.

Нет ничего в природе совершенней,
Чем этот пустотелый крепкий ствол!

Люблю Бамбук за прямоту его,
За то, что круглый год он зеленеет.

ЛУНА

Она над нами высоко плывет.
Мала, а света на весь мир хватает.

Кто может тьму ночную озарить,
Кто может яркостью с Луной поспорить?..

ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА

ВЕСНА

I

Над отмелью песчаной тает мгла.
Из-за горы уже восходит солнце.
Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Ночной прилив от берегов отхлынул,
И для дневного время наступает.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как ярко деревушка над рекой
Окрашена рассветными лучами!

II

Сегодня будет очень жаркий день:
На мелководье рыба выплывает.
Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Повсюду чайки — по две, по три выются:
Взлетят, опустятся — и вновь взлетят.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На месте удочка моя? На месте...
А где ж поставил я кувшин с вином?

III

Внезапно свежий ветерок подул,
Играет набежавшими волнами.
Давай-ка парус поднимай, рыбак!

На западное озеро сегодня,
Восточное пройдя, я направляюсь.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Одну большую гору миновал —
И новая навстречу мне выходит.

IV

Чей это голос слышен вдалеке?
Кричит среди зеленых ив кукушка?
А ну-ка веселее! Налегай!

Рыбачьи хижиньки на берегу
То выплывут, то скроются в тумане.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На быстрине и в заводях прозрачных
Рыбешки серебристые снуют!

V

Все выше солнце. Стало припекать.
Река спокойна и блестит, как масло.
А ну-ка веселее! Налегай!

Наверное, пора забросить сети?
Или закинуть удочку вначале?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Тут вспомнил я, как пел отец-рыбак
«Чиста вода...» — и позабыл о рыбе.

VI

Уже склоняется к закату день.
Домой в деревню надо возвращаться.
Давай-ка парус убирай, рыбак!..

У каждого обрыва — нити ивы,
У каждой заводи цветы пестреют.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Мне ли завидовать вельможам надо?
Мне ль сожалеть о суетных страстях?

VII

Средь пышных трав я орхидеи рву
И дягиль по низинкам собираю.
Ты погоди отчаливать, рыбак!

Скажи-ка, чем за целый день заполнил
Челнок, похожий на сухой листок?..
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На лов иду — туман гружу рассветный,
Домой плыву я — лунный свет везу.

VIII

Я охмелел и отдохнуть прилег.
Да как бы мой челнок вода не смыла!
Покрепче привяжи его, рыбак!

Здесь где-то Персиковый сад Улина —
Багряный цвет несет ко мне волна.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Так далеко от мира я, что знаю —
Багряный прах сюда не долетит!

IX

Сворачиваю снасти не спеша
И на луну смотрю из-под навеса.
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Неужто ночь пришла так незаметно?
Опять кукушкин голос в роще слышен.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Я восхищен красой того, что вижу,
И позабыл, что дома ждут меня!

X

А разве утро больше не придет?
Ночь не уйдет? Вокруг не посветлеет?
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Держу, как посох, удочку в руке,
Ищу свою плетеную калитку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Такая вот и есть, как день минувший,
Жизнь рыбака — среди озер и рек!

ЛЕТО

I

Дождь обложной в конце концов утих.
Вода опять кристально чистой стала.
Спускай челнок! Спускай челнок, рыбак!

Я удочку беру... И, оглянувшись,
Не в силах восхищение сдержать!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пар тонкий над рекой, а выше горы
Уступами — кто их нарисовал?

II

В лист лотосовый рис я завернул,
А о приправе хлопотать не стоит!
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Мне плащ соломенный сейчас не нужен,
Бамбуковую шляпу надо взять...
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты, чайка, чуждая мирским заботам,
За мной пойдешь? Мне ль за тобой идти?

III

Марьин-травка колыхается едва.
Покойно и прохладно под навесом.
Но парус поднимать пора, рыбак!

Как угадать, куда подует ветер?
Пускай плывет челнок по воле волн!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ручьи впадают в северную заводь,
Впадают в южную — прекрасны все!

IV

«Когда вода мутна, в ней ноги мыть
Нам не заказано!» А так ли это?
А ну-ка веселее! Налегай!

«Поедем в царство У!» — Но реки там
Тысячелетний гнев хранят в пучине!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

«Поедем в Чу!» — Но в чреве чуской рыбы
Душа поэта скорбная живет!

V

Там, где густая тень высоких ив,
Причудливы замшелые утесы.
А ну-ка веселее! Налегай!..

За место спор не надо затевать,
Как иногда у рыбаков бывает!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Ты, человека встретив, вспомни тех,
Кто Шуню уступал свое жилище!

VI

Любуясь видами реки и гор,
Я не заметил, как подходит вечер.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Рукой по мачте такт я отбиваю
И напеваю что-то про себя.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто из живущих ныне постигает
Смысл сокровенный песни вод речных?

VII

О, как хорош закатный этот час!
Но, кажется, уже смеркаться стало.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Тропинка, что спускается по склону,
Наискосок сбегает под сосну.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Средь зелени, среди листвы деревьев
Свист иволги я слышу там и тут.

VIII

Я сети для просушки разложил.
Пора и отдохнуть мне под навесом.
Покрепче привяжи челнок, рыбак!

Хоть говорят, что комары зловредны,
Но «мухи синие» еще вредней!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Какой-нибудь наушник не подслушал,
Не донесет опасные слова?

IX

Как можно было тихим утром знать,
Что к ночи вихорь налетит жестокий?
Причаливай, причаливай, рыбак!..

Кто же когда-то сочинил стихи
О «лодке на пустынной переправе»?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Чудеснее нет ничего на свете,
Чем «травы пышные на берегу»!

Х

Как дом улитки — хижина моя,
Сейчас окутанная облаками.
Причаливай, причаливай, рыбак!..

С широким веером из камыша
Вверх я иду дорожкой каменистой.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пусть говорят: «Старик живет без дела!»
Нет, это — жизнь! Не надобно иной!

ОСЕНЬ

I

Не правда ль, только рыбаку дана
Жизнь вне тщеты, для радостей высоких?
Спускай челнок! Пора спускать челнок!

Над старцем-рыбаком не насмехайтесь —
Не зря художники его рисуют!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В любое время чуден вид реки,
Но осенью — нет для нее сравненья!

II

Уже настала осень на реке.
Набрала рыба жир — и веселится!
Отчаливай! Отчаливай, рыбак!

Среди просторов этих беспредельных
Находит наслаждение душа.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

О мире том, что бросил, так скажу я:
Чем дальше от него, тем лучше нам!

III

По небу пробегают облака,
Вершины сосен на ветру трепещут.
А ну-ка, парус поднимай, рыбак!

На западное озеро вначале,
Потом и на восточное пройду я.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Повсюду перец водяной алеет,
Цветами белыми марьм цветет!

IV

Гусь над горою тихо пролетел.
Туман, ее скрывавший, разошелся...
Давай-ка веселее! Налегай!

О рыбе я уже почти забыл—
Опять на вид осенний засмотрелся!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Закатным солнцем ослепляет взор,
А склоны гор все золотом расшиты!

V

Каких я рыб сегодня наловил?
Все крупные — из серебра и яшмы!
Давай-ка веселее, налегай!

Сейчас сгребу я камыша сухого
И на костре одну из них спеку.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кувшин свой глиняный я наклоню
И ковшик для вина вином наполню!

VI

Попутный ветер вовремя подул—
Под парусом домой я возвращаюсь.
Причаливай, причаливай, рыбак!

На гладь речную темнота ложится,
А на душе совсем-совсем светло!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Глазам людским не надоест вовеки
Багрец деревьев и прозрачность вод!

VII

«Легла на землю белая роса»,
И ясная луна уже восходит.
Причаливай, причаливай, рыбак!

От Башни Фениксов я далеко—
Кому же подарить сиянье это?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Когда бы мог я эликсир бессмертья
Вручить тому, кто духом храбр и чист!

VIII

Повсюду есть земля, над нею — небо,
А где здесь небеса и где земля?
Челнок покрепче привяжи, рыбак!

Пыль с запада сюда не долетает—
Не надо глаз ладонью прикрывать!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Где искушающих речей не слышно,
Там нет нужды и уши промывать!

IX

Хоть на мою одежду иней лег,
Я холода не чувствую нисколько.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Твердят мне, что непрочен мой челнок...
А жизнь средь распрей и тревог надежней?!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Здесь вечно неизменен ход вещей,
И знает человек, что будет завтра...

X

К лачужке среди сосен на скале
Иду, чтобы луной полюбоваться.
Причаливай, причаливай, рыбак!

В горах пустынных листья облетели,
Где ж затерялась узкая тропинка?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Меня сопровождают облака,
А на плечах накидка из соломы.

ЗИМА

I

Ни облачка в небесной вышине,
И солнце ярче, чем бывает летом.
Спускай челнок, спускай челнок, рыбак!

Все замерло между землей и небом,
И только море то же, что всегда.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Как шелк, разостланный до горизонта,
Сверкает предо мной простор воды!

II

Собрал я снасти, леску намотал,
Да щель в борту подконопатить надо.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Мне говорили: сети в лед вмерзают
На Сян-реке и в озере Дунтин.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

На лов идти в такое время года
Лишь на море и можно рыбаку.

III

Вся рыба из-под берегов ушла
И, сонная, на глубине таится.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Пока безветренно и светит солнце,
Морские дали ожидают нас.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Была бы лишь наживка та, что нужно,
А рыбка будет, будет на крючке!

IV

Минувшей ночью землю снег покрыл,
И все окрестности преобразились.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Передо мной — блестящее стекло,
За мной — ступени гор из белой яшмы!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Где я? Быть может, у престола Будды?
Быть может, это — некий мир иной?

V

Забыв об удочке и о сетях,
Рукою такт по борту отбиваю.
А ну-ка веселее! Налегай!

Куда же плыть? Пожалуй, мелководье
Пересеку — и выйду на простор.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Вот как бы ветер не разбушевался,
Подует с севера — совсем беда!

VI

Куда-то галки к вечеру летят?
Черны они, а все вокруг белеет.
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Снег начался. И ничего не видно.
Густая мгла передо мной легла.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто и когда подаст сигнал тревоги?
Туман разгонит? С мира смоем стыд?

VII

Утес зеленый, красная скала —
Как ширмы расписные над волнами.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Не все ли мне равно, какая рыба
Сегодня плещется и бьет о дно?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

В плаще широком, в шляпе из бамбука
Один сижу я в утлом челноке.

VIII

Зачем здесь одинокая сосна?
Что нужно ей на берегу безлюдном?
Челнок покрепче привяжи, рыбак!

Завеса туч от глаз моих закрыла
Ничтожный мир волнений и страстей!
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Пускай всегда гремят валы морские
И заглушают дальний шум мирской!

IX

Путь верности природе — правый путь.
Так с древности все мудрецы считали.
Причаливай, причаливай, рыбак!

Кто на «косе в семь ли» в овечьей шкуре
Во времена Гуань-ди рыбачил?
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!..

Кто рыбу десять лет ловил в Вэйшуй,
Когда от холода сводило руки?

X

Как быстро наступает темнота!
Уже поесть и отдохнуть пора мне.
Причаливай, причаливай, рыбак!

В лучах заката на сугробах снежных
Как будто красные цветы цветут.
И — раз! И — два! Гребь, гребь, весло!

Пока луна не скрылась за горами,
Любуюсь видом, стоя у окна!

ПОЭМЫ — КАСА

ЧОН ГЫГИН

(1404—1481)

СЛАВЛЮ ВЕСНУ

По нраву ль мною избранный удел
Вам, погребенные в пыли багряной?
Постигшие «дух ветра и потока»,
Чему учили древние мужи?
На свете, между небом и землей,
Дороги у людей многообразны.
Но разве тот не знает наслажденья,
Кто средь лесов и гор нашел приют?..

Поставил я у синего ручья
Свою лачужку с кровлей травяною.
Я чувствую себя в сосновой роще
Хозяином над ветром и луной.
Зима недавно только миновала,
И ранняя весна настала вновь.
Смотрю, как персики и абрикосы
Уже в лучах заката расцвели.
Под редким дождичком на берегу
Взошла трава, зазеленели ивы.
Чья это кисть все так нарисовала?
Чей нож искусно вырезать сумел?
Чудесна на земле любая вещь,
В которой мы Владыку Неба видим!
В лесах повсюду распевают птицы—
Они не в силах свой восторг сдержать,
И песен этих каждый звук прекрасен!
Все сущее вокруг и я — одно!
Как я могу не восхищаться миром?!
Стою ли у ограды возле дома
Или, задумавшись, сижу в беседке,
Хожу ли по горам, стихи читая,—
В уединенье дни мои текут.
Здесь жизни смысл, ото всего свободной,
Среди людей лишь я один постиг!

Друзья, послушайте, я вас зову
Горами и ручьями любоваться!
Сегодня будем средь полей бродить,
А завтра — в светлой заводи купаться.
С утра мы травы станем собирать,
А к вечеру поближе — порыбачим.
Мы станем молодое пить вино,
Через холстину процедив его,
И каждую из чаш цветком отметим.
Лишь теплый вешний ветерок повеет,
Челнок направьте к дому моему!
Здесь ароматом будут полны чаши,
Здесь алый цвет деревьев, осыпаясь,
Покроет платье дорогих гостей.
Вина не хватит — вы лишь мне скажите,
И мальчика я в кабачок пошлю.
Из дома выйдем — и вино за нами
В корзинах ребятишки понесут.

Стихи читая про себя, брожу,
Сижу у речки с дном белопесчаным
И вниз смотрю. И, чашу сполоснув,
Вновь наполняю. А поток прозрачный
Цвет персиков уносит по волнам.

Не здесь ли дивные сады Улина?
Не за соседней ли они горой?
Между кустов цветущих, между сосен
По узенькой тропинке пробираюсь
К вершине, утонувшей в облаках.
Внизу я вижу тысячи селений.
Под ярким солнцем, в чуть заметной дымке
Земля вся кажется расшитой шелком.
Еще недавно темные долины
Вновь заиграли красками весны!

Богатство с знатностью мне ненавистны,
И почести и слава — ненавистны.
Друзьями верными назвать могу я
Лишь свежий ветер, ясную луну!
Покой и бедность для себя избрав,
Тщеславыю в мыслях не даю я места.
Что может быть прекрасней вольной жизни
Среди зеленых гор и синих рек?

ЧОН ЧХОЛЬ

ТОСКУЮ О МИЛОМ

I

На свет я родилась лишь потому,
Что мне предназначалось быть с тобою.
И разве в небесах о том не знали,
Что путь земной нам проходить вдвоем?
Лишь для тебя была я молодой,
Одну меня любил ты в целом мире.
Такой любви, как эта, не бывало,
И для нее сравненья не найти!
С тобой в покои Лунного Дворца
Еще недавно мы входили вместе.
Так почему же старость я встречаю
Совсем одна, от милого вдали?
За что меня услали в мир людей
И всех небесных радостей лишили?
С тех пор уже три года миновало,
Как не расчесывала я волос,
Румян не доставала и белил;
К чему мне украшенья и наряды,
Когда, как снежные сугробы в поле,
Лежит в душе глубокая печаль?

Что бы ни делала — вздыхаю я,
Куда бы ни пошла — роняю слезы
И думаю: предел положен жизни,
А горю моему предела нет!
Минует время, как вода бежит,
И в свой черед приходит зной и стужа,
Зима идет за летом — и окрестность
Свой облик изменяет на глазах.

2

Мне все вокруг о милом говорит,
Все будто отклик и воспоминанье.
Восточный теплый ветерок повеял,
Последние сугробы растопил.
На ранней сливе под моим окном
Покрылись ветви первыми цветами.
Зачем они так свежи и прекрасны?
И для кого благоуханье их?

В вечерних сумерках встает луна,
Ее лучи касаются подушки.
Я плачу и смеюсь: мне показалось,
Что это ты незримо в дом вошел.
Когда бы, ветку сливы отломив,
Ее послала я тебе, любимый,
Как прочитал бы ты письмо такое?
Что стал бы думать, на него взглянув?

3

С деревьев вешний цвет уже опал,
И тень от них на землю опустилась.
За занавеской, на которой вышит
Цветущий лотос, я сижу одна.
Откинув занавеску, вновь смотрю
На ширму с нарисованным павлином.
Всегда ли время тянется так долго,
Когда скорбит о прошлом человек?

Отмерив золотою меркой шелк,
Крою его и подбираю нитки:
Хочу, чтоб пара уток-неразлучниц
Украсила твой праздничный халат.
Я в вышивке искусна и в шитье —
И глаз обрадует моя работа!
Кладу халат в ларец из белой яшмы,
Ларец укладываю на чиге.

Хотела бы послать его тебе—
Через высокие крутые горы,
Всегда затянутые облаками,
Где нет ни перевалов, ни дорог.
Кто мой подарок сможет отнести?
Кто десять тысяч ли пройти сумеет?
А если бы сама я одолела
Опасный этот путь, ты был бы рад?

4

Осенний иней выпал на поля.
С прощальным криком гуси улетели.
Поднявшись на последний ярус башни,
Через хрустальное окно смотрю.
Над темною горой взошла луна.
Полярная звезда стоит на небе,
Всегда прекрасная, как мой любимый,—
И слезы набегают на глаза!

Собрав в охапку свет луны и звезд,
К Палате Фениксов его отправлю,
Пусть яркими лучами воссияет
Над городом, где милый мой живет,
Чтоб все четыре стороны земли
Прозрачным этим светом озарились,
Чтоб на горах и в глубине ущелий,
Как в летний полдень, стало вдруг светло!

5

Зима и на земле, и в небесах,
И снег уже окрасил белым цветом
Окрестные холмы, поля и рощи,
И реку Сяосян сковало льдом;
Не слышно голосов людских нигде,
Не видно птиц, летавших здесь недавно,
А если и у нас похолодало —
Как холодно в Нефритовом Дворце!
Он мрачен и высок, в нем солнца нет —
Над ним оно, наверно, и не всходит...
К тебе сама широким опахалом
Я погнала бы вешнее тепло!

6

Малиновую юбку подоткнув
И аккуратно засучив до локтя
У темно-синей блузки рукава,
По рощице бамбуковой брожу,
Понять стараюсь, в чем моя вина?

День на исходе. Долго ночь продлится.
В дом воротясь, сижу я неподвижно,
О локоть подбородком опершись.
Придвинувшись поближе к фонарю,
Прикрытому светло-зеленым шелком,
Беру я в руки цитру, на которой
Из перламутра выложен узор...
Ложусь под одеяло, а на нем
Красуются две уточки, как прежде.
И ночь все не кончается, все длится.
И зябко мне, и не приходит сон...

Всего двенадцать месяцев в году,
Но в каждом тридцать дней таких, как этот,
Где каждый час и каждое мгновенье
Исполнены печалью о тебе.
Она таится в сердце у меня,
Подобная неведомой болезни:
С ней совладать не мог бы и Бянь Цяо,
И от нее лекарства нет нигде!

О, если б мне скорее умереть
И вновь родиться бабочкою пестрой!
Порхала бы я солнечной порой
С цветка и на цветок в траве зеленой,
И над плащом пурпуровым твоим
Я вечно крылышками трепетала б,
Тебя овеивая ароматом...
А ты бы и не знал, что это я!

ПУТЕШЕСТВИЕ В КВАНДОН

Мучимый тяжким недугом,
Долго я ждал исцеленья,
Жил в бамбуковой роще
Среди рек и озер.
Но государь повелел мне
В Квандон необъятный ехать,
И тотчас за назначеньем
В столицу я поспешил.

О государь, безгранична
Твоя доброта и милость!..
В Воротах Западных спешась,
Я к Башне Торжеств прошел.
Затем, ко двору представясь,
Получил на служенье
Нефритовую дощечку —
Доверья и власти знак.

И вот пустился в дорогу:
Доехал до Пхёнгуёка,
Потом лошадей сменил я
И повернул на Хыксу.
Сомган осталась за мною,
Чхиак впереди поднялся.
Куда вы стремглав несетесь,
Воды реки Соянган?

Я стар, одинокий сановник,
Покинувший двор и вана.
Давно уже поселилась
В моих волосах седина.
На дворе постоялом
Ночью глаз не сомкнул я.
Едва рассвело, поднялся
К Башне Полночных Пространств.

Отсюда, казалось, я вижу
Дворец Кунъе знаменитый,
Над которым сегодня
Только сороки кричат.
Им, быть может, известны
Тайны паденья и взлета,
Расцвета и возвышенья,
И гибели государств?

О, если бы можно было
Вернуть величье и славу
Добрых времен минувших
Правления Цзи Чжанжу!
К Кленовым Вершинам дорога
Идет по берегу речки.
Оставив поклажу, бреду я
Каменистой тропой.

Здесь, среди Гор Алмазных,
В Манпхоктонской долине,
Стою, опершись на посох,—
Любуюсь радугой я;
Цветистей, чем хвост дракона,
Она поднялась над ущельем,
Где гром непрерывно грохочет
И словно бы снег идет.

Над гребнями Гор Алмазных
На самых крутых вершинах
Гнездится журавль священный,
Выводит своих птенцов.

Весенний ветер, играя
На свирели из яшмы,
Баюкает их ночами,
Будит их ото сна.

В своей черно-белой одежде
Парят журавли в поднебесье
Или, резвясь и играя,
Носятся взад-вперед.
И смотрит Линь Бу-отшельник
На полет журавлиный —
И поселяется радость
В старом сердце его.

...Уже далеко остались
Две вершины, что схожи
С парой больших курильниц,
Если сверху смотреть.
Поднимаюсь все выше.
Потом сижу, отдыхая,
На Террасе Покоя
В обители Чонъянса.

Славлю тебя, создавший
Все, что нас окружает!
Одна за другою горы
Громоздятся вдали;
Каждая — словно лотос,
И тысячи лотосов ярких
Шелковым поясом белым
Связал владыка в букет.

Гора Мангодэ на востоке
Вздывает голову к небу,
На западе, в отдаленье,
Пик Хёльманбон стоит.
О чем бы он мог поведать,
Могучий и одинокий?
Проживший тысячелетья,
Как не согнулся он?..

С Террасы Добра я вижу
Город белых утесов —
Там легкой дымкой повиты
Двенадцать тысяч вершин.
Там в чистоте первозданной
Облаков и туманов
Воплощена от века
Душа благородная гор.

О, если бы можно было
Вновь создать человека
Из этой волшебной дымки,
Из красоты неземной!
Он был бы велик, как горы,
Как горы, был бы прекрасен...
Но мир — увы! — пребывает
Таким, каким сотворен!

Кто и когда по кручам
На пик Пиробон поднялся?
Никто... Но люди стремятся
Достичь вершины вершин.
Конфуций с высот Дуншаня
Всю землю увидел — и понял,
Что царство Лу в мирозданье —
Как веревки кусок!

Простор Поднебесной тоже —
Всего лишь лоскут вселенной,
До рубежей которой
Не доходил никто.
Тому ж, кто решил однажды,
Что подниматься не надо,
И не достиг вершины,
Так ли уж страшен спуск?..

По Вонтхонской долине
До Львиной Скалы я добрался.
Здесь из-под серого камня
Течет ручей Хварёндам.
Словно змея, он вьется
Во глубине ущелья,
К синему морю бежит он,
Спешит он и день и ночь.

Здесь горные склоны и кручи
Иссохшей травой покрыты,
Ждет трава не дождется
Сливового дождя.
Здесь, в монастырском храме,
В Манпхоктонском ущелье,
Изображенье Манджушри
Паломник мне показал...

Но — хватит смотреть на горы.
Восточное море близко.
Конь мой тащит повозку
К Башне Горная Тень.

Здесь, радуясь нашей встрече,
Птицы щебечут и свищут.
И вот лазоревым флагом
Море взметнулось ввысь!

Как трубы и барабаны,
Волны гремят и грохочут
И разгоняют тучи,
Нависшие над водой.
И очарованный путник
С моря взора не сводит.
А конь по песчаной тропинке,
Покачиваясь, идет.

Потом, в стороне оставив
Красоты бурного моря,
Сворачивает дорога
В заросли диких роз.
Белая птица взлетела,
Крыльями затрепетала.
Белая чайка, не бойся —
Я издавна друг тебе!

Окольным путем я добрался
К Кымнангульской пещере.
Здесь от Нефритовой Башни
Остались руины одни!
О чем они повествуют,
Белые эти колонны?
Об искусстве Гун Чуя,
О том, кто разрушил их?

Косон позади я оставил
И к Бухте Трех Дней подъехал:
Шесть иероглифов красных
На склоне горы видны.
Где же четыре хварана,
Которые их написали?
Куда они удалились,
Ушли на четвертый день?

К Озеру Развлечений?
Или к Пруду Бессмертных?
Неужто они не присели
В Беседке Горный Ручей?
Печально кричит кукушка.
Слива свой цвет роняет.
Мне никто не ответит —
И я продолжаю путь...

Заночевать решил я
На склоне восточном Наксана.
До рассвета поднялся,
Чтобы встретить восход.
Увидел я в это утро,
Как дракон шестиглавый
Грядущим облакам пятицветных
На небо поднимал.

Когда же запылавшее солнце
Отделилось от моря,
Замерли в восхищенье
Все десять тысяч царств!
Оно поднялось так быстро
И все вокруг осветило,
И каждая волосинка
Стала тогда видна!

Давно уже нет поэта,
Но он рассказал об этом.
Кто утверждать решится,
Что слов его тоже нет?
Сердце другому сердцу
Раскрывает так много!
И благодаря поэту
Мир открывается нам!

...Вдоль подножья Хёнсана
Тащит мой конь повозку.
В лучах заходящего солнца
Спускаюсь к бухте Кёнпо.
Здесь, на пологих склонах,
Кусты чхольчук расцветают,
Группами стройные елки
Выбежали на мыс.

Не шелохнется море —
Поверхность его простерлась
Куском серебряной ткани,
Проглаженной утюгом.
Сквозь прозрачную воду
Дно песчаное видно.
Сажусь в одинокую лодку,
Взмахиваю веслом.

В час предвечерний заводь
Спокойна и величава.
Лодка моя проплывает
Под мостом Канмунгё.

Что на свете прекрасней,
Чем эти места у моря,
Где живо воспоминанье
О юной красе Хонджан!

И вот и Канны обширный,
Где девушкам добронравным
И юношам благородным
Ворота посвящены.
Все вокруг — как когда-то,
В эпоху Яо и Шуня,
Когда благодатью небесной
Был каждый дом осенен!

Где-то предел положен
Скитаниям человека,
Но нет предела надеждам,
Которыми он живет;
Он в высоту стремится,
Чтоб на плоту бессмертных
От северных звезд до южных
По вечному небу плыть.

...Землю от края до края
Пристальным взором окинув,
Стою, по ступенькам поднявшись
К Беседке Над Синей Водой.
Кто бушевать заставляет
Эти громадные волны?
Кто швыряет их в небо
Серебряною горой!

Кто друг на друга несет их?
Кто могучим ударом
На тысячи мелких осколков
Вдруг разбивает их?
Зачем, кто может ответить,
Над гневно шумящим морем
Разносит ветер весенний
Вишневые лепестки?

...И снова стихает море.
Сумерки наступают.
Скоро из-за Фусана
Взойдет молодая луна.
Жемчужную занавеску
На небе она поднимет —
И ярко блеснут на море
Яшмовые островки.

Восходит Звезда Рассвета.
Лотос цветы раскрывает.
И все, что меня окружает,
Подарено Небом мне.
И все, что глаза мои видят
В этом чудесном мире,
Я непременно должен
И другим показать!

Я к луне обращаюсь:
Пусть она мне ответит,
Где те четверо славных?
Куда удалились они?
Где те четыре хварана,
Что путь на восток держали?
Из запредельного края
Кто весточку мне подаст?

Устал я в долгой дороге.
Однажды остановившись,
Прилег под старой сосною
И вскоре крепко уснул.
И мне явился бессмертный,
И в чудном сне я услышал:
«Должно быть, ты провинился
Перед Владыкой Небес?

И грешника он низринул
В человеческий омут...
Но погоди немного,
Вина моего испей!
Неиссякаемой чашей
Будет нам Ковш Небесный.
Синей водой океанов
Мы наполним его.

Раз, и другой, и третий
Пригубим волшебный напиток —
И божественный ветер
На крыльях поднимет нас.
Край запредельный снова
Откроется перед глазами...
Выпьем волшебный напиток,
Всех людей напоим!»

Так сказал небожитель
И на журавле вознесся
Ввысь, к Девятому Небу,
Откуда спускался ко мне.
В воздухе раздавались
Звуки нефритовой флейты.

Проснулся я — и увидел:
Только море внизу.

Его глубин я не знаю,
И что вокруг — я не знаю.
А свет луны озаряет
Землю, и воды, и твердь...

СОНСАНСКИЕ НАПЕВЫ

В Сонсан пришел однажды некий странник
И к Ким Сонвону обратился так:
«Не мог бы ты, любезнейший хозяин
Беседок Сигёнджон и Сохадан,
Мне разъяснить мое недоумение:
Так много радостей доступно нам —
Зачем же ты всему предпочитаешь
Уединенье среди гор и рек?»

Подмел хозяин под большой сосной,
Потом на лавку положил подстилку.
К бамбуковому столику присев,
Они окинули окрестность взглядом.
По небу проплывали облака
К горе Сосок, что служит им жилищем,
То собирались у нее на склонах,
То снова уходили от нее.
Внизу сверкала горная река:
Небесная Ткачиха с громким шумом
По солнечной долине расстилала
Свои шелка, чтоб выкроить из них
Невиданные на земле одежды.

И вот что страннику сказал хозяин:
«Здесь я не помню о календаре,
Здесь время года узнают по краскам
Холмов окрестных и листвы деревьев.
И все, что видишь ты перед собою,
Есть мир отрекшихся от суеты.

Весна ко мне приходит тенью сливы,
Что расцветает под моим окном:
Меня ее благоуханье будит;
И, с первыми лучами с ложа встав,
Я выхожу на солнечный участок,
Где высадил рассаду огурцов.
Здесь много дела у меня всегда:
Окучиваю, грядки подправляю
Или выпалываю сорняки,
Как тот старик, что у Ворот Зеленых
Нашел себе занятие по душе.

Обув соломенные башмаки
И прихватив бамбуковую палку,
Иду я мимо персиков в цвету,
Потом вдоль луга по тропинке узкой.
А каменные ширмы скал прибрежных
В зеркальной отражаются воде,
И тень от них меня сопровождает,
Как верный друг, до Западной реки...
Не здесь ли дивные сады Улина?
Не здесь ли Персиковый Ключ течет?

Внезапно налетевший ветер с юга
Ветвей густую сеть пошевелил.
Трель несравненная слышна из рощи—
Откуда прилетел ты, соловей?..
В беседке над узорчатой водой
Дремлю я на подушке Сихуана,
Про все дела мирские позабыв;
Халат из мешковины подобрал
И шляпу из дерюжки нахлобучив,
Любуюсь долго стайками рыбешек,
Резвящимися на песчаном дне.
В долине ночью дождик прошумел,
И лотос розовый, и белый лотос,
Испив прохладной влаги, расцвели.
Затишье. Все кругом благоухает.
Как будто встретил я сейчас Ляньси
И тайну бытия он мне поведал
Или даос, постигший мудрость мира,
Открыл мне книгу Яшмовых писем.

Скалу Бакланов обойдя, стою
У отмели, на тропке каменистой,
Укрывшись от полуденного солнца,
Сижу я под сосной на берегу.
Из синей речки выйдя на песок,
Со мною рядом мирно утка дремлет
Или, внезапно отряхнувши сон,
Заводит дружбу с хлопотливой чайкой.
На целом свете нет существ свободней,
Чем утка, чайка белая и я!

Сквозь сень одона лунный луч скользнул,
Уже четвертую пробили стражу,
А тысячи ущелий и оврагов,
Равнин и гор освещены, как днем.

Не во дворце ли я сейчас Хрустальном,
Воздвигнутом на озере Сиху?
Или через Серебряную Реку
Перемахнул и на луне стою?..

Двойняшки-сосны над рекой склонились.
Пониже — рыболовные мостки.
Челнок отвязываю. Среди ряски
И зарослей ореха водяного
Плыву один — неведомо куда.
А на зеленом берегу реки
Пасут коров крестьянские мальчишки.
Я слышу в предвечерней тишине
Далекий звук пастушеской свирели.
И чудится, что от него проснется
Дракон, живущий в омуте речном.
И журавли, свои покинув гнезда,
К заре закатной взмоют в высоту.

Су Ши в поэме «Красная стена»
Воспел Седьмого месяца красоты.
Но разве кто доказывать решится,
Что середина месяца Восьмого
Не так же хороша, когда в ночи
Прозрачна даль и плещется порою
Волна у берега? Луна взошла
И посреди реки на якорь стала...
Вот так Ли Бо заморожен был сказкой
И утонул, когда ловил луну!

В горах сметает ветер нелюдимый
Опавшую поблекшую листву.
Он стаи туч перед собою гонит,
Поля пустые инеем покрыл.
Владыка Неба вырезал искусно
Из яшмы белоснежные цветы
И разукрасил ими десять тысяч
Безлистных роц и тысячи садов.

У переправы реку лед сковал,
И мостик обветшал и покосился.
Бредет через него старик-монах,
Настил ощупывая толстой палкой.
В какой обители покой найдет он?
Я знаю, что безмерно он богат,
Но тайн обогащенья не откроет:
Пусть сам отыщет человек дорогу
В тот храм, что убран серебром зимы!

Нет собеседника в горах пустынных.
Здесь, летописи ханьские читая,
Воображением я постигаю
Деяния глубокой старины.
О, сколько воинов и мудрецов
Стремились к истине и совершенству!
Но с той поры, как твердью мир накрыт,
Он неустойчивостью отличался.

Непостижимы судьбы царств земных,
Эпохи процветанья и паденья!
Немыслимо печален путь, которым
Мятущийся проходит человек!
Прав был Сюй Ю, когда в горах Цзишань
Водой источника промыл он уши.
Звук черпака, звеневшего под ветром,
Напоминал ему об искушенье
И укреплял решимость. Он остался
Душою чистым, совестью прямым.
Подобно туче, приносящей бурю,
Мирская суета несет беду...

Вино есть молодое у меня,
И я к нему недавно пристрастился.
Кувшин придвинув, чашу наполняю
И пью, чтобы забыть о всех печалях.
Перебирая струны комунго,
Я начинаю петь про «Ветер в соснах»...
Ты знаешь, я уже почти забыл,
Кто гость сегодня здесь, а кто — хозяин.
Должно быть, господин долины этой,
И гор зеленых, и прозрачных рек—
Журавль, тот, кто парит сейчас над нами,
Тот, кто нас ждет в Нефритовом Дворце!»

И так хозяину промолвил странник:
«А разве ты не из бессмертных сам?»

ПАК ИННО

(1561—1642)

ПЕСНЯ О ЁННАМЕ

Что стали делать люди, возвратясь
На землю разоренного Ённама,
Когда стремглав от нас враги бежали
И кончилась Имджинская война?

Среди руин, заросших лопухами,
На пустырях землянки стали рыть,
И надо было вновь пахать и сеять
На брошенных давно уже полях!
Забот и тягот у людей хватало,
Повинностей у них не стало меньше!
В трудах своих, о времени забыв,
Всегда голодные, в одежде ветхой,
Они хранили верность государю,
Который видит все и знает все!

О государь наш совершенномудрый!
На десять тысяч ли вокруг он видит,
Его добросердечью нет предела,
И добродетели границы нет!
Чтоб люд простой мог к жизни возродиться,
Вас, достославного, он к нам послал!
Лишь тот, чья мысль, как море, глубока,
Чьи помыслы светлее белой яшмы,
Мог «Девять основных установлений»
Народу бедствовавшему явить!
Вы поступаете, как Цзи и Се,
Вы правите, сангук, как Шунь и Яо,—
Дух вечной истины и просвещения
Вы рассеиваете в толпе людской!
Вы, как отец, печетесь обо всех
Семидесяти областях подвластных;
Вы — словно мать, что днем и поздней ночью
Больное пестует свое дитя;
Вы — словно дождь, пролившийся с небес
На нивы в пору Засухи Великой;
Вы — словно тот, кто в пруд родной вернул
На суше задыхавшуюся рыбу;
На тысячи семейств, на много тысяч
Всегда хватает вам забот и благ!

Как будто вешним ветром веет там,
Где добродетель стала основаньем
Всего, что, о сангук, вершите вы
Для дела ратного и земледелья.
Здесь мирно трудится простой народ:
Крестьяне пахут, ткут холсты крестьянки.
Но войско храброе готово к бою,
И крепкий лук и стрелы под рукой.
Подобная луне после дождя,
Ясна душа у вас, и дух ваш светел.
Вы государю преданы всегда
И государственным делам, в которых
Стремитесь строго следовать закону
Незыблемых естественных начал.

Вы знаете: решением мудрым было
Назначить вас правителем сюда.
Не диво ли неслыханное в том,
Что свой народ правитель осчастливил?
Кто может оставаться равнодушным
К деяниям подобным, зная их?
Любовь простолюдинов заслужив,
Чиновники, поставленные вами,
Преобразили нищие селенья
В обетованную страну Улин.
Бамбуковая роща предо мной.
В ней школа, где Конфуция читают.
В беседке средь зеленых тополей
О веке золотом я слышу песню.
Да, славные настали времена,
Такие, как при Гэ-тянь-ши когда-то.
Сердца, не ведавшие благодати,
Открылись для ученья и добра.
Все тяжбы прекратились навсегда;
Судейские подворья опустели,
Не стало жалобщиков и сутяг.
В тысячелетье раз бывает так,
Чтобы судья без дела оставался
И все ворота у темниц открылись!
Покой и тишина стоят повсюду,
И некого и не за что судить!
Своей дорогой женщина идет,
Своей дорогой следует мужчина.
И на полях возделанных не спорят
О том, где полагалось быть меже.
Поведай мне, кукушка, расскажи,
Встречала ли ты край такой, как этот?
«Ку-ку... Ку-ку! Я далеко летала,
Такой страны, как эта, не нашла!»
Не забывайте, люди, ни на миг
Благодеянья своего сангука!
Купите шелку белого побольше,
Того, что прежде ткали в царстве Ци,
Пусть краски рисовальщики возьмут
И все дела правителя опишут—
Так, как уже когда-то описали
Великие деянья Сыма Яня!
Пусть вывешят полотнища в селеньях,
Чтобы о Ли Гынвоне знали все!

СЛОВО О МИРЕ

(Отрывок)

Мир! О мир! Тебя я ждал так долго.
Но чиста душа пред государем—
Я на поле битвы был семь лет,
Каждый час и миг готовый к смерти,
Чтобы это утро наступило.

Светит солнце. Стройными рядами
Мы идем и мир несем желанный
Хижинам родимых деревень.
Слышишь флейты? Слышишь барабаны?
Слышишь трубы славят этот день?!
Свежий ветер западный колышет
В вышине знамена полковые.
Словно с поднебесья вниз спустились
Стаи пятицветных облаков,
Чтобы радость разделить с народом.
Перекинув лук через плечо,
Воины проходят по дороге
И поют — и песню слышно всюду.

Воины, взмахнув мечами, пляшут,
И под яркими лучами солнца
Блеск стальных клинков глаза слепит.
Над дорогой не смолкает песня,
И веселой пляске нет конца.
Испокон веков не знали люди
Торжества такого на земле!
И пришла пора, настало время
Луки все со стрелами собрать
И забросить далеко-далёко,
За вершины поднебесных гор,
И заняться важными делами
Государства прадедов моих.

Видишь, как усталые бойцы
Сладко у обочины уснули,
И во сне они, наверно, видят,
Будто век вернулся золотой,
О котором говорят преданья,
Вещие преданья старины.

Люди, прятавшиеся в ущельях,
Женщины, и старики, и дети,
Словно ласточки с весенним ветром,
Возвращаются в свои дома.
Их истосковавшиеся души
Радостью охвачены великой.

Кто же не порадуется нынче,
Не восславит мужество народа?
Кто же не порадуется нынче,
Не восславит мудрость государя?
Это он вознес и возвеличил
Государство прадедов моих.

Помоги ж отчизне нашей, Небо!
Дай благополучье нам и счастье!
Ниспошли нам вечное согласие,
Солнцем незакатным обогрей!
Пусть живет, цветет страна в покое
Ровно десять тысяч долгих лет,
Пахаря за мирною сохою
Пусть прославит песнями поэт.
Пусть правитель правит справедливый
Десять тысяч лет страной счастливой,
Государством прадедов моих!

СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ГЛУШИ

(Отрывок)

Верно, нет глупей меня на свете,
Потому что счастьем называл я
Жизнь в заброшенном глухом селенье.
В дни, когда осенний хлещет дождь,
Я очаг топлю гнилой соломой
И на дымном пламени готовлю
Свой обед из трех горстей зерна...

...Хлебопашеством как делом низким
Не пренебрегал я. Но весною
Засуха была. Трудясь усердно,
Я на склоне западном холма
Смог залить лишь половину поля,
А в исходе дня пошел к соседу,
Обещавшему быка. И долго
У калитки запертой стоял.
Окликал. Стучал. И громко кашлял.
Вышел наконец сосед. Спросил:
— Почему так поздно? Что случилось?
— Я прошу, почтеннейший, быка.
Помогите старику, как прежде!
Но сердито он ответил мне:
— Вечером мы пили с другом старым,
Заедали жареным фазаном.
Другу обещал я дать быка.

Башмаками шлепая худыми,
Я домой в тот вечер возвращался.
Мне вдогонку лаяли собаки,
Охранявшие свои дома.
Ночью я не спал. Все ждал рассвета.
И никто моих забот со мною
Разделить не захотел. К утру
Только голуби заворковали
Ласково и нежно, как всегда.

СТИХИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ УРОЧИЩУ НОГЕ

Стар я уже для странствий
По горам и долинам,
Но в сердце мечту лелеял—
И нынче, в разгар весны,
Надев одежду простую
И деревянную обувь,
Взяв бамбуковый посох,
В Ноге отправился я.

Край этот благословенный,
Горы его и воды,
Наверно, Землей и Небом
Предназначены мне.
Взойдя на утес высокий,
Увидел я спину дракона,
Увидел спящего тигра
в Очертаньях хребтов.
Внизу, где речка сверкает,
Безветренно и прохладно,
И хижина приютилась
У зарослей камыша,
А чуть повыше над нею
Сосна одинокая встала,
И медленно белая тучка
Сквозь эту сосну плывет.
Только сюда пришел я,
Стал я всему хозяин—
Ключам, и лугам зеленым,
И ветерку, и луне.
Мои эти стаи чаек,
Стада быстроногих оленей,
И поле, не ставшее пашней,
И рыбная заводь в реке.

Я здесь, как отшельник древний,
Сущность вещей постигаю,
И передо мной природа
Свой раскрывает лик.
И я становлюсь мудрее,
И я становлюсь счастливей
Под покровительством духов
Неколебимых скал.
Душа чиста и покойна,
Свободна от всех печалей,
Горным воздухом чистым
Грудь моя дышит легко.
Птицы и дикие звери
Уже меня не боятся.
И с каждым днем все прекрасней
Мир, открывшийся мне.
Остаться бы здесь навеки,
Рыбу удить ночами
Или на горном склоне
Поля пахать клочок!
Усадьбу и землю можно
Отдать сыновьям и внукам.
Но как разделить меж ними
Горы, ветер, луну?
Пусть я кажусь безумцем,
Но я завещаю детям,
Ближним и домочадцам
Все, чем в жизни владел.
Сын мой! Себя совершенствуй,
Приняв от меня наследство—
Знание вечной природы
И пониманье ее!
Не книжник я, не философ,
Но это не променяю
Даже на должность министра
При сеульском дворе.
Глупцом меня назовите,
Смейтесь — но я презираю
Богатства и пышной славы
Лазурные облака!

Ясным утром весенним,
Надев камышовую шляпу,
В руках с удилицем длинным
На берег я выхожу.
Дождик прошел недавно.
Теплеет с каждой минутой.
Прозрачна заводь речная,
Рыбки спуют по дну.
Они меня не боятся—
Я их ловить не стану.

Слежу, как плывут по речке
Белые облака.
Блеснула на солнце рыба,
Среди облаков играя.
Все одинаково сине—
Небеса и вода.
Резвые птицы беспечно
Над водою летают.
Стоит плакучая ива
Темно-зеленым шатром.
Пригорок в цветах и травах
Высится шелковой ширмой.
Звуки рыбацкой свирели
Ко мне ветерок несет.
Зову я детей. Мы вместе
Станем обед готовить.
Конечно, морской капусты
Нам в горах не найти.
Но папоротник отличный
И тангичхо мы отыщем.
Можно сварить их с мясом
Дикого кабана.
Свежую дичь зажарим,
Замаринуем карпа.
Домашнюю брагу я буду
До опьянения пить.
Потом отдохнуть прилягу
В тени расцветающей вишни,
На камень, мохом поросший,
Голову положив...

Да будет вечен правитель!
Ему я, как прежде, предан.
Мир и благополучье
Дал он родной стране.
Пусть о народе печется,
Чтоб были счастливы люди!
А я хочу жить, не старея,
В этом зеленом краю!

ХО НАНЦОРХОН

(1563—1589)

ТОСКА НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ ДОМА

Так недавно была молодой,
И красивой была, и счастливой!

Застревает' в горле комком
Это грустное слово — старость...
Мать с отцом любили меня
И, лелея, меня взрастили,
И не князя искали они,
А достойного человека.
Но явился однажды сват,
Вслед за ним — гуляка столичный,
И, как водится, навсегда
Жизни наши соединили.
Я служила ему от души
(Как по тонкому льду ступала!);
Дважды восемь девичьих лет
Мне тогда едва миновало.
Небом данная красота
Расцветала сама собою—
И казалось, что за нее
Приготовит судьба награду!

Но спешили прийти и уйти
Вешний ветер и месяц осенний,
Тот, который среди облаков—
Как челнок на станке средь нитей...
На щеках румянец горит,
Кожа белая, словно яшма,—
Как все это исчезло вдруг?
Для кого я теперь желанна?
Посмотрю на свое лицо—
И глаза отвожу в испуге,
И стыжусь себя, и сержусь,
На кого я сержусь — не знаю!
...Говорят, в селенье у нас
Люди новые появились.
Как стемнеет, гуляют все
По окрестным лугам и рощам.
Но сижу я дома одна
И гадаю, где привязал ты
Белоснежного скакуна
С золочеными удилами.

...Если ты далеко от меня,
Значит, я навсегда забыта?
Если ты не видишь меня,
Значит, больше уже не любишь?
Год — двенадцать месяцев долгих!
В каждом месяце дней — по тридцать!
Сколько раз под моим окном
Отцветала ранняя слива!
Зимней ночью мороз суров
И метель метет, не стихая.

Летним днем обложные дожди
От зари до заката льются.
И весенней порой, когда
Зеленеют над речкой ивы
И пестреют в поле цветы,—
Ничего я не замечаю.
И осенней порой, когда
Лишь луна меня навещает
И стрекочет в углу сверчок,
Я вздыхаю и горько плачу.
От жестокой судьбы такой
Смерть одна несет избавленье.
Только силы нет у меня
Этот камень поднять и сбросить!

Зажигаю во мгле свечу.
Комунго беру и играю.
И струна комунго звучит
В лад печали моей глубокой.
Так в дождливую ночь бамбук
У реки шелестит одиноко.
Так кричит под луной журавль
У могилы тысячелетней.
Я играю — и жду, когда
Голос твой у дверей раздастся.
Но за пологом — никого,
И никто меня не услышит!
Изболелось сердце в тоске,
Разорваться в куски готово...
О, когда б я могла уснуть,
Чтоб во сне с тобой повстречаться!
Но шуршит на ветру листва,
И кричат непрерывно птицы—
Как враги, ни ночью, ни днем
Ни на миг не дают забыться!

Волопаса Ткачиха ждет
За Серебряною Рекою.
В день седьмой, в седьмую луну
Суждена ей с любимым встреча.
Ты же, верно, у той реки,
Что в далеком краю бессмертных,—
Потому ли весть не подашь?
Никогда уже не вернешься?..
На дорогу молча смотрю,
По которой милый уехал.
На траву упала роса,
И вечерние тучки скрылись.
Средь бамбука в роще густой
Закричала тоскливо птица.

Говорят, на земле у нас
Хватит горестей и печалей.
Только той, что мучит меня,
Не встречали люди ни разу...
И сама не могу понять—
Умерла я или жива я!

ЛИ БАНЬИК

(XVIII в.)

СКИТАНИЯ ПО МОРЮ

(Отрывок)

...На судно я поднялся в день двадцатый
Луны девятой, в год Пёнджин, в тот час,
Когда волна прилива набегала.
Казался крохотным кораблик наш.
Со мною вместе были Ли Юбо
И шестеро бывалых мореходов.
Отдав себя во власть попутных ветров,
Мы парус подняли и вышли в путь.
Над западной грядой далеких гор
Садилось солнце, в море отражаясь.
Оно застлало водные просторы
Шелками красными и голубыми.
Где небо тут? И где вода? Кто знает?
«Цвет у воды и у небес един!..»
Вина отведав, охмелев немного,
В блаженстве такт рукою отбивал я,
Когда с северо-запада внезапно
На море вихрь могучий налетел.

Тут волны, высотой с Тайшань, взметнулись
Над безднами морскими до небес.
И страшно стало мне и мореходам,
И растерялись все — куда здесь деться?
Ведь мы, как птицы, улететь не можем!
Так где же нам спасение найти?
Сгущалась быстро мгла, и в темноте,
Как лепесток, носилось наше судно.
О, горе нам! В чем погрешили мы?
За что должны мы мать с отцом покинуть?
И Жизнь, и Смерть нам посылает Небо.
Таким от века был удел людской.
Но стать «голодным духом» в чреве рыб—
Что может быть печальней и ужасней?

Подумаешь о детях и жене—
И словно перехватывает горло!
А если надо так — зачем еще
Терзанья голода, мученья жажды?..

Должно быть, небеса к нам снизошли—
И ливень ниспослали благодатный.
Тогда, руками мачту обхватив,
Мы ртом ловили капли дождевые.
Мучительную жажду утолили,
Но холодом сковало нам гортань...
Когда светлело — день мы узнавали,
Когда темнело — узнавали ночь.
И вот на горизонте перед нами
Три острова высоких показались.
Япония! — Мы сразу догадались
И стали поднимать поникший парус.

Но тут опять переменился ветер—
И острова исчезли вдалеке.
А волны снова уносили нас,
И мы, как милости, просили смерти.
Вдруг слышим, как, по палубе ударив,
Забилось что-то — страх нас охватил!
Взглянули — рыбина размером с чхок,
Вся черная, по мокрым доскам скачет!
Живую плоть на части разорвав,
На восьмерых мы рыбу разделили.
Так поддержали мы и берегли
Жизнь, что чуть тлела в ослабевшем теле.
Кто скажет: Небо пищу нам послало
Иль духи океана принесли?
Когда бы эту рыбу мы не съели,
В живых остался бы хоть кто-нибудь?
Шли дни... В четвертый день луны десятой
Пред нами новый остров показался
Где ж силы взять, чтоб до него доплыть?
Но в этот раз порыв могучий ветра
Понес корабль — нас к острову прибило,
И восемь человек с трудом великим
На берег северный его взошли—
И наконец вздохнули с облегченьем!
Взглянули мы назад, на наше судно.
Оно разваливалось на куски
И уходило. Но куда — кто скажет?
И, ужаснувшись, Небо мы спросили:
На этом свете мы или на том?
И все заплакали...

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Чайка белая! Не улетай!
Я тебя ловить не собираюсь.
К государю я попал в немилость—
И пришел сюда вослед тебе.
Чайка белая! Давай с тобой
Мы отправимся в тот край далекий,
Где пять ив стоят в уборе вешнем,
Где невиданно прекрасно все!
В край, где облака всегда белы,
Реки сини и цветы багряны,
В тысячи ущелий водопады
Низвергаются с крутых вершин.
В том краю невиданно прекрасном
Лишь бессмертные одни живут!

В том краю высокие вершины,
Сосны стройные стоят на них,
Рвется ввысь бамбук темно-зеленый,
Зелень покрывает склоны гор.
Роза дикая на берегу,
Расцветая, жарко пламенеет,
Отцветая, лепестки роняет,
И они кружатся на ветру—
То опустятся, то вновь взметнутся...
Это ли не образ красоты?!

Вижу белку на крутой скале,
Черепашу возле быстрой речки.
В таволге весь день звенят пичуги,
Над пионами жужжит пчела.
Тельце небольшое у нее,
Лапки тоненькие, крылья слабы:
Трудно спорить ей с весенним ветром,
Налетит — бросает вверх и вниз.
В солнечных лучах она танцует...
Это ли не образ красоты?!

Словно золотая, среди ив
Иволга счастливая летает.
Радостные бабочки-белянки
Вьются, как снежинки, над цветком.
Крыльями в полете трепеща,
Прилетят и снова улетают:
Далеко, как звезды среди неба,
Высоко, как полная луна.
Вьются, и порхают, и кружатся...
Это ли не образ красоты?!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЖЕЛТЫЙ ПЕТУШОК

На рассвете мы расстались с милым—
И с утра ни вести, ни привета!—
Почему же нет тебя так долго?..

Ведь подумать только — не идет!
Сумерки спускаются на землю,
На луну залаяла собака—
Потому и нет тебя так долго?..

Ведь подумать только — не идет!

«Вешнею водой полны озера».
Глубоки озера в половодье!—
Потому и нет тебя так долго?..

Ведь подумать только — не идет!

«Тучи летние в горах сгустились».
Высоки причудливые горы!—
Потому и нет тебя так долго?..

Ведь подумать только — не идет!

Может, ты забрел куда не надо?
Как Сонджин, послушник у Юкквана,
Тот, что на мосту остановился,
Встретив восьмерых прекрасных фей?
Верно, ты придешь, когда на ширме
Желтый петушок зашевелится,
Вытянет коротенькую шею,
Крыльями разок-другой взмахнет,
Гордо голову свою поднимет
И о том, что утро наступило,
Громким кукареку возвестит?
Или ты уже, любимый, умер,
Стал волнами Хуанхэ широкой?
Если так, я парусною лодкой
Поплыву с тобой меж берегов!..

Эй, луна! Тебе все сверху видно—
Опусти над милым свой светильник,
Освети то место, где живет он!..

Ведь подумать только — не идет!

«От луны осенней свет струится».
Лунный свет лежит на всех дорогах.
Как же мог ты где-то заблудиться?
Что же до сих пор ты не пришел?

ПОЭЗИЯ НА ХАНМУНЕ

ЧХВЕ ЧХИВОН

(857—?)

ДИКАЯ РОЗА

Пышная дикая роза
В поле цветет одиноко.
Ветка к земле пригнулась,
Тень от нее дрожит.
Благоухает воздух,
Летним дождем напоенный.
Ветер колышет колосья
Зреющего ячменя.
Разве ее заметит
Кто-нибудь из благородных?
В высоких своих колясках
Мимо едут они...
Вокруг только пчелы вьются
И мотыльки кружатся.
На заброшенном поле
Дикая роза цветет.

ЖЕНЩИНЫ ЮГА

У нас на юге неприглядны нравы,
Надменны жены и высокомерны,
Их руки не касаются иглы,
Они лишь знай любуются собою,
Играя на свирели или цитре,
И шелестят их музыка и песни,
Как розовые лепестки под ветром.
И так всегда они живут беспечно,
Как будто юность им навек дана,
Глумясь над теми, кто весь день в работе—
Прядет и ткет не покладая рук.

ЛИ ГЮБО

(1169—1241)

ИЗ «РАССУЖДЕНИЯ О ПОЭЗИИ»

Искусство трудное — писать стихи,
Прекрасные и звуками, и мыслью.
Пусть будет мысль отточенной и ясной,
А слово в строчке музыкой звучит.

От добрых замыслов — немного толку,
Когда твой слог коряв или неряшлив.
И можно только пожалеть поэта,
Вся цель которого — потешить слух...
Слова нам, верьте, посылает Небо—
Нельзя их изводить на пустяки!
Ты ищешь истину — а это трудно.
Гораздо проще удивлять людей
Узором слов и красотой звучанья
В стихах — пустых с начала до конца...
В них дух поэзии теряет силу
И улетучивается навек!..

ДОМ У ЮЖНОГО ХОЛМА

Богатый дом — у Южного холма,
У Северного — старый и убогий.
В богатом доме пляшут и поют,
И слышен плач в убогом старом доме.
Гостями полон тот богатый дом,
Вино в нем разливается ручьями,
Под Северным холмом в убогом доме
С утра до ночи не смолкает плач.
Под Северным холмом в убогом доме
Уже пять дней очаг не разжигали
И плачут дети, взоры устремив
На дом богатый, где едят и пьют,
Весь день едят — с рассвета до заката—
И пьют всю ночь — с заката до утра!

ПИШУ, УСЛЫШАВ, ЧТО НЕСКОЛЬКО УЕЗДНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ НАКАЗАНЫ ЗА ВЗЯТКИ

Увы, доведут нас налоги
До ямы могильной:
Лишь кожа да кости
Остались у бедных людей.
На высохшем теле
Последнего мяса не станет:
Начальники наши
С костей соскребают его.

И черные мыши,
Воды налакавшись из речки,
Насытившись вволю,
Уже не едят и не пьют.
Но, рты, ненасытные,
Сколько вас, жадно раскрытых,
Готовы нас съесть,
Без остатка готовы сожрать?!

СУПРУГА ЛИ ПАКА

(Первая половина XV в.)

ДУМАЮ О МУЖЕ

В песок воткнув знамена войсковые,
Вы стали лагерем у дальней речки.
Я чутко сплю, и кажется, что слышу,
Как воины, уставшие в походе,
Запели песню тихо и тоскливо...
У дома нашего к плакучей иве
Я привяжу ли твоего коня?

РОЗПОЖА ЧОН (ЧОН-ЧЧИ)

(XV в.)

ПОЮ О ЦВЕТАХ

Ветер подул весенний,
И за ночь цветы раскрылись.
Словно окутали землю
Белые облака.
А там, где цветы расцветают,
Там и птицы щебечут,
А там, где птицы щебечут,
Люди песни поют.

ХВАН ДЖИНИ

(1508—1544)

ПЛАЧЕТ ДЕВОЧКА

Девушка, совсем еще девчонка,
С юношей безмолвно распрощалась
И, украдкой домой вернувшись,
В спальне девичьей заперлась.
В щель дверную ей видны ворота
И цветущая у дома груша.
Лунной ночью за прикрытой дверью
Всхлипывает девочка в тиши.

ЛИ ДЖЭ

(1549—1587)

НИ БЫК, НИ КОНЬ

Есть такие безумцы —
Быка они оседлали.
На скакуна же навьючить
Решили тяжелый груз.
На крутом перевале
Пали и бык и лошадь...
Не на чем ехать дальше!
Не на чем груз везти!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПОШЛА Я ЗА КУКЛОЙ В ЛАВКУ

Пошла я за куклой в дунганскую лавку,
За руку взял меня старый дунганин.
Если об этом узнают люди,
Вина не тебе будет, глупая кукла!
Пойду я с ним в укромное место,
В уютную маленькую беседку...

Трам-та-та-там — говорят барабаны,
Так говорят, кричат барабаны...

Пошла я в храм, где фонарь зажегся,
Взял меня за руку сам священник.
Если об этом узнают люди,
Ты виноват будешь, мальчик-служка!
Пойду я с ним в укромное место,
В уютную маленькую беседку...

Трам-та-та-там — говорят барабаны,
Так говорят, кричат барабаны...

Пошла я к колодцу, воды набрала я,
Вылез дракон и взял мою руку.
Если об этом узнают люди,
Вина на тебе будет, старый колодец!
Пойду я с ним в укромное место,
В уютную маленькую беседку...

Пошла я в харчевню, вина купила —
Вышел трактирщик, взял мою руку.
Если об этом узнают люди,
Ты виноват будешь, винный погреб!

Пойду я с ним в укромное место,
В уютную маленькую беседку...

Трам-та-та-там — говорят барабаны,
Так говорят, кричат барабаны...

ЛИ ХЯНГЫМ (КЕЦЭН)

(XVI в.)

ДВА ЖЕНИХА

— В дом на восточной стороне холма
За богача ты можешь замуж выйти.

И в дом на склоне западном холма
За бедняка ты можешь замуж выйти.
Как жалок первый! Как хорош второй!..
С которым же из двух ты обручишься?

— Нельзя ли стать женою бедняка,
А к богачу тому ходить обедать?

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

Осенний ветер холодом дохнул
И все шуршит бамбуковой листвою.
Взойдя на небо, грустная луна
Над крышей дома нашего повисла.
В той комнатке, где ты бывал когда-то,
Один сверчок теперь трещит всю ночь
И десять тысяч грустных мыслей бродят
Весь день-деньской — и все вокруг меня.

ТОККЁ

(XVI в.)

РАЗЛУКА

Я старалась заглушить разлуку,
Струны звучные перебирая.
Только все мелодии забыла —
Не несет мне цитра утешенья.

Летним вечером сижу в беседке,
И со мною только дождь холодный.
Падают прозрачные слезинки
На мою узорчатую юбку.

ПАК ИННО

(1561—1642)

МЫСЛИ В БЕСЕДКЕ ЁНГОК

Стою, прислонясь к деревянной колонне,
В беседке, повиснувшей над водой.
Узор красно-синий резных карнизов
В зеркальной заводи отражен.
Внизу голубые блестящие бусы
Несет, перекаывая, река.
За ней золотистыми облаками
Зыблются рисовые поля.
Слышу, как где-то тянут невод.
Вижу: над лесом, у края небес,
Дождь золотистый брызнул на землю —
На радость крестьянам, тебе и мне.
Счастлив, кто может в покое и мире
Жить, не ведая суеты,
Делить с землепашцами их заботы
И, радуясь, радости не скрывать!

БЕСЕДКА МЁНВОЛЛУ ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Четыре узорных угла приподняв,
Словно четыре крыла,

Беседка стоит над речным рукавом,
Готовая к небу взлететь.

Гора, на которой воздвигли ее,
Как белая яшма, бела.

Вода у плотины немолчно шумит,
Поскрипывают жернова.

Смотрю я на небо, смотрю вокруг —
И кажется мне порой:

В лунном сиянии, словно корабль,
Земля золотая плывет.

И так хорошо, что остался внизу
Мир мелких и жалких страстей —

Как будто и сам я в царстве мечты
Легко, как птица, парю.

В АЛМАЗНОЙ БЕСЕДКЕ

Землю прекрасную эту Небо нам даровало,
Эту беседку чудесную люди для нас возвели.
Словно бы нарисованы верной рукой живописца,
Горы стоят окрестные плотным зеленым кольцом.
Образ героя древности перед глазами витает —
Памяти славного воина беседка посвящена.
Солнце садится медленно, звезды на небо всходят.
Да будут над вечной беседкой вечно светить они!

ХО НАНЦОРХОН

(1563—1589)

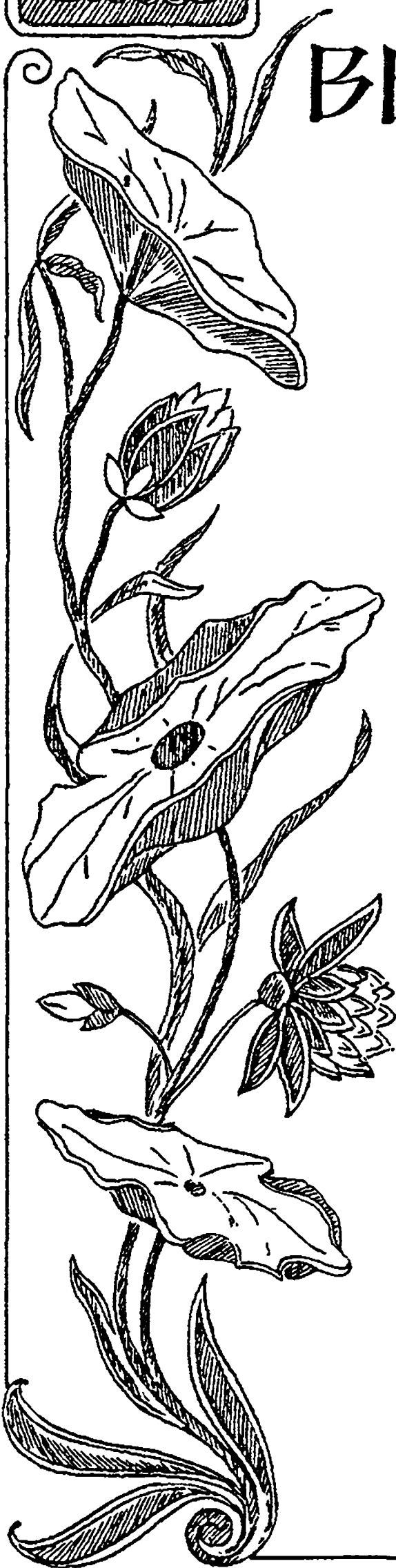
ОПЛАКИВАЮ МАЛЕНЬКОГО СЫНА

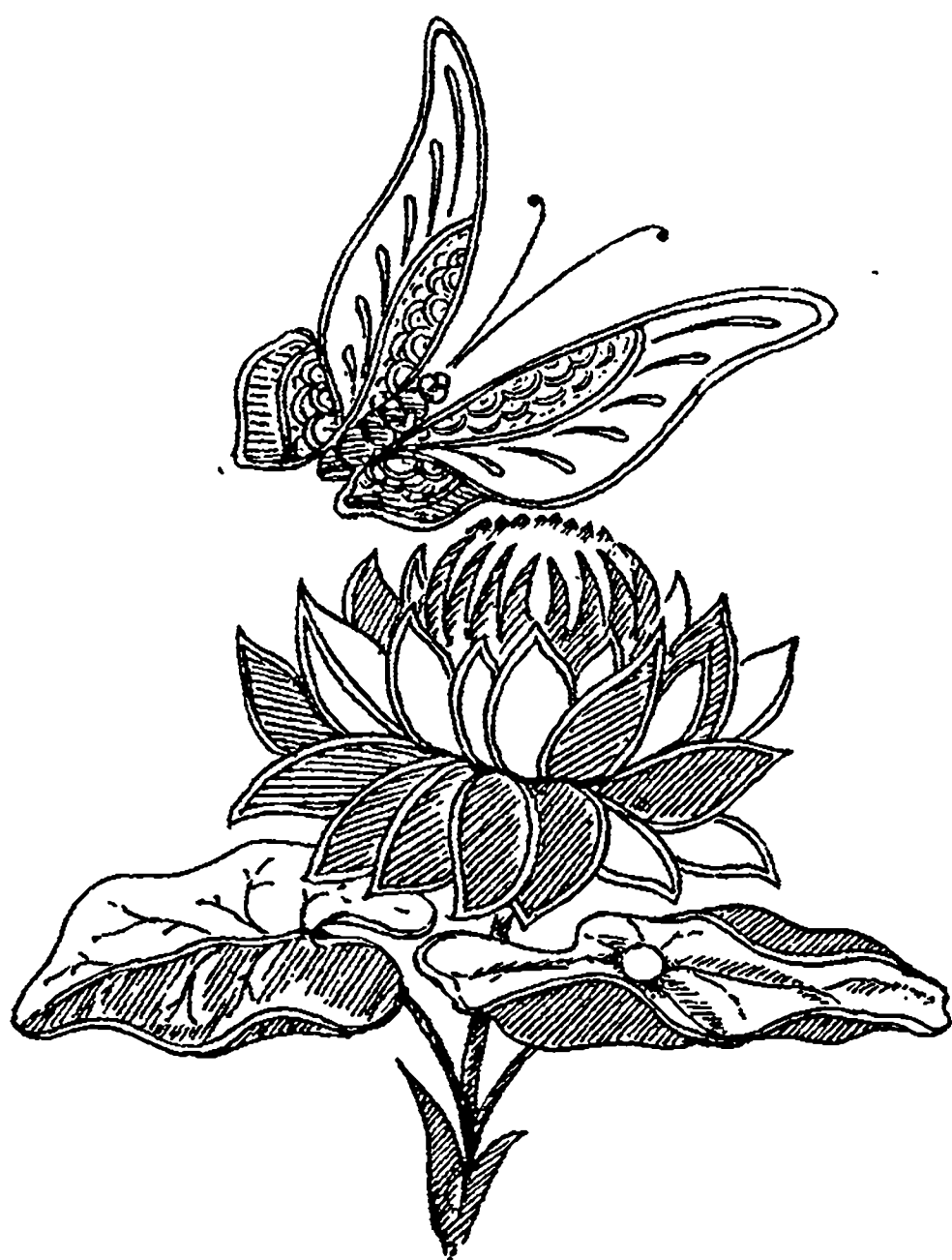
В прошлом году
Схоронила любимую дочь.
В этом году
Схоронила любимого сына.
Плачу, скорбя,
Над долиною «Вечный покой» —
Там, где теперь
Притаились немые могилы.
Ветер шумит
Средь высоких вершин тополей.
Светят во мгле
Светлячки среди ночи безмолвной.
Деньги я жгу,
Как положено, жгу над тобой,
Чистым вином
Орошаю я холмик могильный —
Может быть, здесь,
В тишине этой ночи глухой,
Духи детей
Неприкаянно бродят, тоскуя...
Если дитя
Родилось и живет на земле,
Кто может знать —
Долговечно ли счастье такое?!
В горе своем
Над могилой читаю стихи,
Слезы текут,
И дрожит, прерывается голос..

ВЪЕТНАМ

НГО ТЯН ЛЫУ

(959—1011)

ПРОВОЖАЯ ПОСЛА ЛИ ЦЗЮЭ

Погожего дня засиял ореол,
надул паруса ветерок.
Праведный к трону владыки вернется,
много проехав дорог.
Сотни теснин и стремнин одолеет,
бурного моря пучину.
К небу далекому
путь многодневный пролег.
Кубок прощальный наполнен,
Горек последний глоток;
Возле повозки
пытаюсь развеять кручину,
Славного гостя прошу не забыть
наших забот и тревог,
Тяготы наши
честно раскрыть властелину.

В ДРЕВЕ ИЗНАЧАЛЬНО ЗАЛОЖЕН ОГОНЬ

Древо огонь таит,
изначально храня.
Множество раз
рождается он изнутри.
Как утверждать,
что в древе не скрыто огня?
Вспыхнет огонь,
лишь древо о древо потри.

ВАН ХАНЬ

(ум. 1018)

НАСТАВЛЕНИЕ УЧЕНИКАМ

С молнией сходна брэнная плоть,
 миг — и вот ее нет.
Луг травяной, расцветший весной,
 осенью вновь раздет.
Взлет и паденье шлет нам судьба,
 их бесстрашно прими.
Словно роса на метелках трав
 каждый расцвет и отцвет.

ЛИ ТХАЙ ТОНГ

(1000—1054)

ПРОСЛАВЛЯЮ ВИНИТАРУЧИ, ПРОПОВЕДНИКА УЧЕНИЯ ТХИЕН

Южное царство
 вы посетили когда-то,
Вашею славой
 каждый наполнился дом,
Множество будд
 вы нашим душам открыли,
Множество душ
 в источнике слили одним.
Нас озаряет
 луна белоснежная Ланки,
Праджны премудрость
 пахнет вешним цветком.
Скоро ли встретимся?
 Скоро ли с вами вдвоем
О сокровенном
 беседу опять поведем?

ВИЕН ТИЕУ

(998—1090)

В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ ВОЗВЕЩАЮ ВСЕМ

Плоть как стена, что готова пасть,
 Рухнуть грудой камней.
В жизни — все понуждает страдать,
 Все преходяще в ней.

В мире духовном — сущностей нет.
Стоит сие постичь, —
Узришь, как чередуется явь
С тьмами мнимых теней.

ЛИ ТХЫОНГ КИЕТ

(1019—1105)

ГОРЫ И РЕКИ ПОЛДНЕВНОЙ ДЕРЖАВЫ

Горы и реки Полдневной державы —
 владенья властителя Юга.
В книге небесной рубеж обозначен,
 царства любая округа,
Как осмелились вы, супостаты,
 вторгнуться в наши пределы?
Вас ожидает разгром позорный,
 придется незваным туго.

ЗИЕУ НЯН

(1072—1143)

ВЕЧНЫ РОЖДЕНЬЕ, СТАРОСТЬ, ХВОРИ И СМЕРТЬ

Вечны рожденье, старость,
 хвори и смерть.
Страсти, обманы мирские
 стремясь отряхнуть,
Сеть срываешь одну —
 увязаешь в другой,
К Будде взываешь,
 ищешь праведный путь,
Полон ошибок, сомнений,
 блуждаешь впотьмах,
Видишь в учении Тхиен
 сокровенную суть.
Не обращай к Будде,
 к учению Тхиен,
Но запечатай уста,
 безмолвным пребудь.

МАН ЗИЯК

(1051—1096)

ИЗВЕЩАЮ ВСЕХ О НЕДУГЕ

Весны проходят,
сотни цветов опадают,
Сотни цветов
распускаются с новой весной.
Мирские деянья
перед глазами проходят,
След прожитого
ложится густой сединой.
Не утверждай:
весна отошла безвозвратно.
Веточка маи
снова цветет предо мной.

КХОНГ ЛО

(ум. 1119)

ГОВОРЮ ОБ УСТРЕМЛЕНИЯХ ДУШИ

Избрав, подобные змиям-драконам,
сулящие благо места,
Весь день утешаюсь в хижине горной,
отрада моя проста.
Порой с вершины скалы одинокой
протяжный крик издаю,
И леденеет от этого крика
великих небес пустота.

ДАЙ СА

(1119—1180)

КАМЕННЫЙ КОНЬ

Этот каменный конь —
страшен лютый его оскал —
Пожирает листву,
день и ночь без усталости ржет.
По большому пути
непрерывно тянется люд.
Лишь на этом коне
человек один недвижим.

КУАНГ НРИЕМ

(1121—1190)

ИЗВЕЩАЮ ВСЕХ О НЕДУГЕ

Только сам нарушив покой,
молви: покоя нет.
Только нирвану сам обрета,
молви о ней в ответ.
К Небу стремится истинный муж
каждым порывом души.
Не обязательно должно ему
Будде идти вослед.

МИНЬ ЧИ

(ум. 1196)

ИЩЕМ ОТЗВУКА

В соснах ветер немолчный,
светел облик луны в воде.
Здесь отсутствие тени,
да и вещи самой здесь нет.
Так и тело людское
неотлично от тел других:
Мы в пустотных пустотах
ищем отзвука в лад себе.

ЧАН ТХАЙ ТОНГ

(1218—1277)

ПРЕПОДОБНОМУ ДЫК ШОНУ В ОБИТЕЛЬ ТХАЙ-ФАУНГ

Ветр ударяет в дверь, а на двор
месяц сияние льет.
Сердце и мир подлунный равно
холодны, чисты, как лед.
Здесь отрада заветная есть,
скрытая ото всех:
С горным отшельником слиться душой,
бодрствуя ночь напролет.

ЧАН ТХАНЬ ТОНГ

(1240—1290)

В ДВОРЦОВОМ САДУ ВЕСЕННИМ ДНЕМ ВСПОМИНАЮ О ПРОШЛОМ

Гроты замшели, праздны врата,
пылен шелк травяной.
Пусто, почти безлюдно весь день,
сад объят тишиной.
Тысячи тысяч оттенков цветных
тщетно пестрят вокруг,
Но для кого так много цветов
нынче раскрылось весной?

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ

Длинные тени лежат на цветном
дворцовом крыльце моем,
Лотосом дышит прохладный ветер,
в оконный вея проем.
Дождь освежил деревья в саду:
листва — зеленый шатер.
Близок закат, я слышу цикад:
в лад стрекочут вдвоем.

ПОЕЗДКА В ОКРУГ ИЕН-БАНГ

Утром над островом тучи,
гляжу — плывут.
Лунною ночью у моря
жду, стою.
Тысячи образов бурно
спешат ко мне,
Вдруг оживают, слетая
в тушь мою.

ЧАН КУАНГ КХАЙ

(1241—1294)

ВОЗВРАЩАЯСЬ СО СВИТОЙ ГОСУДАРЯ В СТОЛИЦУ

Враг полонен
у пристани Тьыонг-зыонг,
Орды разбиты
возле заставы Хам-ты.

В мирные дни
 надобно быть начеку,
Чтоб отстоять
 реки, поля и хребты.

ОЩУЩЕНИЯ В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Шелковой пряжей колышется дождь
 над первоцветом весенним.
В доме своем сижу, затворясь,
 занят писаньем и чтеньем.
Две трети жизни уже позади,
 годы прошли — не заметил,
Прожил полвека — начал стареть,
 склонен стал к размышленьям.
Сердце стремится к родным местам,
 как перелетная птица,
Поздно в море тщеславья блуждать,
 милостей ждать с нетерпеньем.
Но не закончен жизненный путь,
 и не иссякла отвага,
Восточному ветру даю отпор,
 сидя над стихотвореньем.

Бледнеет луна, на исходе ночь,
 к западу тьма отступила,
Волну весенней прохлады несет
 ветра восточного сила.
Кружится ивовый пух, оседая
 на галерее высокой,
Дрему тревожит шаткий бамбук,
 трутся стволы о перила,
Окрестный мир дождем орошен,
 свежестью влажной наполнен.
Как изменилось мое лицо, —
 бледно оно, уныло.
Опорожняю три чаши вина,
 чтобы тоску развеять,
Стучу мечом, вспоминаю горы,
 все, что когда-то было.

ЧАН НЯН ТОНГ

(1258—1308)

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Восстал ото сна,
 отворяю створки окна.

Вот уж не знал,
 что вновь настала весна.
Два мотылька
 порхают над цветником,—
Трепетных крыл
 ярко-светла белизна.

ЛУНА

Окно вполовину освещено,
 на ложе — книги горой.
Росой осенней двор увлажнен,
 безлюден простор сырой.
Проснулся — в ночи царит тишина,
 не слышно звука вальков.
Вот-вот луна над цветами мок
 взошла глухою порой.

ВЕЧЕРОМ ГЛЯЖУ НА ТХИЕН-ЧИОНГ

Селенья вдали — впереди, позади
 в дымке сквозят золотой.
То ли явью они предстоят,
 то ли обманной мечтой.
Буйволов стадо свирель пастуха
 в стойла загнала давно.
Белые цапли летят на поля,
 снижаясь чета за четой.

ВЕСЕННИМ ДНЕМ ПОСЕЩАЮ БЛИСТАТЕЛЬНУЮ ГРОБНИЦУ

Тысячи врат
 минует процессия эта,
Семь рангов чиновных
 в одеждах различного цвета.
Седые мужи,
 водители доблестных ратей,
Беседу ведут
 о Великой поре Расцвета.

ФАМ НГУ ЛАО

(1255—1320)

ИЗЪЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВ

Которую осень в родных горах
с копьем в руках кочевать?
Яростью барсов сразит тельца
неисчислимая рать.
Воин, не выполнив ратного долга,
может ли, не краснея,
Былям внимать о Воинственном хоу,
славным преданьям внимать?

ЧАН АНЬ ТОНГ

(1275—1320)

ВОЗВРАТИВШИСЬ МОРЕМ
ПОСЛЕ ПОХОДА НА ТЯМПУ,
ПРИЧАЛИВАЮ В ЗАЛИВЕ ФУК-ТХАНЬ

Мы возвратились. Парчовый канат
к смоковнице старой привязан.
Под утро роса цветы тяжелит,
поднятый парус промок.
Горную область, подножье дождей,
луной озаренные сосны,
Берег рыбачий, вершины волн,
ветер среди осок,
Стяги десятка тысяч полков
скрыло марево моря,
Пятую стражу бьет барабан,
будя небесный чертог.
В окнах какюты речная гладь,
в ее тепле отдыхаю,
Полог шатра меня не влечет,
сон мой и здесь глубок.

ХЮЙЕН КУАНГ

(1254—1334)

ХРИЗАНТЕМЫ

Забыл себя и все вокруг
уже забыл совсем,
Прохладно ложе, тишина,
недвижен я и нем.

На склоне года среди гор,
где нет календарей,
Настал Двойной Девятки день
в цветенье хризантем.

ПЛЫВУ В ЛОДКЕ

Уносит ветер лодку вдаль,
в бескрайние пустыни,
Рисует осень зелень вод,
хребет рисует синий.
Я слышу флейты рыбаков,
тростник звучит, поет,
Упала на воду луна,
мерцает, словно иней.

МАК ДИНЬ ТИ

(?—1346)

ВЕЧЕРНИЙ ВИД

Лазурь пустоты
подернута дымкой сквозною,
Весенняя синь
отражается зыбкой волною,
Дикие гуси
вслед облакам улетают,
Закат возвещая,
вороны кричат за стеною,
Далекий залив
рыбачьи костры озарили,
Песнь дровосеков
слышится за рекою,
Путника ждут
холода, непогода, безлюдье,
Вином разживусь,
пир небольшой устрою.

ЧАН КУАНГ ЧИЕУ

(1287—1325)

ОДИНОКО В ЛОДКЕ ПЬЮ ВИНО

Осень удвоила глушь, тишину,
горы, дол полонила,

Нет посланий, дом далеко,
как небеса и светила.
Встречи бывали часты, редки,
как дождь, секущий ветрило,
В жизни бывает — прилив, отлив:
нахлынет волна — отступила.
Дружба свела хризантему с сосной,
увы, разошлись дороги,
Лютню, книги и кисть сочетать
преклонному возрасту мило.
Грудюю каменной давят грудь
печали, дела, заботы,
Надобно выпить чашу вина,
чтобы тяготы смыло.

НГУЕН ЧУНГ НГАН

(1289—1370)

ДУШОЮ СТРЕМЯСЬ В РОДНЫЕ КРАЯ

Старой шелковицы листья опали,
гусениц нет ни одной.
Раннего риса цветы ароматны,
крабы жиреют зимой.
Верно толкуют: дома вольготней,
и нищета хороша,
Весело жить южнее Янцзы—
лучше вернуться домой.

НГУЕН ШЫОНГ

(XIV в.)

ПЛЫВУ ПО РЕКЕ

Берег изогнут.
Стволы накренились, мелькая,
Быстрина глубока,
цветы нависают у края.
Отставших гусей
поглощает закатный огонь,
Близится парус—
сквозит пелена дождевая.

ЧАН МИНЬ ТОНГ

(1300—1357)

РЕКА БАТЬ-ДАНГ

На острия лазоревых гор
 пряжей намотаны тучи.
Морские змеи глотают прилив,
 вздымают снежные кручи,
Редким цветеньем покрыты холмы,
 ливень прошел — прояснилось,
Небо дрожит, сосны поют,
 холоден ветер летучий.
Реки раскрыли глаза широко,
 горя, испуганно смотрят:
Варвар подчас выигрывал бой,
 нам улыбался случай.
Воды реки отражают закат,
 отблеск багрового солнца,
Кажется мне: доныне течет
 крови ручей горючий.

ТЮ ВАН АН

(?—1370)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА ГОРЕ ТИ-ШИНЬ

Тысячью складок, сотнями ширм
 вознесся хребет высокий,
Низкого солнца косые лучи
 отражены в потоке,
Тропы среди бирюзовых лиан
 глухи, безмолвны, безлюдны;
Никто не приедет; в туманной дали
 напрасно кричат сороки.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Жилье одинокое, горная глушь,
 дни преисполнены лени,
Ставни бамбуковые от ветров
 надежней любых ограждений,

Влажны чашечки алых цветов,
 росинки еще сверкают,
Пьяного неба лазоревый цвет
 оправила зелень растений.
Тело мое полонила гора,
 словно бездомную тучку,
Пустому колодцу подобна душа, —
 не ощущает волнений.
Дров кипарисовых стынет жар,
 чай остывает пахучий,
Первые птицы вторят ручью,
 сон исчезает весенний.

ТЮ ДЫОНГ АНЬ

(XIV в.)

НАДПИСЬ НА КАРТИНЕ «ТАНСКИЙ ИМПЕРАТОР МИНЬХУАН КУПАЕТ КОНЯ»

Скакун, прозываемый «Яшмовый цвет»,
 мерцает в ночи весенней,
Его искупали, вот он стоит
 у лаковых алых ступеней.
Если бы так лелеять людей,
 как лошадей лелеем,
Не испытал бы горя народ,
 вовек не узнал лишений.

ЧЫОНГ ХАН ШИЕУ

(?—1354)

ВОСПЕВАЮ ХРИЗАНТЕМЫ

В такую же пору год назад
 было цветов немало.
Перед гостями смущался я,
 ибо вина не хватало.
Превратностей времени не постичь,
 случается так и этак:
Сегодня сколько угодно вина,
 цветов же, увы, не стало.

ФАМ ШЫ МАНЬ

(XIV в.)

УЩЕЛЬЕ ТИ-ЛАНГ

Бьют барабаны сотен застав,
 граница так широка:
Тысячи ли занимает рубеж,
 червями снуют войска.
С фронта, с тыла крики слышны
 буйволов дикой пущи.
Алеют знамена вдоль берегов,
 горная вьется река.
Застава Ти-ланг увенчала обрыв
 круче небесного свода,
Словно колодца зияющий зев,
 теснина Лэу-лай глубока.
Навстречу ветру гоню коня,
 осаживаю на вершине:
В сторону стольного града гляжу:
 на запад плывут облака.

ПОДНЯВШИСЬ НА ГОРУ ТХАТЬ-МОН, ОСТАВЛЯЮ НАДПИСЬ

В родные горы
 служба меня ведет,
Лицо запрокинув,
 озираю небесный свод,
Солнце приветствую
 перед восточным утесом,
Над южным морем
 грифов слежу полет.
Гора Тьонг-дэу
 высотой в девять тысяч женой,
От вершины Иен-фу
 шаг до небесных высот,
Слои облаков
 горы Ты-тиеу застилают,
Святого Ан-ки
 обрадует мой приход.
Река Бать-данг
 несет говорливые волны,
Кажется: вижу
 правителя славного флот,
Вспомнился мне
 Чунг хынг, премудрый правитель,
Столь прозорливый,
 знающий все наперед.

Вдоль побережья
тысячи лодок военных,
В горле ущелья
тысяч знамен хоровод.
Длань опрокину—
гора на спине черепахи,
В Небесной Реке
смываю вражеский пот.
Помнят доныне
морей четырех народы
Барваров Хо,
их разгром в тот памятный год.

ЧАН НГУЕН ДАН

(1320—1390)

НАПИСАЛ В ШЕСТУЮ ЛУНУ
ГОДА ВОДЫ И ТИГРА

Снова лето засушливым было,
осенью снова дожди,
Всходы иссохли, множатся беды,—
сколько невзгод впереди!
Тридцать тысяч премудрых свитков
разве подскажут выход?
Седоголовый, скорбя о народе,
блага, увы, не жди.

НАПИСАЛ,
ВОЗВРАЩАЯСЬ НОЧЬЮ В ЛОДКЕ

Жизнь иных народов кипит,
словно котел лососины.
Столица севера, столица востока
уже превратились в руины.
Я возвращаюсь. Лодка плывет,
душу манят походы.
У рыбаков попрошу фонарь,
свиток прочту старинный.

БЕССОННИЦА

Палаты пусты. Часы водяные
отстали. Промозгло вокруг.

Далеко хризантемы родного сада,
сосны родные, луг.
Все время думаю о делах,
заботы тревожат, служба.
Выздоровленье едва ли не хуже,
чем пережитый недуг.

ЧАН ФУ

(1322—1395)

СМОТРЮ ВВЕРХ НА ПАГОДУ ЛИЕУ-НИЕН В ДОНГ-ШОНЕ

У древних деревьев в тени ветвей
на час привязал я лодку.
Монашеский домик пустынно-тих
вверху, в головах потока.
На будущий год в этот самый день,
кто скажет, будем ли живы.
Мне радость пока на гору взойти—
проведать старого друга.

НГУЕН ФИ КХАНЬ

(1336—1408)

НОЧНОЙ ДОЖДЬ НА ЖЕЛТОЙ РЕКЕ

На прибрежные травы осенние
сыплется дождь проливной;
Слышится ночью: капли тяжелые
бьют о навес за кормой.
Зыбкий огонь фонаря одинокого
вспыхнет едва — померк.
Десятилетье стремлюсь за высокой,
за необъятной мечтой.

РАДОСТЬ В РОДНОМ САДУ

Смутную пору дом пережил
в старом родном саду.
Чтение книг полюбилось весьма
мне на шестом году.

Птицы все те же, те же цветы,
та же в проулке трава.
Прохладный ветер, тающий сон,
пустое окно на виду.
Если науки ты превзошел.
ноги свободны, руки.
Если спокойствие ты обрел,
мигом забудешь беду.
К чему-то стремиться, куда-то спешить—
полно — не искушайте!
Отраду, как стародавний поэт,
в уединенье найду.

ЧАН ЛЭУ

(XIV—XV вв.)

МИНУЮ ЗАСТАВУ ХАМ-ТЫ

Лишь о боях заведут разговор,
горькой печали не скрою.
Ныне миную заставу Хам-ты,
древней иду тропюю.
Флаги свисают с бамбуковых древк,
тени косые колебля,
Гонги звенят, барабаны гремят,
подобно морскому прибою.
Славный правитель вернул весну,
травы шумят, деревья.
Войско пришельцев познало позор,
омылось холодной волною.
Голову их полководец сложил,
где-то его могила.
Воды лазурны, зелены горы,
дали передо мною.

ЛЕ КАНЬ ТУАН

(XIV—XV вв.)

ПОЗАБЫВ О САМОМ СЕБЕ

Что толку мысли таить в глубине,—
скрытое людям видней.
Заботы житейские, праздность твоя
зависят ли от людей?

Приходит старость, слабеет плоть,
 молодо сердце вовеки.
Для справедливых, высоких дел
 пожертвуй жизнью своей.
Плыву стремнинами, по перекатам,
 не усташусь порогов,
На скалы карабкаюсь, продираюсь
 среди лиан и ветвей.
Стороны света — все четыре —
 для мужчины открыты,
Все горы пройти, все реки пройти —
 вот чудо земных путей!

НА РЕКЕ ГАНЬЧЖОУ ВСТРЕЧАЮ ДЕНЬ ПОМИНОК ПО МАТЕРИ

Живу на Севере, далеко
 от материнской могилы.
Я не заметил, как дни пролетели,
 и годовщина — опять!
В туманную осень, весной росистой
 щежит сыновнее сердце;
Где овощей добыть на поминки,
 зелени где достать?
Уехав за восемь тысяч ли,
 В чужой проживаю деревне,
Сорокапятилетие прошло с тех пор,
 как схоронили мать.
Ветер подует — струятся слезы,
 еще большее душе,
Душа бессильна справиться с мукой.
 С собою как совладать?

НОВОГОДНИЙ ДЕНЬ

В этой гостинице,
 кажется, прожил немного.
Год пролетел...
 Снова весна и тревога.
Срок возвращенья
 скорее бы наступил.
Слива стареет
 возле родного порога.

НГУЕН ЧАЙ

(1380—1442)

ИЗ «СОБРАНЬЯ СТИХОВ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ»

* * *

Когда тебе власть во вред
И в святости счастья нет,
В безмолвии чтение книг
Желаннее всех побед.
Морскую глубь не постичь,
Загадочны тьма и свет.
«Я глух»,—дурным и святым
Единственный твой ответ.

* * *

Пагода здесь не одна:
Другая в горах видна.
Бамбуком брода ищу,
И под ногами луна.
Былое! Тополь и вяз,
Над хризантемой сосна,
Дороже золота мне
Подобная тишина.

* * *

Стерты шагами камни давно,
Там, за бамбуком, цветов полно.
Крик обезьяний слышен в горах,
И светит солнце в окно.
Пагода наша в густой тени.
Озеро синью напоено;
Цапли на озере, журавли,
И с ними я заодно.

* * *

Едим бататы, пшено едим.
Под сенью сливы дух невредим.
Как воды в бурю, страсти в миру,
А я во мраке невозмутим.
Пиршество лилий, рябь на пруду,
Луна внимает стихам над ним.
Здесь обезьяны, здесь журавли,
И здесь не рады гостям другим.

* * *

Брожу под вечер. Ясен мой взор.
Птицам небесным знаком простор,
Ветру знакомы стволы дерев,
Тучам знакомы вершины гор;
Земля все та же, та же вода;
Луна все та же, как до сих пор.
Непостижима только душа
Вечным раздумьям наперекор.

* * *

Стихи читаю на сельский лад.
Не возвратятся воды назад.
Былое сокрылось, и нет его;
А по дороге сколько преград!
Бамбук для лунных лучей закрыт,
Теней не смоем и водопад!
Золото и серебро цветов—
Наследье наше среди утрат.

* * *

За славой гоняться не вижу причин.
Лишь тот, кто владеет собой,—властелин.
Для золота лотосов и хризантем
Не хватит сосудов, не хватит корзин.
Где персик со сливой, там путник стоит.
Моим апельсинам под стать мандарин.
Покинув глупцов, сторонюсь мудрецов.
Свободный в сужденьях, я счастлив один.

* * *

Удачливый враг побеждает врага,
Обманчивый случай — неверный слуга;
Кирпич драгоценному камню — не брат,
Длиннее ушей вырастают рога.
Опора надежная в жизни добро.
Не дорог талант, правота дорога.
Спасает ученого истинный путь.
Достойная жизнь бесконечно долга.

* * *

Куда ни посмотришь, повсюду вода.
Кормилу покорны речные суда.
Веслу веселее с луною вдвоем.
Сопутствует парусу в небе звезда.
Вода зеленей, чем кошачьи глаза,
И вся голова под луною седа.
Недаром сопутствуют мне журавли
И чайкам со мной по дороге всегда.

ИЗ ГЛАВЫ «СОВЕТУЮ САМОМУ СЕБЕ»

У каждого свой предел.
Побольше бы добрых дел!
Надежнее путь прямой.
Строптив глупец,—нет, не смел.
В неволе тигр занемог,
А пойманный дрозд запел.
Себя смирай, человек,
И в жизни ты будешь цел.

* * *

Богатому дружба впрок,
А к бедному мир жесток.
Что делать, жизнь такова:
Кто беден, тот одинок.
Очаг погас, близких нет,
Не ступит брат на порог.
Не сбиться бы мне с пути
Среди забот и тревог.

* * *

Сосед богатого сыт.
Сосед грабителя бит,
Зато сосед мудреца
Прославлен и знаменит;
В тыкке вода кругла:
Сутью владеет вид.
Румяна красят лицо,
А черная тушь чернит.

ИЗ ГЛАВЫ «НАСТАВЛЕНИЯ СЫНУ»

Запомни ты мой завет,
И ты не узнаешь бед.
Добро легко расточить,
А в скупости смысла нет.
Изысканных яств не ешь,
Простой одеждой согрет.
Сказано в старину:
«Гору съел дармоед».

ЧЕТВЕРОСТИШЬЕ О ВЕСЕННИХ ЦВЕТАХ

Томителен летом полуденный зной,
Зимою губителен холод ночной;
Повеял восток долгожданным теплом,
Цветок не раскрыться не может весной.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЕ О ЛЕТНЕМ ПЕЙЗАЖЕ

Поет коростель молчаливым кустам,
Претит вышиванье жемчужным перстам;
Приметы весенние нас тяготят.
Все это предшествует летним цветам.

СОБРАНИЕ ПЕЙЗАЖЕЙ

Какая угроза бамбуку страшна?
Плакучая ива весною нежна.
А в тереме красном живет красота.
Чьим нежным перстам отвечает струна?

Жемчужным перстам отвечает струна.
Весною волнует меня тишина.
Былое в окрестностях распознаю,
Но только не прежняя нынче весна.
И с факелом ночью бродить мне темно.
Весенние слезы иссякли давно,
Как жаль мне, что в старости возле крыльца
Увидеть плакучих ветвей не дано!

СОСНА

Деревам опасны холода.
Лишь сосна незыблема всегда.
Подобает ей стропилом быть.
Лишь сосна достаточно тверда.

БАМБУК

Ива молодая расцвела.
Иве прямота твоя мила.
О тебе повсюду говорят.
Мужу совершенному хвала!

Совершенный муж, прославлен ты,
Но друзьям видней твои черты.
Лишь глупец тобою пренебрег.
Нет заслуги выше прямоты.

ЦВЕТЫ ПЕРСИКА

Персик по весне всегда в цвету,
И восток почуял красоту;
Сладостный похитив аромат,
Ветер нас волнует на лету.

На лету волнует аромат.
В этом день весенний виноват.
И в разведке стая синих птиц,
И весне творец небесный рад.

ЖЕЛТЫЙ КЛУБЕНЬ

Желтый клубень благо нам сулит,
Землю, порожден землей, целит.
В сумке врач лекарство затаил.
Клад в саду больному жизнь продлит.

БАНАН

Впрок банану солнечные дни,
Сладко пахнет он в ночной тени.
Лист как свиток. В нем письмо любви.
Ну-ка, ветер, свиток разверни!

ТРОСТНИК

Обласкан лучами весенними сад,
Где виден коричнево-красный халат.
Всеобщий любимец — тростник молодой.
Чем больше вкушаешь, тем больше услад.

СТАРЫЙ БАНЬЯН

Он в уединении растет.
Зеленеет он за годом год.
Нет, не балка, не стропило, нет!
Но под сень к нему спешит народ.

ЛОТОС

Вращенному грязью неведома грязь.
Ты в царстве цветов благороднейший князь.
Ты ветром возлюблен, луною любим,
Твою чистоту почитают, склонясь.

КОШКА

Полосатая, Западом порождена,
Не спросясь, Просветленному служит она;
Тигра прыгать учила, не лазать, о нет!
Эта хитрость наставницей утаена.
Кошка ближе собаки садится к огню.
Ей раздолье на кухне во все времена.
И, незваная, вхожа в запретный покой,
Наедается сразу, когда голодна.

ИЗ СТИХОВ, НАПИСАННЫХ НА ХАНВАНЕ

СЛУШАЯ ДОЖДЬ

Одинокая хижина—
 мой сиротливый почлег;
Изголовье походное.
 Дождь мне заснуть не дает.
Неумолчною жалобой
 флейта тревожит меня;
Капли перекликаются,
 свой соблюдая черед.
Шорох в ставнях бамбуковых.
 Не за горами рассвет.
В чистых снах моих колокол,
 мера, гармония, счет.

Замирают созвучия,
и прерывается лад;
Только слышится музыка
мне всю ночь напролет.

ПРИСНИВШИЕСЯ ГОРЫ

Грот Великой Пустоты
за бамбуком при луне;
Водопад, как в Зеркале,
в леденистой белизне,
Озеро небесное!
Я на желтом журавле.
Так в чертоги горние
я вчера летал во сне.

ВЕСЕННЯЯ ПРИСТАНЬ

Берег — дым зеленый,
пристань тоже зелена;
Дождь прошел весенний;
в небеса стучит луна.
Мало кто гуляет
по тропинкам там, в глуши;
На песке прибрежном
лодка сонная видна.

УСТЬЕ БАТЬ-ДАНГ

С моря ветер северный,
воздух нынче ледяной.
Вот переправляюсь я,
плещет парус над волной.
Горы — как побоище
крокодилов и китов.
Словно в копьях сломанных
брег в уступах предо мной.
Реки Небом созданы,
в мире много разных рек.
Здесь досталась доблестным
слава дорогой ценой.
Мне былое вспомнилось,
не могу я не вздохнуть,
Думами охваченный
пёред этой крутизной.

ГЛЯДЯ НА БОЕВЫЕ КОРАБЛИ

Был недавно сражен
 в море северном царственный кит,
И великую рать
 подготовить к боям надлежит;
Зная тенью своей
 не боится задеть облака;
Барабаны гремят,
 и земля под ногами дрожит.
На доспехах роса,
 каждый латник на тигра похож,
А в строю корабли—
 словно дикие гуси на вид.
Хочет мира народ,
 и с народом согласен мудрец:
Кто покой возлюбил,
 тот покоем в стране дорожит.

НА РЕКЕ ЦАЙ-ШИ ДУМАЮ О ПРОШЛОМ

Сослан с неба на землю,
 по слухам, не каялся Ли.
Он верхом на ките
 восвояси вернулся с земли.
Но когда бы вода
 оказалась весенним вином,
И поныне, хмельного,
 в реке бы мы видеть могли.

ЛИ ТЫ ТАН (1378—1457)

НАЧАЛО ОСЕНИ

Тянутся зыбкие тени софор
 вдоль побеленной стены,
Свежие лотосы дышат прохладой,
 гибки они, нежны.
Светлые краски осени ранней
 ясному небу под стать.
Вижу слияние вод с горами,
 с зеленью голубизны.
У крабов лиловых брюхо желтеет,
 сами в ловушку идут.
В зелени сочная зреет цедрела,
 всюду плоды видны.

В чаши вино наливай скорее,
 время веселья пришло,
Не дожидайся, пока хризантемы
 достигнут своей желтизны.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Куда торопятся эти люди,
 спешат пустому вослед?
К чему шуметь, к чему суетиться,
 славы искать, побед?
Проскачут кони — ты, пыль вдыхая,
 мечтаешь, глядя в окно.
Спишь, «покуда варится просо»,
 восемь десятков лет.
Иной подобен спесивому крабу:
 прямо никак не идет.
Иной змее подрисует ноги,
 хотя в этом смысла нет.
Лучше верной идти стезею,
 велењям Неба внимать.
Разве с этим может сравниться
 прибыль земная и вред?

ЛИ ТХИЕУ ДИНЬ

(XV в.)

В ДРЕВНЕМ СТИЛЕ

Холодно стало.
 Зимние дни короче.
Короток день,
 значит, длиннее ночи.
Ночь призываю.
 День утомляет меня.
Ночью усну:
 любимого вижу воочью.

ПРИДВОРНЫЙ НАПЕВ

Свежие вновь распустились цветы
 вслед облетевшим цветам.
Срок наступает — уходит любовь,
 новая — по пятам.

Снова румяна, пудру беру,
 силюсь лицо украсить.
Милого надобно мне удержать,
 прежней любви не отдам.

НГУЕН ЧЫК

(1417—1474)

НАПИСАНО ПО СЛУЧАЮ

Я, захворав, получил разрешение
 не выезжать из столицы.
Когда теперь возвращусь в деревню?
 Не скоро желанью свершиться!
В плаще травяном и плетеной шляпе
 пойти бы по западным склонам,
Весеннюю пахоту в поле увидеть,
 крестьян спокойные лица.

ВУ ЛАМ

(XV в.)

ПЕРЕХОДЯ ОТМЕЛЬ ИЕН-ДИН

(Написано во время военной службы в Тхань-хоа)

Млечный Путь осеняет берег,
 скопище пик заволок.
Горный туман меж бытием
 и небытием пролег.
Мчится поток под сенью дерев,
 подернута инеем синь,
Солнце промокло, волны блестят,
 покрыл красноту холодок.
Военная музыка вдаль плывет,
 в туманы, в укрытья скал,
Пестрые флаги вдоль берегов
 треплет речной ветерок.
Прежде казалось: лучший удел—
 это военная служба.
Не знаю, кого бы из нас теперь
 этот почет привлек.

„ СЪБРАНИЕ ДВАДЦАТИ ВОСЪМИ ЦВЕТИЛ
СЛОВЕЧНОСТИ“ РОСУДАРЯ ЛЕ ТХАНЬ ТОНГА

(XV B.)

ИЗ «СОБРАНЬЯ СТИХОВ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ,
СЛОЖЕННЫХ В ГОДЫ
«ВЕЛИКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ»

ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕСЕННЕГО ПЕЙЗАЖА

Ширму — створку за створкой — раскрой:
в согласии все предстает.
Дивно налажен весенний мир,
ослепителен небосвод.
Ветер, тихий и все же смелый,
под одеждой овеял тело.
Бриллиантами блещет дождь,
едва на траву падет.
Ива зеленую бровь подвела —
назойливым иволгам нет числа.
Белую щечку напудрил май —
и с мотыльками полно хлопот.
Видишь множество колесниц,
слышишь пение вешних птиц.
Музыкой кажется все земное,
жизнь везде и повсюду цветет.

ПЕРВАЯ СТРАЖА

Лишь опустится первая тьма
и подыметесь Ковш на небосвод,
Прозвучит барабан — и тогда
город на ночь ворота запрет.
Над коньками крыш проследим
серебристый вечерний дым.
Птица, сумерничая, в листву
залетит, как в зеленый грот.
Колотушки услышим стук,
да и колокол грянет вдруг:
Он молитвы час возвестит,
и любой молиться начнет.
Будет полон Северный Дом,
будет полон и Южный Дом.
Громогласную Небу хвалу
запоет благодарный народ.

ПЯТАЯ СТРАЖА

Еле теплится ночной фитилек
и в глубоком мраке горит.
Пятой стражи барабаны звучат —
им внимает тишина и не спит.
Набок' покосилась луна,
за горами еле-еле видна.
Землю увлажнила роса,
на траве и листьях блестит.
Ближний лес оглашает в этот миг
провозвестник сева — птичий крик.

ВУ ЗЮЭ

(1468—1522)

ВМЕСТЕ С ГОСУДАРЕМ УЕЗЖАЮ В БАО-ТЯУ

Флаги легкие, словно тучи,
солнечный красит заход.
Двор государев в лодке летящей
мчится по глади вод.
Воины в панцирях носорожьих
топчутся возле реки.
На тысячи ли раскинулись чащи,
разбойный скрывая сброд.
Сановники верные в шлемах рогатых
возле дорог полегли.
Три армии обрывают колосья,
пищи недостает.
Сей город Взлетающего Дракона
издревле оплот владык.
Может, на этом широком поле
битвы решится исход?

НГУЕН ФУ ТИЕН

(XV в.)

ВОЗВРАЩАЮСЬ В РОДНОЙ САД

Слезу вытирая, бреду сквозь орешник.
Где мой родимый дом?
Где черепица, стропила, сваи?
Голо, мертво кругом.

Пруд пересох, ни воды, ни рыбы.
Мох покрывает камни.
Клумба пуста, хризантемы увяли,
все поросло быльем.
Узкий проулок зарос сорняками,
лошадь не повернется.
Поле для одного лишь годится—
на буйволе ездить верхом.
Здесь поселюсь, хозяйствовать стану,
снова жилье построю.
Буду со старцами при луне
в поле работать родном.

НГУЕН БИНЬ КХИЕМ

(XV в.)

ИЗ «СОБРАНЬЯ СТИХОВ БЕЛОГО ОБЛАКА,
НАПИСАННЫХ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ»

* * *

Мои поражения, мои победы
мне безразличны равно.
Охотно отдам и заслуги, и славу
за день, за цветы, за вино.
В келье Белого Облака — отдых, безделье,
вдохновение, счастье, веселье.
Хочу лишь покоя; с тщетою мирскою
простился, расстался давно.
В саду весною цветов со мною —
желанных гостей — полно.
Луна — мой светильник, мой друг сокровенный —
со мною во всем заодно.
Вглядитесь лишь сами, своими глазами,
и тогда уже навсегда
Поймете, что красное — всюду красно,
а черное — всюду черно.

* * *

Волосы поредели, и расшатались зубы,
и поступь моя неверна.
Передал дом сыновьям и невесткам,
нужна мне лишь тишина,
Шахматный столик в тени бамбука,
цветы и чаша вина...

С тростниковой удочкой выйду порою
к озеру под горою,
Возле костра провожу вечера,
и счастьем душа полна.
Соли морской за трапезой вволю,—
вкусна и свежа еда.
Девяносто весен уже миновало;
конечно, прожил немало,
Но и этой весной наслажусь, а за нею
вновь настанет весна.

* * *

Все, что захочешь, есть у природы,
только внимательнее гляди.
Ищи неустанно, и то, что желанно,
сам для себя найди.
Горы и воды, закаты, восходы
путник запомнит на годы.
Бамбук и май будят мысли мои
и жар вдохновенья в груди.
Саду и полю отпущены вволю
и ясные дни, и дожди.
Мужи многоумные славы достигли
и большего ждут впереди.
А здесь душа вопрошает душу,
не помня о ложном стыде.
Бытия дуновение — ветер весенний
всюду, куда ни пойд.

* * *

Человеком и зависть, и злость помыкают,
он им подчиняться готов.
А ведь мы здесь — из милости приживалы,
приютил нас чужой кров.
Солнца и луны сменяются в срок.
снуют, будто ткацкий челнок.
Красота — не навечно, и жар сердечный
угасает с теченьем годов.
Чем пышней цветы в саду расцветут,
тем быстрее лепестки опадут.
Вода, наполняющая водоем,
не наполнит его до краев.
Незавершенность и завершенность—
судьбой predetermined.
Кто ж изменит небесные предначертанья,
хотя бы движение облаков?

* * *

С бамбуковой удочкой к речке пойду,
в огороде вскопаю гряду,
Не помня о прежнем, сердечно привержен
утехам простым и труду.
Я глуп, без сомненья, лишь уединенье
всего для меня драгоценней.
Те, что поумней, к многолюдью стремятся,
им хочется быть на виду.
Мне осенью пища — побеги бамбука,
зимой — молодые бобы.
В озере лotosовом купаюсь
весною, а летом — в пруду.
Спускаюсь я под вечер в сад тенистый,
чтоб выпить вина в саду.
Богатство и роскошь мне снятся не чаще,
чем раз или два в году.

* * *

Вода беспокойна — приливы, отливы,
то вздуется, то опадет река.
Лодки скользят по воде осенней,
ныряет луна в облака.
На лодочных водорезах — лики,
в их глазницах — лунные блики.
Кое-где паруса поднимают на лодках, —
стал порывистой свист ветерка.
Белым-бела голова рыбака,
будто прожил на свете века.
А вода зелена и прозрачна сейчас,
точно кошачий глаз.
Чайки и цапли вряд ли случайно, —
вернее, что с думой тайной, —
За мною следят и следуют всюду
то близко, то издалека.

* * *

В этой жизни истинная человечность,
как бесценный алмаз, редка.
Богатство ценится много выше,
чем мудрая речь старика.
Когда приходил с пустой мошною —
едва разговаривали со мною.

А явился с дарами — всплеснули руками,
радость родных велика.
Не зная, чем ублажить меня,
восторгается мною родня.
Я с почетом встречаем, — потчуют чаем
и вином, и беседа сладка.
Как ведется от века — на суть человека
люди глядят свысока.
Нет дела до сути, — сколь мудры ни будьте,
богатство дороже им наверняка.

ИЗ „СОВРАНИЯ СТИХОВ ОВИТЕЛИ БЕЛОГО ОБЛАКА”

АЛЛЕГОРИИ ИЗ ХИЖИНЫ ЧУНГ-ТЭН—
СРЕДИННАЯ ПРИСТАНЬ

Лачуга эта — не дворец
«Зеленый Океан».
Но этот небольшой надел
мне во владенье дан.
Проходят тучи без следа,
драконы дремлют в бездне.
Ныряет рыба в ручейке
ключ Персиковый прян.
Движенье — Кань, недвижность — Гань,
вот сущего законы.
Вино дает простор стиху, —
когда пишу, я пьян.
Я волю неба знать хочу
и таинство рождений,
Узрев зимой в цветенье слив
начало света — Ян.

За мясо принимать плоды,
хождение — за езду.
Когда в душе царит покой,
неспешно сам иду.
Исток Единый ты постиг —
и верный путь постигнешь.
Мудрец талант свой осмеет,
хоть в первом он ряду.
Чиновный муж эпохи Хань
шел на покой со славой,
Мудрец в эпоху Тан досуг
предпочитал труду.

Бамбук зеленый, синь воды,
принадлежат всем людям.
Могу ли слыть я бедняком?
Какую жизнь веду!

ПОУЧЕНИЕ СТАВЯЩИМ СИЛКИ

Пусть неприметны
рыбы, птицы и звери,
Судьбы живого
извечно в наших руках.
«Птица летящая
снизится, если захочет,
Лишь пожелает—
взлетает, парит в облаках.
Вправо летит,
когда захочется — вправо,
Крылом поведет—
влево влечет ее взмах.
Глупые твари
не следуют предначертанью
И оттого
беспомощно бьются в силках».
Ведомо людям:
сами себе мы на горе
Губим животных,
невинных преследуем птах.
Птицу накормишь—
получишь сторицей за милость,
Сам уцелеешь,
если щадишь черепах.
Вот наставленье
всем, кто стремится к добыче,
Ставит силки,
ставит ловушки в лесах.

РАЗДУМЬЯ

На стольный град напали злодеи,
лютый разбойный сброд.
Велик урон, государь опечален,
тревогой объят народ.
Как ждет дождя сухая земля,
люди с надеждой ждут,
Кто подымет карающий меч,
рать устремит вперед.
На берегах четырех морей
грядущего ждут властелина.
Почти погасли Девять Небес,—
снова светоч взойдет.

Люди разумные в давние дни
не наживали врагов.
Зачем причины для битвы искать,
губить человеческий род?

Повсюду копья, повсюду щиты,
злѳба затмила свет.
Страх в убежища гонит людей,
бегут, спасаясь от бед.
Бегут, прижимая к сердцу детей,
доверясь лишь небесам,
Пытаются ближних своих спасти.
Увы! Спасения нет.
Придет ли родившийся в год свиньи,
дарует ли мир земле?
Пора отдохнуть боевым коням
впервые за много лет.
Истоки судьбы замыкают круг,
начало идет за концом,
Сущность Великая правит всем,
упадком сменяя расцвет.

КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

В земле вбирает он дождь, росу,
влагу почвенных вод,
Под золотыми лучами солнца
цветок превращается в плод.
Сердце его — священный сосуд,
в нем прохладный напиток,
Наглухо этот сосуд закрыт,
пыль туда не войдет.
Все мы предпочитаем кокос
даже зеленым арбузам.
Вместе с кокосом лиловый тростник
сладок с похмелья, как мед.
Хороший орех — природный черпак,
несущий небесную влагу,
Этою влагой жажду свою
в зной утоляет народ.

ЯЙЦО

Круг — не круг, квадрат — не квадрат,
возможно, и не овал,
Однако землю и небеса
этот сосуд вобрал.

Снаружи белого слой двойной—
 высший предел простоты,
Внутри желтизна и точка видна,
 цвет этой точки ал.
Пока не возник Великий Предел
 хаос еще не царил,
Потом расширение возникло, простор—
 в слиянии Двух Начал.
Потом явилось пернатое диво,
 и Золотой Петух,
Сопровождая сияющий диск,
 в небе крыла распластал.

ЗИАП ХАЙ

(1516—1590)

НАПИСАНО ПО СЛУЧАЮ ПОСЕЩЕНИЯ СИНЕЙ ГОРЫ

В повозке подъехал к Синея горе—
 селенье в вечерней тени.
Стена крепостная высится, крыши,
 домишки — куда ни взгляни.
В квартал ткачей завернул по дороге,
 обычаи их узнал,
По запаху лотосов вышел к саду,
 так сладко пахли они.
Сидят журавли на ветвях кипарисов
 древних, как небо с землей,
Фениксы пляшут на горной вершине,
 медленно тянутся дни.
Лежит у дороги замшелая ступа,
 дрогнуло что-то в душе.
Высокий подвиг разгрома пришельцев
 высокому небу сродни.

НГУЕН ЗУ

(1765—1820)

ЛЕЖУ БОЛЬНОЙ

Все мы — жертвы летней жары,
 жертвы прохладной весны.
Хворый, лежу у предгорья Хонг;
 дни мои сочтены.

Старый, худой... Я утром росистым
жалок в зеркале чистом.
Сквозь бамбуковый полог в безлюдной ночи
стоны мои слышны.
Десять лет я болею, один как перст:
ни друга со мной, ни жены.
Бальзамы, что сварены девять раз,
для исцеленья нужны...
О, если хотя бы над кровлей хибарки
выплыл, ясный и яркий,
Тьму разгоняющий светом своим,
диск приветной луны!

ГОРОД ВЗЛЕТАЮЩЕГО ДРАКОНА

Река Ло — течет, гора Тан — стоит,
хоть миновали года.
На город Взлетающего Дракона
гляжу, — голова седа.
На месте княжеской пышной твердыни
дорога проходит ныне;
Новые стены взамен бывших
нашел я, вернувшись сюда.
Сверстники прежние стали теперь —
важные господа,
Девушки давних времен счастливых —
нянчат младенцев крикливых...
Ночью не сплю от щемящей боли,
бодрствую поневоле.
Светит луна, лишь флейта вдали
нежно вздохнет иногда.

В СУМЕРКАХ ЛЮБУЮСЬ РЕКОЙ ТХАНЬ-КЮЙЕТ

Мост миновал я — и вольный простор
открылся издалека;
Зубчатые, за уступом уступ,
синеют горы слегка,
Бредет дровосек под луной двурогой
с вязанкой древней дорогой.
В закатном огне, на приливной волне,
качается челн рыбака,
Едва видна в тумане река
и пух молодого леска,
Вдоль берегов, над кровлями хижин,
дымок почти неподвижен,

Но я напрасно ищу в отдаленье
мое родное селенье,—
Лишь дикие гуси пятнают, как точки,
облачные шелка.

* * *

В старый колодец глядится луна;
поверхность воды ровна.
Пока никто не опустит бадью—
пребудет ровной она.
А если опустят—влага колодца
только на миг всколыхнется...
Сердце мое —словно старый колодец,
в который глядится луна.

ОХОТА

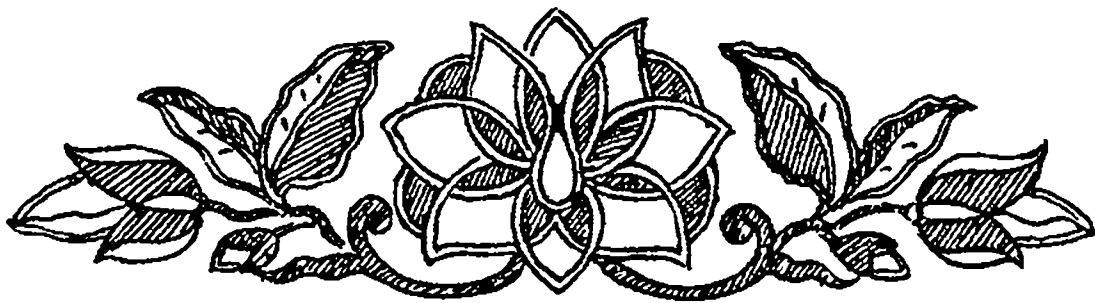
Люди в шапках высоких, в пышных шелках
любят блеск суеты,
А я оленят и ланей люблю;
к чему мне чины и посты?
Без всякой корысти по лесу кочуя,
немного забыться хочу я.
Зверька подстрелю и себе говорю:
не так уж преступен ты!..
Мой пес примолк — за гребнем холма
он скрылся, нырнул в кусты.
Чу! Самец кабарги... на лужайке спит он,
и мускусом воздух пропитан.
У каждого в жизни своя отрада;
чего же, в сущности, надо
Тем, в колесницах,—важным чинам,
поднявшим цветные зонты?

СИЖУ И ПЬЮ ВИНО

Пьяный, щуря беспечно глаза,
сизжу один у окна.
Не сосчитать опавших цветов,
мхом поросла стена.
Если мы пить хмельного не станем,
чем бытие помянем?
Кто оросит наш могильный холм
доброй чашей вина?

Быстро, как иволга золотая,
мелькнет, улета, весна,
Посеребрят нам поникшее темя
неумолимое время;
Без ежедневной попойки хорошей
мы не справимся с ношей,
Вздыбленной тучей нависнет жизнь,
тяжко придавит она.

ЧИСТЫЙ ГОЛОС ПОЭЗИИ

Горы и воды чистых напевов полны

Цзо Сы. (III в.)

На страницах этой книги читатель встретился с поэтической классикой Дальнего Востока, точнее — с поэзией дальневосточной культурной традиции, — ведь Вьетнам нынче относят к Юго-Восточной Азии. В истории, в искусстве Китая, Кореи, Вьетнама вдоволь самобытного, глубоко национального; много и сходного, того, что, объединяя культуры этих стран, делает их безошибочно отличимыми от ближайших соседей, будь то монголы на севере или бирманцы и тайцы на юге...

Но есть в культурной истории трех стран нечто такое, что превращает их единство в явление уникальное, как будто бы не имеющее параллелей нигде на Земле. Речь идет о письменности — иероглифах, которыми записаны в том числе и почти все стихотворения нашего сборника.

На беглый взгляд может показаться, что общность письменности у разных народов встречается не так уж редко: разве латинский алфавит не един для большинства стран Европы, разве не едина кириллица для некоторых славянских стран или арабское письмо — для жителей Ближнего и Среднего Востока? Конечно же, это так. Но значит ли общность алфавита, что любой англичанин умеет читать по-немецки, что русский, к примеру, без труда поймет текст, написанный по-болгарски, а житель нынешнего Египта способен насладиться красотой средневекового персидского стихотворения? Разумеется, вопросы эти чисто риторические, ибо отрицательный ответ на них очевиден. А вот с иероглифами дело обстоит иначе; и хотя в современном Вьетнаме пишут латиницей, а в Корее используют собственную оригинальную азбуку, литературная классика — создана она на китайском, вьетнамском или корейском языках, всегда записана иероглифами — и любому иероглифически грамотному человеку доступна.

Иероглифы появились в Китае в незапамятной древности, всегда были окружены легендами и воспринимались как откровение небесной воли. Недаром таким почетом пользовалось искусство выписывать знаки иероглифического письма — каллиграфия, ценимая на Дальнем Востоке едва ли не выше живописи.

Высочайшего уровня письменная культура Китая — литература, сочинения по истории и философии — достигала сопредельных народов и внушала им закономерное уважение. Каждый, кто хотел приобщиться к китайской традиции: конфуцианской и даосской классике, великой поэзии «Шицзина» («Книги песен») или стихам Тао Юаньмина, прочитать «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цяня и еще многое, многое

другое — обязан был выучить иероглифику — ключ к заповедному миру китайской мудрости.

Стоит ли удивляться, что предки нынешних корейцев и вьетнамцев заимствовали из Китая письменность, после чего развитие национальных культур в Корее и Вьетнаме обрело своеобразную и плодотворную двойственность. Вместе с иероглификой к ним пришли китайская ученость во всем своем самобытном богатстве и с универсальными ценностями культуры мировой, и китайский язык как средство в эту культуру проникнуть. Наконец, иероглифика помогла зафиксировать вполне развитую и оригинальную местную традицию на национальном языке — знаки иероглифической письменности оказались удобными для записи иноязычных сочинений.

Так в литературе трёх стран (мы говорим только о тех, поэзия которых представлена в нашей книге) образовалось удивительное языковое единство: в Китае — вэньянь, язык классической письменной словесности; этот же, по существу, язык в Корее — ханмун и во Вьетнаме — ханван. Вэньянь — ханмун — ханван — это язык (или языки) общей для дальневосточного региона культурной традиции, корни которой уходят в китайскую древность.

Китайский язык и китайская мудрость проникли в сопредельные страны не в один день и не без труда. Не обходилось без применения военной силы, но если колонизаторская политика китайских императоров неизменно встречала могучее национальное противодействие, то мирная культурная экспансия находила отклик среди тех, кто стремился к просвещению родной страны.

Из соседних стран в Китай ехали учиться. Конфуцианская идея семьи-государства, где подданные подчиняются правителю, как дети отцу, а чиновники — своим начальникам, как младшие старшим в семье, была привлекательна для молодых монархий Кореи и Вьетнама. Заимствование идеи требовало и заимствования практики управления: в Китае волю государя несли народу верные чиновники, которые беспрекословно служили правителю до той поры, покуда он в своей деятельности следовал предначертаниям всемогущего Неба; в противном случае честный чиновник-конфуцианец обязан был или поправить отступника — даже ценою собственной жизни, или удалиться от дел.

Таких чиновников необходимо было воспитать и обучить. Именно в Китае столетиями складывалась система испытаний, призванная отобрать на службу самых достойных. К испытаниям допускались только прошедшие до мелочей отработанный, говоря нынешним слогом, «курс обучения». В него входили каноны, впитавшие тысячелетнюю мудрость, литература и музыка, которые, по конфуцианским убеждениям, давали наиболее верное представление о нравах и чаяниях народа, наконец, литературная практика, т. е. высочайшего уровня умение сочинять не только доклады трону, записки, но и стихи, и оды. Вне этого культурного комплекса невозможен был «цзюньцзы» — благородный муж, джентльмен средневекового Китая, единственный претендент на государственный пост.

Литературная образованность как необходимое условие для карьеры государственного чиновника проложила путь китайскому языку и литературе в Корею и Вьетнам (последний именовался в средние века Дай Вьет — Великий Вьет). Ханмун и ханван сделали на столетия языками поэтической культуры, на них писали стихи корейские и вьетские поэты, и эти стихи представляют одну линию национальной словесности.

Другая поэтическая линия ориентировалась на местную традицию и, вероятно, восходила к культовой, ритуальной поэзии, но письменно фиксировалась опять-таки с помощью китайских иероглифов, хотя и созда-

валась на национальном языке. В Корее такое соединение «своего» языка и «чужой» письменности именовалось «хянчхаль», во Вьетнаме-Вьете — «ном».

Обе эти поэтические линии существуют, так сказать, «нераздельно и неслиянно», и вьетнамская и корейская поэзии мыслимы только в их единстве, в совокупности поэтических средств и образов, а главное, в удивительной однородности взглядов на мир, природу и человека, свойственных дальневосточному мировидению.

Хронологически наш сборник начинается у ворот величайшей, быть может, из поэтических эпох в Китае — эпохи Тан (VII—X вв.). Вероятно, около VII в. первые китайские стихи становятся известны во Вьете, чуть позднее — в Корее. Так что эпоха Тан — важная веха и в их поэтической истории. С первыми стихотворениями на китайском языке в сопредельные страны проникла китайская поэтическая традиция, которая укоренилась на чужеземной почве и вскоре уже дала «местные» ростки. Путь, который к VII в. прошла в своем развитии китайская поэзия, сделавшись своим и для поэзии Кореи или Вьета, так что, сказав несколько слов о «дотанской» поэзии в Китае, мы расскажем и о предшественниках всех поэтов, представленных в книге.

У истоков дальневосточной поэтической традиции мы находим упомянутую уже «Книгу песен», по преданию, составленную самим Конфуцием; это своеобразный итог древнейшей поэзии — пышные оды, торжественные ритуальные гимны, храмовые песнопения соседствуют с бесхитростными лирическими излияниями, и все это, по мнению Конфуция, — верное зеркало народных нравов. Конфуцианские ученые-педанты в разные эпохи много потрудились, дабы перетолковать «Книгу песен» в духе рационально-символического комментария к историческим сюжетам, но чистый лирический голос старинных стихов всегда оставался внятн истинным поэтам во все времена.

Даже в самом беглом обзоре невозможно охватить китайскую поэзию от времени «Шицзина» до начала Тан сколько-нибудь полно, — более десяти столетий и несметное число стихотворцев, среди которых множество — незаурядных. Поэтому и будем говорить только о тех, кто оказал на китайскую поэзию определяющее влияние, дав ей нечто особенное, непреходящее, о поэтах, опередивших свое время, чье творческое воздействие и спустя века, ощущали многие поколения поэтов.

Первым в этом ряду по справедливости будет стоять и первый из известных нам по имени — поэт Цюй Юань (IV в. до н. э.). В названии главного его произведения — поэмы «Скорбь отлученного» («Лисао») — и суть житейского конфликта Цюй Юаня с правителем, и символ этической, нравственной коллизии, не раз потом повторившейся в истории китайской культуры: долг призывает к служению, но правитель окружен коварными льстецами, и праведный муж, оклеветанный, отрешен от дел. Цюй Юань не ограничился поэтическими жалобами на несправедливую судьбу, а покончил с собой, утопившись в реке Мило. Он как бы задал всей грядущей поэзии напряженный нравственный лейтмотив, и с тех пор уже никогда собственная жизнь не казалась истинному поэту избыточной платой за право говорить всласть придержащим прямые и честные слова.

О «Девятнадцати древних стихотворениях», созданных, видимо, не ранее I века, мы говорим и потому, что анонимные эти стихи, продолжая нравственную линию поэзии Цюй Юаня, осваивают реальную человеческую жизнь, в которой и радость встреч, и горечь разлук, и верность любимому. Сквозная тема «Девятнадцати древних стихотворений» — спокойное приятие неизбежной смерти, завершающей всякую человеческую жизнь («человеческий век промелькнет, как краткий при-

езд»); потому так часты размышления о нравственном долге, о необходимости достойно пройти предназначенный судьбою путь. Эти размышления еще не конкретны, мы можем только гадать, кто они — герои «девятнадцати древних стихотворений», но пафос моральных исканий на века останется той канвой, по которой будет вышивать свой узор вся дальневосточная поэзия.

Следует сказать, что китайская поэзия с ее длительной и непрерывной историей рождает в читателе соблазн рассматривать каждого последующего поэта как наследника высочайших достижений предшествующих эпох, считать его тем самым прошедшим в своем творчестве дальше и выше поэтов минувших эпох. Сами китайцы прекрасно понимали ошибочность подобных представлений, они отвергали линейную временную последовательность, им ближе было представление о чередности «взлетов и падений». И хотя эпохи «взлетов» поэзии давали образцовые произведения, но вызревали они часто в недрах времен «упадка», в творчестве каких-нибудь всеми забытых стихотворцев. Каждый крупный поэт, делая шаг вперед, что-то непременно терял в сравнении, например, с «Шицзином», и потому многократно звучал в разные века лозунг «возврата к древности», которая всегда оставалась недостижимым образцом поэтической правды. Как говорили в Китае, «порядок словесности идет вперед, вращаясь»...

В достаточной мере условный рубеж древности и средневековья отмечен в Китае крахом династии Хань (III в.). В творчестве целой плеяды поэтов «смутного времени» отразилась эпоха раздоров и междоусобиц, кровавых мятежей, возвышений, коварства — никто не был уверен в завтрашнем дне, подвергались сомнению вчера еще казавшиеся незыблемыми нравственные ценности.

Вздыхаю тяжело
о печальной доле
Мятущегося
перекати-поля,¹ —

писал один из поэтов-современников, Цао Чжи, и вторил ему Жуань Цзи:

Одинокий, забытый
сижу я в покое пустом;
Кто понять меня сможет,
с кем речь я могу повести?

В других стихах поэтов тех лет найдем мы не только ощущение неприкаянного одиночества, но и скорбные размышления о судьбах родины, о бедствиях народа, ввергнутого в пучину бесконечных войн. Одни стихотворцы ищут и обретают опору в примерах безупречной нравственности древних людей; другие предпочитают удалиться от мира и найти успокоение в отшельнической жизни на природе. В рамках этих духовных исканий вызревал синтез, единогласие человека и мира, казалось, навсегда утерянное в жизненной реальности.

Явление Тао Юаньмина (Тао Цянь, 365—427) было столь масштабным, что современники, по существу, проглядели этого поэта, и только века спустя, уже при династии Тан, он был признан недостижимой поэтической вершиной. О Тао Юаньмине написаны сотни книг — и в Китае, и за его пределами, — но как всякий гениальный поэт — он тайна, и каждый ис-

¹ Перевод Л. Черкасского.

следователь предлагает свою версию разгадки его поэзии — завораживающе простой и бездонно глубокой, безыскусной и отмеченной высочайшим мастерством, понятной всем и непостижимой даже для самых могучих умов. Академик В. М. Алексеев, сказавший, что Тао Юаньмин сыграл в Китае «роль нашего Пушкина», с исчерпывающей точностью определил место поэта в истории китайской словесности.

Тао Юаньмин был личностью необыкновенно привлекательной. Влияние его поэзии было глубинным, подспудным, подражать его стихам «впрямую» не удавалось никому, но образ жизни Тао Юаньмина, самый тип его взаимоотношений с миром сделался объектом многочисленных подражаний и в Китае, и в Корее, и во Вьетнаме.

Извечный конфликт конфуцианского служения и даосского недеяния Тао Юаньмин разрешил для себя с такой решительностью, что его слова, сказанные, когда он покидал должность начальника уезда — «Я не могу гнуть спину за пять мер риса», — сделались вечной формулой независимости творческой личности, ее безграничной внутренней свободы. Со службы уходили и до Тао — выбирали отшельническое уединение; другие продолжали служить, отвергая как слабость стремление удалиться от дел. Отшельничество Тао Юаньмина было особым:

Я поставил свой дом
в самой гуще людских жилищ,¹ —

написал он, и это не было красивой фразой, ибо отныне принужден поэт добывать пропитание (те самые, отвергнутые им «пять мер риса») собственным трудом, живя среди крестьян, не скажем: «как равный среди равных», но и не отгородившись от них стенами богатой усадьбы.

После Тао Юаньмина в поэзии долго не появлялось фигуры подобного масштаба, хотя имена Бао Чжао, Се Линъюня, Юй Синя — среди самых славных имен китайских стихотворцев. Голос каждого отличим в общем поэтическом хоре: яростные инвективы Бао Чжао не спутаешь с пышной пейзажной лирикой Се Линъюня, проникнутой духом буддийской отрешенности, или со скорбной музыкой Юй Синя, который волею судьбы оказался на Севере, отторгнутым от южного Китая иноплемennыми правителями. И все они печалились о стране, раздробленной, истерзанной внешними и внутренними врагами.

Воцарение династии Тан (618 г.) знаменовало создание — через столетия после Хань — единой могучей империи, и это событие не могло не отозваться, пусть не впрямую, в поэзии новой эпохи — так что начало нашего сборника отмечено вовсе не рутинным событием смены династий. Триста с лишним лет, а именно столько длилась эпоха Тан, дали китайской литературе более двух тысяч поэтов — если считать только вошедших в официальные антологии. И важно понять, что тысячи стихотворцев — не механическая сумма индивидуальностей, а художественное единство, отмеченное общими творческими приемами, и в таком именно качестве осознанное историками и знатоками китайской литературы. «С наступлением эпохи Тан стихи стали совершенны, законченны во всех своих видах и стилях; все способы стиха были точно так же отчетливо проявлены. Вот почему всякий, кто судит о стихах, берет танских авторов за мерило всех вещей, подобно тому, как стрелок отсчитывает все от мишени и ремесленник от наугольника и циркуля»,² — писал в XVIII в. просвещенный любитель поэзии, император Кан Си. Пусть не смущает вас некоторая метафоричность этого высказывания, она

¹ Перевод Л. Эйдилина.

² Перевод В. М. Алексеева.

свойственна китайской литературной мысли; но из XVIII столетия танская поэзия и в самом деле воспринималась уже как единый поэтический организм. На чем же конкретно основывается ощущение ее единства? (Поскольку поэты Кореи и Вьетнама не миновали учебы и подражания великим танским мастерам, то, говоря о танской поэзии, мы, в определенном смысле, будем говорить о большинстве стихотворений нашего сборника.)

К танскому времени многие черты, уже дотоле существовавшие в китайской поэзии, проявились с отчетливостью и завершенностью; бывшие раньше достоянием отдельных поэтов, черты эти сделались универсальными и стали восприниматься как неперенные атрибуты поэтического мышления. Так, именно в эти столетия сложился тематический комплекс, в рамках которого только и могла осуществляться мысль поэта.

Мало сказать, что главная тема поэзии в эпоху Тан — человек; это справедливо для любой поэзии и во все времена. Но в Китае человек мыслился равным земле и небу, образуя с ним троицу — основу мироздания. Поэтому и в стихах он неотделим от природного ритма: вся дальневосточная поэзия пейзажа — поэзия «гор и вод» или «полей и садов» — это поэзия о человеке, даже если он и отсутствует в стихотворной картине природы.

Человек тоже подчинен ритму Великого Дао — Пути всего сущего, но в природе промысел Дао явлен более отчетливо, более зримо. Да и стихи — это только голос Дао, уловленный сердцем поэта в минуту созерцания природных явлений, в которых взаимодействуют светлое начало — ян и темное, сумеречное — инь.

Поэтому так пристально вглядывается китайский поэт в окружающий его мир. Вот сменяются времена года, и в их чередѣ видит он символ собственного жизненного пути от рождения к смерти, который — только миг в круговращении всего сущего на земле. Недаром с древнейших времен «весны и осени» — образ хронологического цикла (именно так называлась летопись, составленная Конфуцием), как и восходы и закаты, как чередование солнца и луны на небосклоне. Вьетнамский поэт XI в. Ван Хань говорил:

С молнией сходна брѣнная плоть,
миг — и вот ее нет.
Луг травяной, расцвѣтѣвший весной,
осенью вновь раздет,¹ —

именно от танских стихотворцев унаследовал он такое ощущение слитности с природой.

Поэт-чиновник, человек на службе, постоянно перемещался по неоглядным просторам танского Китая — правила чиновничьей службы строго запрещали, во-первых, занимать должность в родном краю, а, во-вторых, долго задерживаться на одном месте. Поэтому так часто возникает в стихах мотив дороги, тоже, впрочем, неотделимый от «природной» темы, ибо ничто так не усугубляет тоску по родине, как пейзаж, непривычный глазу — болотистые джунгли дальнего юга или покрытые снегом северные вершины наводили тоску на уроженцев центральных областей Китая. Встречи, расставания, дорога... И тут же возникает тема дружбы — тоже одна из ведущих в танской поэзии.

Каждая из этих тем столетиями обретала собственный круг символов, как правило, тесно связанных с природой. В чужом краю поэт гля-

¹ Перевод Арк. Штейнберга.

дит на луну и вспоминает родину; весенний ливень навевает мысли о доме:

Дождь, не спеши в мой родимый сад,
и не сбивай лепестки,
Прошу, береги, пока не вернусь,
цветы, хоть на ветке одной,—

ветер тоже будит в сердце печаль; и ветер, и дождь одухотворены в танских и более поздних стихах, они словно бы заменяют поэту друзей, которых он оставил. А символом разлуки с другом для всего Дальнего Востока сделалась ива — ее тонкие ветки ломали на память, прощаясь перед дальней дорогой:

Зелено-зеленого дерева ивы,
краса, разящая сердце,
Как часто с людьми делила, бывало,
тоску и горечь разлуки.
Растет эта ива у самой заставы,
где проводы очень часты.
У ивы обломаны длинные ветви,
в них меньше ветра весною.¹

В этом знаменитом стихотворении Бо Цзюйи — и разлука, и дружба, и природа. Таких стихов было много, много их и в нашей книге, но, право же, от частого повторения не потеряли они свежести поэтического переживания.

Причудливо сплетаются темы танской поэзии. Дорога — это жизненная реальность для поэта-чиновника, но это и образ неумолимого времени, а значит, и человека — странника, гостя в этом мире. Поэтому тема старости возникает задолго до того, как поэт достигает склона жизни: он знает, что старость придет, как приходила ко всем до него, а стало быть, и седина появится в свой срок (как с наступлением осенней поры, заката года, ложится на листья белый иней).

Старость и смерть полагается встретить мужественно, поэтому полезно созерцать то, что приучает человека к мысли о бренности всего сущего — летящие облака, струящийся поток, а чаша вина или глоток чая словно бы останавливают время, внушают легкий сон наяву, который помогает постичь гармонию мира, избавиться от суетных страстей, обрести чистоту вечной природы. Отсюда возникало и поэтическое переживание древности, минувшего — созерцали разрушенный дворец или храм, или могилу, пребывающую в запустении.

Древность в дальневосточной культуре мыслилась как источник всего лучшего, высоконравственного. Это и великие мудрецы, и замечательные поэты, и совершенномудрые правители; это великая правда, явленная в старинных преданиях и книгах, правда, которая с неотразимой убедительностью свидетельствует о несовершенстве мира, но зовет к воспитанию души в принципах заповедных истин. И поэт ощущает себя звеном в цепи поколений, мигот — но необходимым! — в потоке времени; и тема былого смыкается с темой поэта — гостя, путника, странника по дороге жизни.

Наверное, читатель уже ощутил некий изъян в очерченном нами круге тем: почти все они — пусть в несколько иной интерпретации — свойственны и европейской поэзии, но одна вовсе отсутству-

¹ Перевод Л. Эйшлина.

ет — тема любви. Да, в стихах классического жанра «ши» поэт напишет разве что о верной супружеской любви, но и это — скорее будут стихи о верности супружескому долгу, чем собственно о любви.

Понять такое подчеркнутое целомудрие китайской музыки возможно, лишь представив себе личность средневекового поэта, его мировоззрение. Мы уже не раз упоминали, что чаще всего это был поэт-чиновник и в этом своем качестве чиновника на государственной службе — правоверный конфуцианец. Именно конфуцианство как тип мирозерцания был в наибольшей степени присущ китайской и шире — дальневосточной поэзии. Как точно определил В. М. Алексеев, стихи танских поэтов «представляют нам старинную, строгую, классическую поэзию, чисто конфуцианскую по типу и идеологии, хотя не без постоянных эклектических порывов в фантастику даосов и мистику буддистов». В этом утверждении нам важен акцент на приверженности поэтов эпохи Тан конфуцианству, а также мысль о том, что мало в ком из поэтов воплотился чистый, беспримесный тип конфуцианца, даоса или буддиста. Как поэт-чиновник мог без всякого насилия над собой исповедовать даосизм или буддизм, так и даосский поэт или буддийский монах мог писать стихи «конфуцианские по типу и идеологии».

Могучее воздействие конфуцианства на китайскую культуру сказалось прежде всего в том, что и в жизни, и в искусстве порицалось и изгонялось все естественное, почитавшееся грубым, животным, вульгарным, ибо его не коснулась цивилизующая конфуцианская мудрость. Именно одним из проявлений животной грубости мыслилась чувственная любовь, потому и молчит о ней проникнутая конфуцианским духом классическая поэзия, пытающаяся заменить «естественную любовь полов возвышенной любовью друзей-мужчин, которых объединяют на всю жизнь общие идеи и общее воспитание».

В классической поэзии это действительно так. Но картина поэзии эпохи Тан будет искажена, если не упомянуть о всегда существовавшей народной поэзии, не скованной догмами и свободно выражавшей самые искренние любовные чувства. В танское время некоторые мотивы этой поэзии отозвались и в творчестве стихотворцев-классиков, правда, в новом песенном жанре «цы»; стихи этого жанра иногда, чтобы подчеркнуть их тесную связь с музыкальной мелодией, именуют романсами — с некоторыми образцами «цы» читатели встретились в этой книге.

Танская поэзия широко представлена в нашей антологии. Тому есть, по крайней мере, две причины. Это оправдано и ее местом во всей дальневосточной культуре, и возможностью представить танские стихотворения в хороших русских переводах. Позволим себе обратить внимание читателей на несколько имен раздела «Поэзия эпохи Тан».

Один из величайших пейзажных лириков Китая — Ван Вэй дан в безупречных переложениях замечательного поэта Арк. Штейнберга. Переводчику удалось донести до русского читателя графическую тонкость стихов китайского поэта. О Ван Вэе, который был и выдающимся живописцем, говорили: «В стихах его — картины,.. в картинах его — стихи». Ван Вэй умел увидеть «великое в малом», прозреть в мелкой детали символ величия природы. Поэт служил и достиг высоких постов; не избежал он и превратностей карьеры: за вынужденную службу мятежному полководцу Ань Лушаню император понизил его в должности, но и в самые благополучные годы его неудержимо влекла к себе отшельническая жизнь на лоне природы — знаменитый его цикл «Река Ванчуань» и описывает уединение поэта в его загородном жилище в предгорьях Южных гор. Ван Вэй интересовался буддизмом, был его ревностным приверженцем. Буддийские мотивы заметны в его поэзии; современники отмечали их в его картинах (живопись Ван Вэя почти не сохра-

нилась); ощутимы они и в знаменитом трактате «Тайны живописи». Остается добавить, что творчество Ван Вэя было весьма популярно за пределами Китая — в Корее и Вьетнаме.

Имена великих поэтов Ли Бо и Ду Фу неизменно упоминаются рядом. Дополняя друг друга, они образуют собирательный образ традиционного китайского поэта в его идеальном воплощении. Порывистый, романтический Ли Бо, с его тягой к заоблачным вершинам духа, ко всему необыкновенному, отрицающий все нормы и условности, «ученый-академик, магнат, царедворец и юродствующий бродяга, то льнувший к славе, то презиравший жизнь, жаждущий абсолютного прозрения и освобождения от земной орбиты, которая мешает ему стать вечным другом луны, немой подруги его земного одиночества» (В. М. Алексеев), к сожалению, с огромным трудом поддается переводу, и по-русски теряет многое из прославившего его поэзию на родном языке.

Поэзия Ду Фу, напротив, представляется в Китае образцом поэтической ясности, строгости, лишенной всяких неумеренных порывов — иными словами, идеально воплощает «конфуцианский дух», и, казалось бы, должна быть понятнее иноязычному читателю. Но и большинство стихотворений Ду Фу трудны для восприятия. Дело, видимо, в том, что, какой бы облик ни принимала китайская поэзия, переводу поддается только наиболее поверхностный, очевидный ее слой, между тем как главное ее достоинство — в бесконечной глубине, доступной только носителю традиции. В Китае говорили: «Строка кончается, а мысль безгранична» — и вот эта безграничная мысль, к сожалению, теряется даже в лучших переводах.

Творчество Сыкун Ту, завершающее раздел, — удивительный образец поэтических рассуждений о стихах, о сущности поэта и поэзии. Эти стихи в поразительных переводах В. М. Алексеева способны своей сложностью отпугнуть читателей, но тот, кто не пожалеет усилий, будет вознагражден приближением к самой сердцевине дальневосточной поэтики.

Поэзия эпохи Сун (X—XII вв.), унаследовав поэтические достижения танской эпохи, обрела невиданную доселе философскую мощь. Огромное влияние на творчество сунских стихотворцев оказала группа мыслителей-реформаторов традиционного конфуцианства — Чэн И, Чэн Хао, Чжу Си и другие, которые, как писал В. М. Алексеев, «стремились примирить буддийско-даосскую мистику с конфуцианским рационализмом». Напряженность поэтической мысли, подчас в ущерб ясности и простоте выражения, — одна из особенностей сунской поэзии.

Если темы и образный строй поэзии Сун мало отличаются от тем и образов танской поэзии (может быть, только громче звучит патриотическая тема — в сунское время все чаще захватчики-иноземцы вторгались в пределы Китая), то в жанровом отношении отличия более существенны: только зарождавшийся в танскую пору песенно-стихотворный жанр «цы» достиг в эпоху Сун своего наивысшего расцвета.

Ранние «цы» — это типичные любовные стихи, созданные на определенную мелодию (поэтому мы и говорим о романсе), но сунские поэты смело раздвинули границы жанра: появляются и пейзажные и философские «цы». Пожалуй, первым вывел «цы» за рамки интимно-лирической тематики великий Су Ши, оставивший заметный след в самых разных областях — он был ученым, мыслителем, талантливым художником и прозаиком; он занимал видные государственные посты, выступал против реформ своего современника Ван Аньши (тоже, кстати сказать, незаурядного поэта), подвергался опале и ссылкам. Его отличает творческая смелость, гибкость языка, любовь к народным речениям. Он работал и в жанре «цы», сочиняя их на любые темы и отказываясь от обязатель-

ной музыкальной мелодии, — под его кистью «цы» перестают быть стихами-романсами.

Среди великих имен сунских стихотворцев обратим внимание читателей на чудесную поэтессу Ли Цинчжау. До нас дошло совсем немного ее стихотворений в жанре «цы», но в них — спокойное, без тени надрыва повествование о горькой судьбе, строки, проникнутые болью за родину, которую топчут иноземцы (в XII веке в Китай вторглись полчища северных кочевников).

Поэзия эпохи Сун меньше известна в нашей стране — ее реже переводили на русский, но все-таки крупнейшие поэты — Оуян Сю, Ван Аньши, Су Ши, Ли Цинчжао, Син Цицзи — представлены в нашем сборнике в переводах, выполненных с любовью и тщанием.

Время монгольского владычества, когда Китаем правила иноземная династия Юань, вошло в историю китайской поэзии в первую очередь как время расцвета нового поэтического жанра «цюй» (или «саныцюй»). Вторжение иноземцев, уничтоживших династию Сун, повлекло за собой упадок традиционных форм культуры, упадок временный, но достаточно болезненный для духовной жизни народа. Но китайская культура проявила могучую жизнестойкость: в ее недрах быстро возникли новые жанры, призванные восполнить упадок традиционной словесности. Жанр «цюй» тесно связан с драматургией — и не только тем, что большинство поэтов были и драматургами: стихотворения в жанре «цюй» включались в пьесы в качестве лирических арий, которые оттеняли прозаические фрагменты.

Драматургия — жанр демократический. Пьесы разыгрывались на площадях городов и в деревнях, в харчевнях и монастырях; они и были доступны самым разным людям: начитанным в классической литературе чиновникам, неграмотным крестьянам, ремесленникам и образованным ученым-конфуцианцам.

Драматурги и в поэзии ориентировались на разнородных слушателей и читателей. Стихотворения «цюй» тесно связаны с народной поэзией, но не чужды классике, их язык близок разговорному, но гораздо «литературнее» фольклора.

Стихи «цюй» писались на определенную мелодию, их размер, подчиненный музыке, прихотлив, строки неравной длины создают причудливый ритм. Стихи эти привлекают свежестью чувства, сиюминутностью поэтического переживания. Большинство «цюй» — о любви, причем о любви горькой, ушедшей. Вместе со стихами в жанре «цы» они продолжают «неклассическую» традицию китайской любовной лирики.

Эпоха Мин представлена в нашей книге стихами, которые в интерпретации минских поэтов обретают классический блеск, за которым порой теряется искренность поэтического переживания. В трехсотлетний период Мин символизм китайской поэзии достигает того предела, когда любой образ в стихотворении обладает символической глубиной, доступной только узкому кругу знатоков.

Все труднее становится расшифровать многочисленные цитаты, исторические намеки — перед этой задачей отступает и самая совершенная эрудиция. Подражание, прием, столь типичный для средневековой литературы, нередко теряет творческий смысл и превращается в блестящее, но бесцельное стилизаторство, в демонстрацию версификационного умения, далекого от истинного мастерства.

И все-таки поэзия продолжала жить в лучших стихах, по-прежнему удивляющих ясностью мысли, точностью деталей, зоркостью поэтического взгляда. Все это обнаруживается в замечательной поэзии Гао Ци, которого многие китайские знатоки считают лучшим поэтом эпохи Мин, и в стихах других поэтов.

Следует подчеркнуть, что в раздел минской поэзии включены стихотворения не вполне привычные нашим представлениям о китайской поэзии, далекие от традиционных пейзажных стихотворений с их на любом языке понятной образностью. Но без таких стихов (исторических, описательных и пр.) представление о китайской поэзии останется весьма искаженным.

Возможно, мы несколько увлеклись описанием китайской части нашей книги, оставив без внимания поэзию Кореи и Вьетнама. Вспомним, однако, что наш разговор мы предварили замечанием о единстве дальневосточной поэтической культуры и о правомерности общего взгляда на поэзию Китая и сопредельных с ним стран.

Ни Корея, ни Вьетнам никогда не были поэтической провинцией. Как заимствование одним поэтом у другого было не более, чем художественным приемом средневековой поэзии и никому не приходило в голову клеймить и обличать подражавшего, так и взаимодействие культур допускало гораздо более тесные связи, чем мы можем себе представить — и безо всяких обвинений какой-либо из культур во вторичности, второстепенности.

Внимательный читатель корейского и вьетнамского разделов нашего сборника обнаружит и общность тем, и сходство образной структуры стиха, и, главное, близость мировосприятия поэтов.

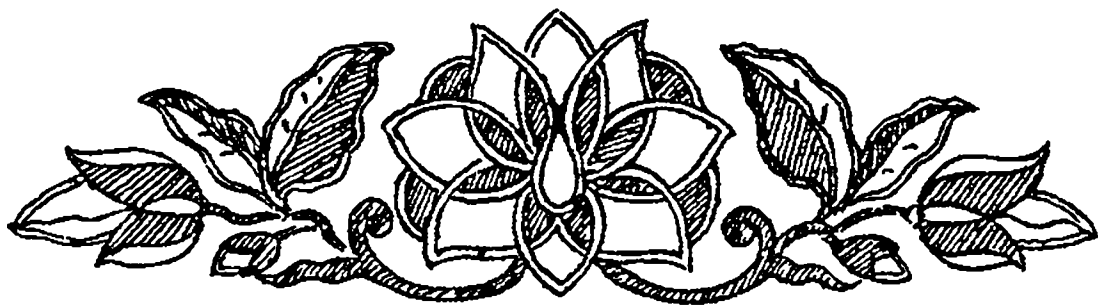
Правда, вьетнамские поэты испытали, пожалуй, большее влияние буддизма, в частности, буддийской секты тхиен (в нашей стране эта секта более известна под ее японским именем дзэн и китайским чань). Отсюда — мотивы иллюзорности мира, признание относительной ценности всего земного, образы буддийских монахов-отшельников («бросив бесценный золотой трон, оставил стольный град, отринул роскошное облачение дракона, надел зеленую островерхую шапку, принял постриг, позволял сойкам вить гнездо у себя на голове, пауку — ткать паутину в рукаве»), идеи внезапного поэтического озарения, которое дарит поэту длительное и сосредоточенное созерцание природы и т. д.

И все-таки, соединив поэзию трех стран под одной обложкой, мы ориентируем читателей на восприятие общих черт, в рамках которых воспринимаются и особенности, присущие каждой национальной традиции. Так, национальный корейский поэтический жанр «сиджо» не имеет аналогов среди китайских поэтических жанров, но мы обратим внимание на общую образность (сосна как символ нравственной стойкости; травяной плащ — примета отшельника; лунная символика и т. д.), на то, что сближает «сиджо» с китайской традицией.

Читатель, которого интересуют китайская, корейская или вьетнамская поэзия как явления самобытные (а в том, чтобы такой интерес возник — одна из задач нашей книги), может обратиться к издававшимся в нашей стране собраниям китайских, корейских, вьетнамских стихов: в этих книгах они и представлены полнее, и подробнее отмечены этапы развития поэзии каждой из стран, и более полно рассказано о поэтических жанрах.

Мы же хотим, чтобы это собрание дальневосточной традиционной поэзии было прочитано как единая книга, созданная по единым законам, ибо именно так и писали ее поколения стихотворцев — их трудами старинная поэзия Дальнего Востока сделалась одним из наиболее заметных явлений мировой культуры.

Илья Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 5. Цзян—река Янцзы. Тройной Цинь—окрестности г. Чанъань, откуда Ду едет к Пяти Переправам на р. Янцзы. Меж Морями—то есть в Китае.

С. 6. Река Ишуй.— Здесь в III в. до н. э. герой Цзин Кэ прощался с Яньским Данем, наследником престола страны Янь, когда отправлялся в государство Цинь, чтобы убить тамошнего правителя, будущего свирепого тирана Цинь Шихуана.

С. 8. Великий предел—исток всего сущего, в том числе и трех начал—неба, земли и человека, которому, если он истинно благороден, свойственно умение применяться к обстоятельствам—высшая тонкость. Три—истинный путь неба, земли, людей. Пять—человеколюбие, верность долгу, следование обрядам, мудрость, доверие.

С. 11. Цинь—старинный музыкальный инструмент.

С. 15. Тао Цянь—знаменитый поэт Тао Юаньмин (365—427).

С. 26. Вдова князя Си.—Некогда князь Вэнь-ван, убив князя Си, взял его жену себе в наложницы. Тоскуя о прежнем муже, женщина постоянно молчала.

С. 27. Наложница Бань—фаворитка государя Чэн-ди (I в. до н. э.), оставленная им и доживавшая свой век в отдаленном дворцовом покое.

С. 30. Девятый день девятой луны.—Речь идет об осеннем празднике «двойной девятки», когда принято было подниматься в горы, ломать там кизилевые ветви и украшать ими волосы, что, по поверью, отвращало болезни и наваждения.

С. 31. *Белками глядит...*—так, закатив зрачки, смотрел на тех, кто был ему неприятен, поэт Жуань Цзи (III в.).

С. 32. Дни «холодной пищи»—трехдневный весенний пост, когда не полагалось есть горячую еду.

Меня, пребывавшего в заключении...—В этом стихотворении речь идет о мятеже полководца Ань Лушаня, который сумел захватить столицу танского Китая Чанъань.

С. 33. Врата Пустоты—т. е. буддийское учение.

С. 35. Небесная Река (иначе—Серебряная Река)—Млечный Путь.

С. 41. Се Тяо (464—499)—известный поэт.

С. 48. Горы Пэнлай—обитель бессмертных, даосский рай, где будто бы растут персики, дарующие вечную жизнь.

С. 51. Белый заяц.—По преданию, на луне живет яшмовый заяц, без усталости толкущий в ступе снадобье бессмертия, которое некогда вкусила Чанъэ, за что и была обречена на вечную жизнь на луне.

С. 60. Су У—посол императора У-ди, предательски захваченный в 100 г. до н. э. кочевниками-сюнну. Долгие годы провел в плену, сумел передать о себе восточку, привязав письмо к лапке дикого гуся (с тех пор в Китае дикий гусь—символ письма). Вместе с Су У в плену находился его друг, полководец Ли Лин, который проводил Су У домой (сцена их прощания на мосту неоднократно описана в стихах), а сам умер на чужбине.

С. 66. 26-й год Кайюань—738 год. Гун—титул чиновника в Древнем Китае. Шаньюй—предводитель кочевников-сюнну.

С. 67. ...холодный звук котлов...—в ночное время котлы для варки пищи служили для подачи разнообразных звуковых сигналов.

С. 70. Юйян—город в провинции Хэбэй. Сягань—река в той же провинции.

С. 72. Юй Синь (513—581) и Бао Чжао (405?—466?)—известные поэты.

С. 73. Цзи и Се—советники легендарного государя Шуня.

С. 75. Сюй Ю и Чао Фу—знаменитые отшельники времен легендарного государя Яо. Яочи (букв. «яшмовый пруд»)—озеро в райских садах богини Сиванму.

С. 77. Небесный Столб—по преданию, располагался возле горы Бучжоу и поддерживал небеса.

С. 84. Шан и Шэнь—звезды, редко появляющиеся вместе на небосводе.

С. 101. Праздник «холодной пищи» (см. примеч. к с. 32).—Согласно легенде, связан с именем верного слуги Цзытуя (Цзе Цзытуя), который девятнадцать лет служил своему князю-изгнаннику. Когда князь вернул себе престол и пожелал наградить слугу, Цзытуй не принял награды и удалился на гору Миньшань. Князь, дабы заставить слугу спуститься с горы, повелел поджечь лес на склонах, но непреклонный Цзе Цзытуй сгорел заживо. В память о нем князь запретил в этот день разводить огонь в очагах.

С. 102. Сэ—китайские гусли. Пин И—речной дух. Гость в Чу—Цюй Юань (прибл. 340—278 гг. до н. э.), поэт-изгнанник.

С. 121. Утун—дерево, род платана.

С. 134. Сяо и Сян (иногда—Сясян)—реки, прославленные своей красотой и неоднократно воспетые поэтами. Лэююань—парк в окрестностях города Чаньань.

С. 135. Поэма о поэте.—В 24-х стансах Сыкун Ту воссоздает все этапы поэтического вдохновения. Читателей, которых заинтересует эта своеобразная поэма, отсылаем к уникальному по полноте и глубине исследованию академика В. М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» (Пг., 1916), ибо в рамках нашей книги комментариев, хоть сколько-нибудь проясняющий смысл, попросту невозможен. Заметим только, что образованный китайский читатель воспринимает поэму как поэзию высшей пробы.

С. 148. Песнь о Мин-фэй.—В нашей книге читатель не раз встретится с разными версиями популярной истории о Мин-фэй (Ван Чжаоцзюнь), одной из дворцовых красавиц государя Юань-ди (I в. до н. э.). По народной легенде, гордая красавица не пожелала умиловать придворного живописца, который, согласно императорскому повелению, рисовал всех дворцовых дам, и тот изобразил ее уродиной. Когда возникла необходимость породниться с вождем кочевников, Юань-ди по портрету выбрал самую некрасивую из своих женщин—Мин-фэй. Увидав ее впервые, он восхитился ее красотой, но выбор был уже сделан, и Мин-фэй отправилась в стан кочевников.

С. 153. Написано на почтовой станции...—Су Ши был сослан на остров Хайнань, где и создал это стихотворение. У-ян—вещунья, прорицательница, предсказавшая судьбу поэту Цюй Юаню.

С. 155. Восточный склон (Дунпо)—название местечка, где жил Су Ши. Отсюда его псевдоним—Су Дунпо.

С. 162. Личжи—тропические плоды, которые высоко ценились при дворе китайских императоров. Чтобы доставить их свежими с далекого юга, день и ночь скакали специальные гонцы, нередко погибавшие в дороге.

С. 163. Всемило стивейшая Гуаньинь — богиня-чадопоздательница, весьма почитаемая в Китае.

С. 168. *Оплакал друга славный Бо Я...* — Известный музыкант порвал струны на своем цине после того, как умер друг, единственный истинный ценитель его мастерства.

С. 173. Юаньсяо — первое полнолуние в году, Праздник Фонарей.

С. 178. Фу-си — мифический первопредок китайцев.

С. 181. *...цветами граната украшенный пояс...* — одно из традиционных благопожелательных подношений новобрачной, символ многочисленного потомства.

С. 208. Созерцанье — здесь: учение буддийской секты Чань.

Горестные строки. — Стихи написаны на смерть поэта Гао Ци, см. его стихи на с. 210 и далее.

С. 245. К друзьям Северной стены. — Поэт обращается к своим приятелям-стихотворцам, в молодости входившим в поэтическое содружество десяти друзей Северной стены, — все они жили возле северной городской стены Сучжоу.

С. 250. Сюцай — звание, которое присваивалось после сдачи государственных экзаменов первой ступени.

С. 256. *...взошел на запад от Ивы...* — имеется в виду созвездие Ивы.

С. 263. Надпись к картине... — См. примеч. к с. 60.

С. 264. Хайтан — сорт дикой груши.

С. 272. «Пятерка овечек» — дословный перевод названия местности Уян, где путник тоскует о родине.

С. 274. Песня о Чжаоцзюнь — см. примеч. к с. 148.

С. 278. Чанъэ — см. примеч. к с. 51.

С. 279. Циньская стена — Великая Китайская стена, сооруженная при династии Цинь (III в. до н. э.).

С. 281. «Грушевый сад» — название известной школы актерского мастерства.

С. 285. *...как две столицы при Хань...* — в эпоху правления Ханьской династии в Китае было две столицы — Лоян и Чанъань.

С. 291. *...герой «Четырех скакунов».* — Поэт сравнивает себя с царским слугой из оды в старинной «Книге песен».

Город Феникса — столичный императорский город.

С. 292. «Меч и туфли» — образное наименование высших сановников. «Ветер с дождем» — вино. «Любящие реки-озера» — те, кто предпочитает жить на лоне природы. *Звуки каменных бил у моста...* — поэт рисует картину празднества, которое сопровождается игрой на старинных музыкальных инструментах из камня, от грохота которых будто бы оживает даже изваяние могучей рыбы, украшающее дворцовый пруд.

С. 306. Жалобы во дворце Чанмэнь. — Во дворец Чанмэнь ханьский император У-ди отселил императрицу Чэнь, к которой охладел. Императрица попросила поэта Сыма Сянжу написать оду о ее печали. Прочитав стихи, император вернул императрице свое расположение.

С. 308. Чансинь — то же, что Чанмэнь, см. примеч. к с. 306.

С. 309. Вэньчжун — каменный кладбищенский истукан.

С. 312. «Луньюй» («Беседы и суждения») — древний памятник, в котором собраны разговоры Конфуция с учениками.

С. 313. Сетования Мин-фэй... — см. примеч. к с. 60 и 148.

С. 316. Могила Лю Куня... — В стихотворении речь идет о смуте на рубеже III и IV веков, об императоре Илу и его полководце Лю Куне.

С. 318. Надпись к картине... — см. примеч. к с. 148.

С. 322. Цанланский старец — герой поэмы Цюй Юаня «Отец-рыбак».

- С. 328. *Переправляюсь через Ишуй*. — См. примеч. к с. 6.
- С. 340. *Пэнлай* — см. примеч. к с. 48.
- С. 351. «*Сяоцзин*» («Книга о сыновней почтительности»), «*Сяосюэ*» («Малое учение») — сочинения, использовавшиеся при обучении детей.
- С. 364. *Ли Бо* — китайский поэт, см. его стихи на с. 36 и далее.
- С. 368. *Чжу Си* — знаменитый китайский философ XII в.
- С. 373. *Тут вспомнил я...* — см. примеч. к с. 322.
- Персиковый сад Улина* — речь идет о счастливой стране, путешествие в которую описано в «Персиковом источнике» Тао Юаньмина.
- С. 382. «*Дух ветра и потока*» — состояние полной внутренней свободы, раскованность — неперемное условие творческого вдохновения.
- С. 385. *Чигэ* — приспособление для переноски груза на спине.
- С. 387. *Бянь Цяо* (V в. до н. э.) — знаменитый китайский лекарь. ...*Умереть и вновь родиться*... — по представлениям буддистов, все живые существа подвержены перерождениям.
- С. 393. ...*в эпоху Яо и Шуня* — то есть в баснословные времена мифических предков.
- С. 394. *Ковш Небесный* — созвездие Большой Медведицы. *Ввысь к Девятому Небу*... — то есть в обитель бессмертных, которая располагалась на девятом ярусе даосского рая.
- С. 396. *Сады Улина, Персиковый ключ* — см. примеч. к с. 373. *Сихуан* — персонаж китайской мифологии, символ отшельничества. *Ляньси* — прозвание философа Чжоу Дуньи (1017—1073).
- С. 397. *Су Ши* — поэт, см. его стихи на с. 149 и далее.
- С. 398. *Прав был Сюй Ю...* — Речь идет о древнем отшельнике, который будто бы не только отверг предложение поступить на службу, но и поспешил отмыть свои уши от суетных слов.
- С. 399. *Цзи и Се* — см. примеч. к с. 73.
- С. 407. *Волопаса Ткачиха ждет...* — известная в разных вариантах легенда о влюбленных, юноше и девушке, которые в наказание за любовь были превращены в звезды, разделенные Серебряной рекой (Млечным Путем); встречались они только раз в год.
- С. 422. *Луна белоснежная Ланки*... — имеется в виду гора Ланка в стране Будды (остров Цейлон). *Праджна* — мудрость, очищенная от мирских помыслов.
- С. 423. *Учение Тхиен* — то есть учение одной из известных буддийских сект (кит. Чань).
- С. 446. *На реке Цай-ши...* — Стихотворение посвящено поэту Ли Бо.
- С. 454. *Движение — Кань, неподвижность — Гань...* — имеются в виду особые гадательные знаки из «Ицзина» («Книга перемен»), напоминавшие по виду *кань* — воду (символ подвижности, текучести), а *гань* — гору (символ покоя, неподвижности). *Ян* — символ светлого, мужского начала, *Инь* — символ темного женского начала; по дальневосточным представлениям, в их взаимодействии рождается весь сущностный мир.
- С. 457. *Великий предел* — см. примеч. к с. 8. *Два начала* — *Инь* и *Ян*.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ

ЭПОХА ТАН

VII—X вв.

Ван Бо. Первое стихотворение в переводе В. Алексеева, второе — Л. Эйдлинка	5
Лу Чжаолин. Перевод Л. Эйдлинка	6
Ло Биньван. Перевод Л. Эйдлинка	6
Ян Цзюнь. Перевод Л. Эйдлинка	7
Чэнь Цзыан. Первое стихотворение в переводе В. Алексеева, далее — В. Рогова	8
Хэ Чжичжан. Первое стихотворение в переводе В. Алексеева, второе — Л. Эйдлинка	9
Чжан Юэ. Перевод Л. Эйдлинка	10
Чжан Цзюлин. Перевод Л. Эйдлинка	10
Мэн Хаожань. Перевод Л. Эйдлинка	11
Чжан Сюй. Перевод Л. Эйдлинка	17
Ван Вань. Перевод Л. Эйдлинка	19
Цуй Хао. Перевод В. Алексеева	19
Ван Вэй. Перевод Арк. Штейнберга	20
Ли Бо. Первые шесть стихотворений в переводе В. Алексеева, далее пять — А. Ахматовой, следующие два — М. Басманова, далее — А. Гитовича	36
Гао Ши. Первые два стихотворения в переводе В. Алексеева, следующие — Л. Меньшикова, далее — Л. Эйдлинка	65
Лю Чанцин. Первое стихотворение в переводе В. Алексеева, далее — Л. Эйдлинка	68
Ду Фу. Первые три стихотворения в переводе В. Алексеева, далее — А. Гитовича	70
Цэнь Шэнь. Перевод Л. Эйдлинка	100
Мэн Юньцин. Перевод Л. Эйдлинка	101
Чжан Цзи (Чжан Исунь). Перевод Л. Эйдлинка	101
Чжан Вэй. Перевод Л. Эйдлинка	101
Цянь Ци. Перевод Л. Меньшикова	102
Гу Куан. Перевод В. Алексеева	103

Дай Шулу. Перевод В. Алексеева	103
Вэй Инъю. Первые три стихотворения в переводе Л. Меньшикова, далее — Л. Эйдлинка	104
Мэн Цзяо. Первое стихотворение в переводе В. Алексеева, второе — Л. Меньшикова, третье — Л. Эйдлинка	107
Лю Цзунъюань. Перевод Л. Эйдлинка	108
Лю Юйси. Перевод Л. Эйдлинка	109
Бо Цзюйи. Перевод Л. Эйдлинка	109
Цзя Дао. Перевод В. Алексеева	133
Ли Шэнь. Перевод Л. Эйдлинка	133
Ду Му. Перевод Л. Эйдлинка	134
Ли Шаньинь. Перевод А. Ахматовой	134
Сыкун Ту. Перевод В. Алексеева	135

ЭПОХА СУН

X—XIII вв.

Оуян Сю. Перевод Г. Ярославцева	143
Ван Аньши. Перевод А. Сергеева	147
Су Ши. До стихотворения «Луна середины осени» перевод Е. Витковского, далее — И. Голубева, три последних — М. Басманова	149
Хуана Тинцзянь. Перевод А. Сергеева	167
Чжу Дуньжу. Перевод М. Басманова	168
Ли Цинчжао. Перевод М. Басманова	169
Лу Ю. Перевод В. Тихомирова	173
Синь Цицзи. Перевод М. Басманова	177

ЭПОХА ЮАНЬ

XIII—XIV вв.

Гуань Ханьцин. Перевод И. Смирнова	181
Чжан Кэцзю. Перевод И. Смирнова	189
Бо Пу. Перевод И. Смирнова	191
Чжан Янхао. Перевод И. Смирнова	192
Гуань Юньши. Перевод И. Смирнова	192

Ван Юнь. Перевод И. Смирнова.	193
Бай Бэнь. Перевод И. Смирнова.	193
Сюэ Анфу. Перевод И. Смирнова	194
Жэнь Юй. Перевод И. Смирнова	194
Ма Чжиюань. Перевод Е. Витковского	195
Ян Го. Перевод Е. Витковского	197
Ху Чжияй. Перевод Е. Витковского	198
Яо Суй. Перевод Е. Витковского.	198
Гао Кэгун. Перевод Е. Витковского	199
Чжао Мэнфу. Перевод И. Смирнова	199
Цзе Сисы. Перевод Е. Витковского	199
Хуан Цзинь. Перевод Е. Витковского	200
Хуан Чжэньчэн. Перевод И. Смирнова	200
Кэ Цзюсы. Перевод И. Смирнова	201
Ни Цзань. Перевод Е. Витковского	202
Са Дуцы. Перевод С. Бычкова	202

ЭПОХА МИН

XIV—XVII вв.

Переводы И. Смирнова

Шао Сянчжэнь	205
Лю Цзи	205
Сун Лянь	206
Ван Гуанъян	207
Чжан Юй	207
Ян Цзи	209
Сюй Бэнь	210
Гао Ци	210
Гун Синчжи. Перевод Е. Витковского	259
Лань Жэнь. Перевод Е. Витковского	259
Ху Чэнлун. Перевод Е. Витковского	260
Линь Хун. Перевод Е. Витковского	260

Переводы И. Смирнова

Юань Кай	261
Ван Сюнь	263

Ван Гун	264
Бянь Тун	264
Чжэн Цзи	264
Юань Цзинсо	265
Чжао Юй	265
Чжао Ютун	266
Цзинь Чэн	266
Лю Цю	266
Сюэ Сюань	267
Юй Цянь	267
Ши Цзин	268
Лю Цзи	269
Юй Цянь	269
Цянь Биндэн	270
Фань Дэн	271
Ван Цзо	271
Цзай Цзинь	272
Ма Чжунси	272
Ван Юньфэн	273
Ши Цзянь	273
Цзай Гуань	273
Ма Чжи	274
Ли Мэнъян	274
Бянь Гун	277
Хэ Цзинмин	278
Ван Тинсян	280
Сюй Чжэньцин	281
Инь Юньсяо	282
Сунь Июань	282
Ян Шэнь	283
Сюй Цзунлу	283
Ао Ин	284
Су Ю	284
Хуанфу Фан	285
Хуан Шэнцзэн	285
Шэнь Лянь	285
Ван Вэнь	286
Сюй Банцай	286
Ли Паньлун	287
Ван Шичжэнь	300
Се Чжэнь	301
Тан Ши	303
Ци Цзигуан	303
Ван Чжидэн	303
Ли Сяньфан	304
Чжу Цичжи	304
Тан Сяньцзу	304
Фэн Ци	305
Сюй Тун	305
Се Чжаочжи	308
Чэн Цзясуй	308
Сун Дэнчунь	309
Шэн Минши	309
Фань Жуй	309
Ма Шици	310
Тань Чжэньлянь	310

Ши У	311
Хань Ся	311
Ван Хун	312
У Ци	312
Чэнь Гунъинь	313
Чжоу Тунгу	314
Цзун Лунь	314
Дао Юань	314
Цзинь Чжун	315
Лу Цзюань	316
Фан Вэйи	317
Ли Ши	317
Хуан Юцзао	318
Сюй Цзинфань	318
Цао Шоуну	319
Се Сунь	319
Шэнь Цунху	320
Линь Ти	320
Цзян Кэчэн	320
Ли Жэньлао	321
Чжэн Чжишэн	321
Дунтинский старец	322
Безымянный автор	322
Безымянный автор	322
У Чэньэнь	323
Безымянный автор	326
Сюй Вэй	326
Чжан Гансунь	326
Фу Ваньчунь	327
Чэнь Цзылун	328

КОРЕЯ

Переводы А. Жовтиса

КЛАССИЧЕСКИЕ СИДЖО

Неизвестные авторы	331
У Тхак	339
Ли Джоно	339
Вон Чхонсок	340
Сон Саммун	340
Ли Гэ	340
Вольсан-тэгун	341
Ли Хёнбо	341
Ким Гу	341
Ан Джон	341
Ли Хван	342
Хон Сом	343
Хван Джини	343
Ян Саон	344
Квон Хомун	344
Чон Чхоль (Сонган)	345
Ли Воник	352
Хан Хо	353
Чо Хон	353

Чан Гёнсе	353
Чо Джонсон	354
Ли Ханбок	354
Чон Он	354
Ким Санъён	355
Пак Инно	355
Син Хым	357
Сори	358
Куджи	358
Ли Аннуль	358
Понним-тэгун	359
Хон Собон	359
Ким Гванук	359
Юн Дусо	360
Ку Джиджон	360
Ю Сун	361
Син Джонха	361
Чу Ыйсик	361
Ким Суджан	361
Ли Джонбо	364
Чо Мённи	364
Ким Чхонтхэк	365
Ким Джинтхэ	366
Син Химун	366
Хо Соккюн	367
Ан Минён	367

ЦИКЛИЧЕСКИЕ СИДЖО

Ли И	368
Юн Сондо	370

ПОЭМЫ-КАСА

Чон Гыгин	382
Чон Чхоль	384
Пак Инно	398
Хо Нансорхон	405
Ли Банъик	408
Неизвестный автор	410
.	411

ПОЭЗИЯ НА ХАНМУНЕ

Чхве Чхивон	412
Ли Гюбо	412
Супруга Ли Гака	414
Госпожа Чон (Чон-сси)	414
Хван Джини	414
Ли Джэ	415
Неизвестный автор	415
Ли Хянгым (Кесэн)	416
Токкё	416
Пак Инно	417
Хо Нансорхон	418

ВЬЕТНАМ

Нго Тян Лыу. <i>Первое стихотворение в переводе А. Ревича, второе — Арк. Штейнберга</i>	421
Ван Хань. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	422
Ли Тхай Тонг. <i>Перевод А. Ревича</i>	422
Виен Тиеу. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	422
Ли Тхыонг Киет. <i>Перевод А. Ревича</i>	423
Зиеу Нян. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	423
Ман Зиап. <i>Перевод А. Ревича</i>	424
Кхонг Ло. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	424
Дай Са. <i>Перевод А. Эйдлины</i>	424
Куанг Нгием. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	425
Минь Чи. <i>Перевод А. Эйдлины</i>	425
Чан Тхай Тонг. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	425
Чан Тхань Тонг. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	426
Чан Куанг Кхай. <i>Перевод А. Ревича</i>	426
Чан Нян Тонг. <i>Первые три стихотворения в переводе Арк. Штейнберга, далее — А. Ревича</i>	427
Фам Нгу Лао. <i>Перевод А. Ревича</i>	429
Чан Ань Тонг. <i>Перевод А. Ревича</i>	429
Хюйен Куанг. <i>Перевод А. Ревича</i>	429
Мак Динь Ти. <i>Перевод А. Ревича</i>	430
Чан Куанг Чиеу. <i>Перевод А. Ревича</i>	430
Нгуен Чунг Нган. <i>Перевод А. Ревича</i>	431
Нгуен Шыонг. <i>Перевод А. Ревича</i>	431

Чан Минь Тонг. <i>Перевод А. Ревича</i>	432
Тю Ван Ан. <i>Перевод А. Ревича</i>	432
Тю Дыонг Ань. <i>Перевод А. Ревича</i>	433
Чыонг Хан Шиеу. <i>Перевод А. Ревича</i>	433
Фам Шы Мань. <i>Перевод А. Ревича</i>	434
Чан Нгуен Дан. <i>Перевод А. Ревича</i>	435
Чан Фу. <i>Перевод А. Эйдлины</i>	436
Нгуен Фи Кхань. <i>Перевод А. Ревича</i>	436
Чан Лэу. <i>Перевод А. Ревича</i>	437
Ле Кань Туан. <i>Перевод А. Ревича</i>	437
Нгуен Чай. <i>Перевод В. Микуневича</i>	439
Ли Ты Тан. <i>Перевод А. Ревича</i>	446
Ли Тхиеу Динь. <i>Перевод А. Ревича</i>	447
Нгуен Чык. <i>Перевод А. Ревича</i>	448
Ву Лам. <i>Перевод А. Ревича</i>	448
Ле Тхань Тонг. <i>Из стихов на родном языке. Перевод В. Топорова</i>	449
Ву Зюэ. <i>Перевод А. Ревича</i>	450
Нгуен Фу Тиен. <i>Перевод А. Ревича</i>	450
Нгуен Бинь Кхием. <i>Из «Собрания стихов Белого облака, написанных на родном языке». Перевод М. Петровых</i>	451
Из «Собрания стихов обители Белого облака». <i>Перевод А. Ревича</i>	454
Зиап Хай. <i>Перевод А. Ревича</i>	457
Нгуен Зу. <i>Перевод Арк. Штейнберга</i>	457
Илья Смирнов. <i>Чистый голос поэзии</i>	461
Примечания	472

С 24 **Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама: Сост. Е. Дьяконовой. / Посл. и прим. И. Смирнова.— М.: Правда, 1989.— 480 с.**

В поэтическую антологию «Светлый источник» вошли лучшие образцы средневековой любовной, пейзажной, гражданской лирики стран дальневосточного культурного региона — Китая, Кореи и Вьетнама.

С $\frac{4703000000-1785}{080(02)-89}$ 1785—89

84.5

СВЕТЛЫЙ ИСТОЧНИК

Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама

Составитель
Елена Михайловна Дьяконова

Редактор Е. А. Дмитриева

Оформление художника Р. Р. Вейлерта

Художественный редактор Г. О. Барбашинова

Технический редактор Е. Н. Щукина

ИБ 1785

Сдано в набор 27.07.88. Подписано к печати 25.11.88.
Формат 84х108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 23,76.
Тираж 200.000 экз. (1-й завод: 1—100.000 экз.).
Заказ № 1248. Цена 2 р. 00 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
«Советская Кубань», г. Краснодар, ул. Шаумяна, 106.